A large, dark portrait of the Russian polymath M. V. Lomonosov occupies the left two-thirds of the cover. He is shown from the chest up, wearing a red velvet jacket over a white cravat and a dark coat. His gaze is directed slightly upwards and to the right.

К 275-летию со дня рождения
М. В. ЛОМОНОСОВА.

Как стать
директором?

НЕ
УПУСТИТЬ
ТАЛАНТ.

смена

№ 22 (1428) ноябрь 1986

ISSN 0131—6656

Юрий РАГОЗИН

я лет назад двадцатичетырехлетнего главного механика из Кыштыма Владимира Денисенко назначили директором Троицкой обувной фабрики. Произошло все очень быстро. Денисенко сидел в кабинете главного инженера Челябинского производственного обувного объединения и рассказывал о своем намерении уехать в Новосибирск, куда приглашали его главным механиком объединения «Детская одежда».

Одной ногой и всеми помыслами он был уже в Новосибирске — городе своего детства и юности, где кружилая когда-то в прощальном вальсе наш самый дружный и самый веселый десятый «В» 136-й средней школы, где остался институт легкой промышленности, в котором он получал диплом, где жили родители и друзья.

Главный инженер слушал его, кивая, и вдруг спросил:

— А в Троицк? Директором!

Еще на четвертом курсе Денисенко как-то признался жене: «Мечтаю о самостоятельном деле, хотя б о маленьком свечном заводике». И вот он, « заводик», бери!..

Он думал пять минут. Прихлопнув лягушонко по полированному столу ладонью, сказал:

— Поеду.

Заканчивался декабрь. Денисенко так и не успел побывать в отпуске. А в Троицке его ждал гостиничный номер, в котором предстояло прожить три месяца до получения квартиры.

Новый, 1962 год — с первого дня — он начал в новой должности. Под диктовку генерального директора объединения написал свой первый приказ: «Приступаю к исполнению обязанностей в должности директора фабрики согласно приказу по объединению. Денисенко».

Когда человек в двадцать четыре года становится директором фабрики, пусть даже небольшой, не все к этому относятся одинаково. Знаю руководителей, готовых скорее голову сунуть в петлю, чем увидеть в равнозначной должности человека моложе себя. В расчет не берется ни то, что способности у людей бывают разные, ни то, что одному определенные высоты доступны в сорок лет, другому — в двадцать пять.

Новому директору предстояло испытать на себе все оттенки человеческого внимания.

...Тринадцать лет мы не виделись. Давно уже уехал я из Новосибирска, редко бываю там, однако стараюсь не упускать из вида своих одноклассников. Многие из тех, кто подавал надежды в школе, не сумели их оправдать. Наш дружный класс во взрослой жизни таковым не остался. О служебном росте Денисенко я слышал, это немного удивляло. В школе он не блистал.

Из-за стола поднимается навстречу мне Володя Денисенко — главный инженер объединения (а точнее, исполняющий обязанности генерального директора: директор месяц как на больничном). Высокий, худощавый, в строгом сером костюме. Совсем не изменился.

Не знаю, как там насчет биополей, однако загадку ученым могу подкинуть. Денисенко вдруг хлопнул себя рукой по колену и восхликал:

— А ведь я о тебе вспоминал два дня назад! Представляешь?! Думаю: что-то о тебе ничего не слышно. Еще и Але, жене, об этом сказал.

— Так ведь я о тебе всю неделю думал, прокручивал в голове предстоящую встречу! Дошли-таки до Челябинска мои флюиды!..

Денисенко попытался было в двух словах поведать мне всю свою историю; не торопясь, остановил его я, успев еще. Он рассмеялся, видимо, смекнув, что с разговорами я ему еще порядком поднадоел, вздохнул.

Читатель!

А как складывается жизнь твоих одноклассников сегодня, в непростое время перемен, предъявляющее особый счет человеку?

Кто остался верен себе, своим мечтам?

Кто не оправдал надежд, которые подавал в школе?

Почему?

Давайте поразмышляем вместе:

что прежде всего определяет судьбу молодого человека?

Ждем писем!

ЧАЙКА ИЗ НАШИХ

— Вообще-то, если откровенно, трудно...

И я понял: это и есть то главное, что он хотел и что должен был сказать в самые первые минуты нашей встречи.

Мы пошли по цехам осматривать его «владения». Иду чуть сзади Денисенко и пытаюсь представить себе, как год назад с небольшим он первый раз в должности главного инженера объединения шел этим маршрутом, какими глазами смотрели на него работники фабрики, о чем думали, чего ждали. Он ловил на себе просвещивающие взгляды, очень разные — удивленные, настороженные, ехидные...

СПРАВКА: в Челябинское производственное обувное объединение, в котором работают четыре с половиной тысячи человек, входят Кыштымская, Троицкая, Златоустовская, Челябинская фабрики, Дом моделей, ПТУ и магазин «Башмачок».

Он стремительно шел по цеху, на ходу объясняя, кто и какие операции тут выполняет, выхватывал с конвейера башмак, показывал, но не всегда с удовольствием, потому что не все модели были по душе ему самому. Он не пытался оправдываться, не выставлял черное белым, был откровенен. Я воспринимал его уже не как одноклассни-

ка, а как обычного директора, «объект» моей очередной командировки, и мерки, с которыми я к нему подходил, не имели поправок на школьную дружбу.

Мы шли по цеху раскрай заготовок. Я видел модные женские босоножки, симпатичные мужские туфли, неплохие подростковые обувки, стилизованные под кроссовки, и добротные, дешевые, но малопривлекательные мужские полуботинки. Оценки мои делились на две категории: это бы я купил, это — нет. Полуботинки я брать бы не стал, несмотря на их призывающую дешевизну.

— А сколько лет этим прессам?
— В среднем по двенадцать. За гра-

ницией их меняют примерно каждые семь лет.—Денисенко развел руками.—Сегодняшнему мировому уровню они давно уже не соответствуют.

Работницы раскладывали кожаные полотна на прессах, прикладывали выкройки, прикидывали так и здак.

— А на московской «Заре» это делают роботы. За час успевает столько, сколько у нас двадцать человек за день!

В больших цехах тесно, между рядами оборудования узкие проходы. Челябинская фабрика построена в 1968 году. Планировали три корпуса, из экономии один корпус строить не стали, а два оставшихся соединили. В туалетах, которые были запроектированы на каждом этаже, теперь расположены кабинеты начальников цехов.

— Вот, посмотри подошву.—Денисенко держал в руках заготовку.—Сначала вырубается форма из резины, пробиваются радиус, желоба, потом подошву собирают на клей, потом вырубают клин, вставляют его, потом вставляют картонную проложку... А за границей подошвы лют. Прыск — и готово!

Мы съездили в Дом моделей, полюбовались разработанными модельерами объединения образцами. Однако немалой части этих замечательных образцов суждено пока лишь умилять экскурсантов вроде меня, волновать воображение Денисенко да потихоньку набирать вес за счет оседающей пыли, ибо жизнь их и судьба — в волшебной игре, игле, игла — в яйце, яйцо — в утке, утка — в сундучке, а сундучок — в крепких руках смежников-поставщиков, снабжающих производственников материалами.

После работы мы приехали к Денисенко домой. Переодевшись, он появился в джинсах. Мне почудилось, что мы снова вернулись в славные школьные дни.

Еще до поездки в Челябинск я пыталась вспомнить о Денисенко что-нибудь примечательное (вместе мы проучились два года — в девятом и десятом классах). И ничего особенного не вспомнил. Мы не были близкими друзьями, однако я всегда относился к нему с симпатией. Он был надежным парнем. Не раздумывая, вступался за слабых; как знаки отличия, носил синяки. Лидером не был, а директором стал. Я поимал себя на мысли, что пытаюсь отыскать в характере Денисенко-школьника черты, выделяющие его как будущего руководителя. Нет, не было у него «предрасположенности» к директорству.

оборудование на мне, котельная. Я представлял в общем-то, что котлы надо топить, но что такое авария в котельной в зимнее время и как эти котлы ремонтировать, понятия не имел. А ситуация такая была!.. Кочегар проспал, котел остановился. Дело было зимой. Теплосистема вышла из строя: трубы перемерзли. На чердаке над фабрикой они еще не успели лопнуть. Надо было их спасать. Но как? Посоветовался с главным энергетиком соседнего завода. Попробуй, говорит, греть трубы электросваркой. Но это же риск, и еще какой! А если пожар?.. Взял на себя ответственность, дал приказ греть электросваркой. Все прошло нормально. Фабрика продолжала работать... Или другой случай. Директор водил меня по фабрике, знакомил, а тут, как на грех, пресс для приклейки подошв сломался. Разобраться, в чем дело, не можем. Пресс-то я по картинке узнал, а что наладчикам сказать? Пошел вечером домой, взял паспорт на этот пресс — изучать. Опытный главный механик должен был бы поглядеть и ткнуть пальцем: надо то-то. А я... Три дня изучал паспорт, искал причину поломки. Пресс стоял... Высчитал варианты. Понял — клапан западает. Довели клапан. Заработал пресс! Я стал себя немножко уважать... Но это были еще цветочки. Пошли и ягодки!.. Благо, хорошие наладчики попались. Учился заново. Выходит, недоучили меня...

— И что же ты предлагаешь изменить в подготовке студентов?

— Вот сейчас у нас трудности с кадрами. Нужны молодые специалисты. Они приходят на практику с четвертого курса. А надо бы с третьего. Помощником мастера, мастером, чтобы к госэкзаменам студенты уже знали свою профессию не только по учебникам, чтоб уже в институте думали о том, как улучшить технологию и т. д. Пока мы не связем вузовскую науку с промышленностью, пока будем заниматься каждый по своему ведомству, сам по себе, до тех пор и будем восхищаться «Саламандрой»!..

Но вот ведь парадокс! Студент и не стремится к практическим знаниям. Выпускник института, если его распределяют в объединение, хочет попасть только в отдел. Мастером — ни за что! Зазорно. Пять лет учили — и по

механиков. Приди же я сразу в отдел, не знаю, что бы из меня получилось...

— А сам ты доволен своими молодыми специалистами?

— Понимаешь, то, что в институте не учат руководить производством, практических знаний мало дают, — это еще только полбеды. Другая проблема: не хватает энергичных молодых людей, которые хотели бы активно работать, расти, продвигаться по службе. Спросишь, почему так? Многие достигают определенного уровня и выше не попрятся. А зачем? Зарплата ненамного повысится, зато ответственность возрастет вдвое. Вот у меня молодой замначальника цеха, давно работает, предлагали ему главным инженером фабрики-филиала, замглавного механика объединения — не хочет! Работает спокойно, чего еще надо?..

Вот мы говорим: повышать престиж профессии обувщика. А как? Куда зовем работать? Ручной труд, запахи... Чтобы привлечь молодежь, надо модернизировать производство. Но ты же видел наше оборудование!.. За пять лет наше училище подготовило 1200 специалистов, а пришли к нам 266. Нужно строить жилье. А министерство не дает денег. В год двадцать квартир сдаем! Нам позарез нужно общежитие для малосемейных! Где его взять? Около трех лет назад построили Златоустовскую фабрику. Проект делали в Уфе, в филиале отраслевого НИИ. Здание неудобное, конвейеры старые, погрузочные работы не механизированы. Теперь мы должны осуществлять комплексную механизацию фабрики. Речь идет о новой фабрике! Это ж все равно, что сданный вчера дом ставить на капитальный ремонт!

Денисенко вдоволь находился по комнате, намахал руками, сел. Аля принесла кофе.

— Ну, отдохните от проблем. — Она вытащила из шкафа картонную коробку. — Давайте посмотрим фотографии.

Я ставил коробку на колени и начинаю перебирать карточки. Свадебная серия, денисенкины дети во всех ракурсах, Аля, теща, тестя, дядя, тетя. Школьные годы, Володя на ринге — класс примерно седьмой; в десятом у него был первый разряд по боксу.

Спорт немало помог ему. Воспитал настойчивость и целеустремленность, привил привычку бороться. Помню, как фанатично работал он на тренировках; уступал сопернику в силе — брал хитростью, ловкостью. Нагрузку увеличивал каждый день, хоть по капле, но прибавлял. В институте вместо спортивных сборов ездил в стройотряды, энергию стал направлять в другое русло — занимаясь общественной работой.

Все правильно, спорт сыграл свою роль, но ведь многие из нас занимались спортом и успехов добивались не мень-

общий любимец, весельчак, рубаха-парень — тоже дипломированный специалист, работает стеклорезом на рынке, летом ездит калымить, «деньги зашибать», зимой гуляет по ресторанам: швейцар, говорят, за версту ему кланяется. Володя С. Незаметный, добрый — ушел в таксисты, купил машину, шмотки, огрубел, стал циником...

Я не могу называть их настоящие фамилии. Если бы я писал просто о каком-то директоре и его каких-то одноклассниках... Ну, не состоялись, не нашли себя (или не искали), что поделаешь, не всем выходить в руководители!.. Но ведь это мои одноклассники. Что же с вами случилось, ребята?

Мы говорили об этом с Денисенко.

— Мне теперь с ними даже встречаться-то стало как-то неудобно, — сказал он грустно. — Знаешь,ывает, человек обманул тебя или предал, и тебе же стыдно смотреть ему в глаза...

Групповой снимок из недавних; в первом ряду стоит Денисенко и щурится от солнца.

— Это в Троицке. — Он улыбается. Ему приятно глядеть на это фото, приятно вспоминать маленький славный город. Я беру в руки блокнот.

— Давай по порядку. Твое первое время в роли директора. Ощущения, трудности, отношения с людьми. Когда ты почувствовал себя директором?

— С первых же дней 1982 года. Втягиваться в работу, раскачиваться не пришлось. Фабрика заваливала план. Кстати, план и за предыдущий год не был выполнен. Нужно было срочно что-то предпринимать, находить действенные меры. Пятиминутки растягивались на сорок минут. Пришлось привлечь к работе в цехах ИТР. В итоге квартальный план мы все же выполнили.

Как принимали меня? Поначалу говорили: нашелся высокочка двадцати четырехлетний! Подумашь, директор! Не таких видали. Анонимки писали в горком: мол, «не сапожник», ничего не понимает в обуви, берется командовать. Кому-то хотелось, чтоб я сорвался. Повернуться и уйти? Нет, думал я, не выйдет! Взялся за гуж... Кстати, когда и тут, в объединении, начинял главным инженером, тоже доброжелателей хватало. «Советовали»: что-то ты резко взял чересчур!..

Много, конечно, я еще не знал в то время. Но не стеснялся спрашивать у начальников цехов, технологов. Не делать же умный вид, чтобы потом попасть впросак! Моя тактика была проста: личная самодисциплина и жесткий спрос за дело. Взялся бороться с опозданиями, сам контролировал уход второй смены. Начальники-то цехов были на работе одну смену, а я оставался и на вторую, потому и знал

КТОРЫЙ КЛАСС

Вот и сейчас я смотрел на него и думал: а может, это случайность, стечние обстоятельств, везение? Да и что, собственно, должно было проявиться в нем в детстве?

— Давай поговорим о молодых руководителях,— предложил я.— Об их трудностях и радостях.

— Руководители!.. — протянул Денисенко.— Да нас никто и нигде не учил руководить! Не учат нас управлять производством! Да и практических знаний нет. Я вот диплом защитил на «отлично». И что же? Приехал главным механиком в Кыштым, в подчинении — человек сорок,

цеху бегать? Не-ет! За людей отвечать, за качество, за план? Не приучен к ответственности. Но инженер, не поработавший мастером, — ноль без палочки. Он же не поймет мастера, рабочего! Не поможет им. И получается, в институте настраиваемся на инженерную должность, а потом ругаем ее: и непрестижно, и неинтересно, и зарплата маленькая, и отдачи никакой. Но если ты живого дела не знаешь, какая от тебя отдача? Откуда престижу быть, если среди инженеров полно несведущих людей?!

Я начинал с главного механика. Это фактически тот же мастер, только у

меня, а то и гораздо больших, чем Денисенко. Что же помогло ему? Прилежание? Были и прилежней. Чем же тогда?

У нас у всех были равные условия, значит, директором мог бы стать каждый? Многие ныне хорошие специалисты, уважаемые люди. Но есть и другие, о которых мне довольно писать. Женя А. Любимец класса, самый сильный, самый справедливый — за десять лет кое-как окончил институт, числится инструктором в бассейне, пересчитывает купальщиков, в остальное время гоняется за тряпками, машинами, всем, что считается якобы престижным. Миша В. Другой

больше, чем они. Заставлял и их приходить пораньше, чтобы быть в курсе всех дел. Некоторые обижались. Но когда план пошел, начали премии получать, стали победителями в соцсоревнованиях, тогда строгий спрос уже воспринимался нормально, как должное. Пришло понимание.

Я почувствовал поддержку. Один человек не в силах сделать многое, пока не найдет единомышленников.

Были и конфликты. Главным инженером в то время была женщина, грамотный специалист, но боялась ответственности и умела переложить свою работу на плечи других. Начина-

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

Смена

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
И ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ
ЦЕНТРАЛЬНОГО КОМИТЕТА ВЛКСМ

Основан в январе 1924 года. Выходит два раза в месяц.

№ 22 (1428) НОЯБРЬ 1986

МОСКОВСКАЯ ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

Наша обложка:
М. В. ЛОМОНОСОВ.
Портрет
работы
неизвестного
художника
XVIII века.

ешь спрашивать с нее, она — на стол заявление об уходе. Раз, два. Хотел подписать, но в горкоме партии осадили: не торопитесь, она давно работает... Через год она снова подает заявление. Но тут уж я сильнее был, подписал. Назначил начальника производства главным инженером, и сразу стало мне легче: получил возможность оторваться от текучки, заняться перспективами...

Три года прошли незаметно. Перед седьмым ноября 1984 года простился я с коллективом на оперативке, а мне: пойдемте с нами на демонстрацию! Потом устроили проводы. И тут я понял, что сработался с людьми...

Было дело, было... Раньше зайдешь в цех — холодно, люди в телогрейках сидят. «А вы, — говорят, — с нас еще и план требуете!» Зима в первый год морозная стояла; пока до гостиницы добежишь — десять минут ходу, — уши отпадают. Летом разрыли теплосети, ох и ругал же я прежнее руководство! Теплосети оказались без изоляции! Мы грели землю и воздух на улице. Надо было менять трубы, а труб нет... Кое-как достали, вырыли новые канавы, заменили, сделали капитальный ремонт котельной. Людям стало тепло работать.

Не было складских помещений — проблема номер один. Вся территория цехов завалена сырьем и продукцией. Мой предшественник успел заложить часть фундамента, мне надо было строить. Это я любил, опыт в студотрядах накопил. Но из чего строить? Цемента нет, блоков нет, металла нет. Заключил договор с Казахстанским кирпичным заводом: я им рукавицы шью, они мне — кирпич. Какими путями цемент доставал, лучше не писать. Механизмов нет, транспорта нет, один энтузиазм! Прорабов нет, кран достал — строителей нет. По ходу переделали проект склада, построили гараж, заасфальтировали территорию фабрики, улицы...

— А как ты считавши, сколько часов должен работать директор?

— В Кыштыме вначале помногу работал. Потом, когда дело наладилось, оставался вечером по мере необходимости. В Троице в первое время: к семи — на фабрику, в девять — одиннадцать — домой. Спустя три месяца получил квартиру, семья приехала. Режим сделался помягче: в шесть вечера дома. Здесь, в Челябинске, с семи утра до шести вечера. Сколько так будет продолжаться, сказать пока трудно. Наверно, тут и моя вина есть: не очень четко организую свою работу. Ужас, сколько времени отнимают всевозможные комиссии, проверки, справки, вызовы на совещания. То, что я столько сейчас работаю, не считаю нормальным. Это вынужденная необходимость. Но не могу же я бросить дело и уйти...

После первого курса он поехал в строитряд на Камчатку. Работа там была организована плохо. За старания Денисенко избрали бригадиром. На будущий год — командиром отряда на Сахалин. Сдал досрочно экзамены и уехал раньше всех — готовить фронт работ. Вернулся — остался доволен: и дисциплина была, и за труд свой не стыдно, и заработки хорошие. На следующий год в его отряд был огромный конкурс. Он поехал комиссаром опять же на Сахалин, строили узкоколейку. Был он в отряде самый молодой. Вот где начались его первые уроки ответственности! И в третий раз он ездил строить на Сахалин. Был секретарем факультетского бюро ВЛКСМ, заместителем секретаря комитета комсомола института.

Не все шло гладко. Но кое-что он уже научился предвидеть. Там-то он и усвоил, на себе проверил, чем отличается мудрый от умного. Умный из любой трудной ситуации выход найдет, мудрый не попадет в нее.

Мы говорили с Денисенко о его самостоятельности как руководителя. Очень относительная у него самостоятель-

ность. Может разве что на поставщиков в госарбитраж подать. Но качество обуви от этого не улучшится. Может на поклон в министерство поехать с заявкой на новое оборудование, просить будет швейные машины с программным оборудованием — ему обычных-то дадут одну треть от необходимого, будет просят высокопроизводительное оборудование для раскрай — получит пару импортных станков, каплю в море. И от этого тоже качество не улучшится.

Конечно, нужно подтягивать дисциплину, другие внутренние резервы, но без техники ничего не добиться. Ни качества, ни количества. Пока рука будет фрезеровать каблук — нет гарантии, что она не скосит его. Одна только колодка весит два килограмма, а фреза острыя, нужно осторожно... Как требовать с работницы качества, когда у нее восемь часов рука на весу?

Пока смежники будут думать каждый о себе, не заботясь конечном продукте, и не будут совершенствовать свое производство, из всей цепочки — пастух, кожемяка, химик, модельер, сапожник — внакладе главным образом останется сапожник, и быть ему при этом мальчиком для битья. Пытается Денисенко внедряться в сферы своих смежников, но не все пока удается; где-то возможностей не хватает, где-то поддержки сверху, где-то — настойчивости и последовательности.

— Я мог бы и более изящную модель запустить даже при наличии средних материалов. Помнишь полуботинок, на танк похожий?.. Но у нас в отличие от западных стандартов очень сложная технология, упростить ее мне не разрешают: ГОСТы, видите ли, не позволяют. Так вот, люди не успевают сделать нужное количество пар для плана. А с меня требуют вал! Не сделают рабочие, предположим, тысячу пар изящной модели — не получат премию, не получат премию — уйдут туда, где премию дают. Премия-то начисляется по валу!

У нас в стране кожаной обуви выпускается более трех пар в год на душу населения, дело идет к четырем. А надо ли столько? Венгрия, например, Чехословакия имеют менее трех пар на душу, но и продают обувь за границу! Дело-то не в количестве, а в качестве. В объединении ежегодно делают свыше семи миллионов пар обуви на сумму более ста миллионов рублей, снабжая в основном свою область (с населением порядка четырех миллионов человек). Насыщение уже наступило, товарного голода нет. Обуваем обутого! Так, может, следует сократить количество за счет повышения качества?

...Пусто в кабинете, тихо. Шуршит кондиционер, силятся прохлады надуть, но мало от него толку. Солнце ломится в окно. Жарко. Денисенко ушел на партсобрание. Сижу, думаю.

Сейчас у наших учителей — у Анны Петровны Уфимцевой, у Нины Устиновны Титовой — новые классы, другие ребята. И у этих ребят впереди жизнь. И равные условия. Каждый может стать геологом, как наш Серега Стасов, врачом, как Зуля Ахмадиева, радиотехником, как Валера Дворников, директором, как Володя Денисенко. Обстоятельства складываются не произвольно — их складываем мы сами.

Нет, не случайно Денисенко стал директором.

Перед отъездом из Челябинска я спросил у него: о чём мечтаешь?

— Думаешь, об очереди за моей обувью? — Он улыбнулся. — Есть очередь! Бывают, по блату достают. Да, да, мою модельную обувь! И сам я ее, как видишь, ношу. Но эта обувь из хорошего хрома, с хорошим мехом, на хорошей подошве. Модели-то мы можем создавать не хуже западных, только было бы из чего... А хрустальная мечта — иметь у себя в цехах оборудование, как у итальянцев. И, работая на нем, обогнать зарубежных коллег по качеству. — Он помолчал и добавил: — А почему бы и нет?

Главный редактор А. А. Лиханов.

Редакция: В. И. Винокуров, Б. Л. Данюшевский (ответственный секретарь), В. И. Десятерик, М. Г. Кизилов (заместитель главного редактора), А. П. Кулешов, И. Н. Орджоникидзе, Р. И. Рождественский, Е. И. Рябчиков, В. А. Саюшев, В. И. Севастянов, В. П. Сериков, И. А. Серков (заместитель главного редактора), Г. С. Терзиашянц (главный художник), О. Н. Шестинский.

Художник В. Р. Павлов. Технический редактор А. В. Гусева.

© Издательство «Правда». «Смена». 1986 г.

афганские бывалы

Азат-хан МАШУАНИ

Mеня зовут Азат-хан Машуани. Я родился тридцать лет назад в деревне Инзеркут, провинция Кунар. Я подполковник Афганской народной армии. Третий год в Москве — учусь в академии имени Фрунзе. Учиться мне после ранений трудно, но стараюсь, сижу вечерами, ночами, всегда при мне записная книжка с русскими словами: поклялся каждый день учить не меньше десяти...

Что мы знали об СССР, о ваших людях до революции? Почти ничего. Первый раз я увидел советских, когда был в четвертом классе. Строили большой мост неподалеку от Асмара — это что-то вроде вашего райцентра, небольшой городок. Было страшно жарко, но советские трудились спокойно и споро. Из нашей деревни люди специально приходили посмотреть...

Через несколько лет мне секретно дали почтить книжку «Дерево дружбы», из нее я узнал общие сведения об СССР. Книжка «100 вопросов и 100 ответов», изданная в Советском Союзе на афганском, попала мне в рукописной копии тоже в строжайшей тайне. Если бы начальство военной школы, где я к тому времени учился, узнало, что я читаю такие вещи, меня бы арестовали и, конечно, исключили бы.

Наша деревня стоит в двадцати пяти километрах от границы с Пакистаном. Это селение бедное, живет там человек шестьсот. До революции еле сводили концы с концами. Те, кто имел корову, считались богачами. Земля у нас скучная, каменистая, воды совсем мало, да и та, что была, принадлежала Аджигулако, феодалу, он жил в Асмаре. Люди перебивались тем, что собирали в горах сучья и продавали; уезжали на заработки в Кабул или Джелалабад на три-четыре зимних месяца.

Народ был совсем отсталый, никто не умел читать и писать. Когда семья решила отправить меня в Кабул, в школу, многие смотрели на нас как на сумасшедших. Я учился девять лет — сначала получал среднее, потом специальное военное образование.

А однажды я увидел демонстрацию. Тогда, помню, спросил у друга — его звали Тадж-Махамат: чего хотят эти люди? Он сказал: «Говори потише» — и добавил шепотом: «Хлеба, одежды, дома...»

К тому времени один из наших дальних родственников вернулся из Советского Союза, из Киева — он там учился. И рассказал, что сделали там рабочие и крестьяне, как своей историей распорядились. Это связалось у меня с тем, что сказал друг. Тадж-Махамат был моим земляком и учился вместе со мной, но с того дня мы сблизились по-настоящему. Он стал давать мне книги, в том числе те, о которых я говорил. Как-то он привел меня в чайхану, где собралось несколько человек. Я слушал, они говорили. Часа три говорили. Тогда я впервые услышал о работе Ленина «Государство и революция». Еще мне показали программу нашей партии.

Через две недели, в один из выход-

ных, Тадж-Махамат привел меня на конспиративную квартиру. Помню дверь с кодом, помню два стола в комнате. Принимал меня в партию Назар-Махамат, нынешний министр строительства...

Когда Аджигулакай узнал о революции, он схватился за сердце и умер от инфаркта. Семья его бежала в Пакистан, уговорив бежать и легковерных крестьян. Многие из них сумели вернуться. Но многие и по сей день проживают в специальных лагерях на территории Пакистана, запуганные, совершенно не понимающие того, что происходит сейчас в нашей стране. Всего таких людей больше двух миллионов. Лагерей таких больше трехсот.

Я горжусь тем, что в нашей семье 35 членов партии, что мужчины нашей семьи, не раздумывая, взялись за оружие, когда революция оказалась в опасности, когда бандиты начали войну против своего народа, против того, что народ поверил в себя, в свои силы.

У меня пятеро двоюродных дядей погибли. И двое родных...

...Когда мы поженились с Шарбатой, ей было шестнадцать, мне — восемнадцать. У нас родились две дочки и сын. Три года назад ночью на нашу деревню напали враги. Вернее, сначала-то обстреляли из гранатометов. Банду разбили. Но одна из гранат попала в наш дом. Там были мои родители, трое детей. Все они остались невредимы. А Шарбата погибла — граната пробила стену как раз там, где она спала.

В 1979 году я стал командовать ротой, был секретарем парторганизации полка. Командовал батальоном, потом полком. Воевал на юге и востоке страны, у самой границы.

Что и говорить, было нелегко. Поначалу иной раз просто терялся. И растерялся бы, может быть, если бы не советские воины. Они помогали и советом, и примером.

Неподалеку от границы наш полк был с двух сторон зажат душманами. Они не нападали. И не только потому, что боялись. Они надеялись на тех, что были с третьей стороны, — на крупную банду под предводительством Макая. Эта банда и была нашей основной целью. К тому времени она держала под контролем водный канал, и вода не шла в поля: враги перегородили канал. При захвате этой территории бандиты обстреляли дома мирных жителей, даже мечеть и школу. Крестьяне не могли молоть муку: мельницы не работали. И земли было много, и два трактора, а земля была бесплодна. Погибали деревни. Длилось это долго. Но вдруг до нас доходят сведения, что Макай хочет перейти на нашу сторону, да вот группировки, стоящие с флангов, слишком сильны. В доказательство этого своего решения во время редких вылазок люди Макая стреляли холостыми патронами. Так случилось, что в нашем полку служил племянник Макая. Он сказал, что Макай был потрясен зверствами Гульбuddина Хекматиара, пожалуй, самого свирепого из душманских главарей, и потому не хочет иметь с ним ничего общего. Тогда мы договорились с Макаем о совместной операции против бандитов при одном условии: в операции с его стороны примут участие только те, чьи родственники останутся в полку.

Все это длилось долгие месяцы. И я

бы не справился с этой опасной дипломатией, если бы не советский военный специалист. Его звали Николай. Он все свои знания и опыт направлял на то, чтобы сберечь людей, не подвергать опасности мирное население. Я тогда понял, что иногда лучше выждать, чем идти напролом.

А бандитов мы выбили при помощи других бандитов...

В скользких боях я участвовал — не сосчитать. И когда рядом были советские солдаты или офицеры, чувствовал себя уверенней, подтягивался, старался, как у вас говорят, не ударить в грязь лицом.

А ведь им было гораздо труднее, чем нам, особенно поначалу.

У афганцев, например, с детства проходит как бы отбор: люди умирают, заболевают гепатитом, или не умирают и живут с увеличенной печенью. А у вас такая защитная реакция не выработана.

Особые условия Афганистана... Коварство врагов —ловушки-часы, приемники «Панасоник», батареики, ручки; неграмотность населения, которое мультяшки лупят «советскими оккупантами»...

Но вера ваших людей в то, что наше пробуждение — это раз и навсегда, укрепляет и нас.

Помню, как под ураганным огнем душманов советский танкист вышел, чтобы забрать с поля боя раненого афганского солдата, и был сражен бандитской пулей.

Здесь, в академии, учится вместе с нами майор Виктор Микулич. Он из Белоруссии, на два года старше меня. Участвовал во многих боях, командовал батальоном. Получил орден Красной Звезды за бой по освобождению окруженной душманами афганской группы в провинции Лагман. В другой раз его батальон за пять дней захватил в горах базовый район, разгромив душманов, которые не уходили, потому что были уверены в своем численном превосходстве. В пещерах-тайниках было захвачено 600 мин противопехотных, 500 противотанковых, снаряджение и продовольствие, зенитное орудие. В третий раз, после того как бандиты взорвали 40 километров электролиний, батальон контролировал все эти 40 километров до тех пор, пока линия не была восстановлена.

Обо всем этом Виктор рассказывает спокойно, как о будничной работе. А ведь это настоящие подвиги!

Я его спрашиваю: неужели не было страшно? Он говорит: было. Не за себя — за людей. Ведь за них отвечаешь. А после первого боя понял, говорит, что ребята собраны — командовать повторять не надо, воюют честно и храбро.

Я видел глаза простых афганцев, жителей глухой деревни, когда они смотрели, как советские солдаты склоняются скамейки и парты из ящиков для боеприпасов — для школы, сожженной душманами. Или как помогают убирать урожай — со смехом, шутками.

Я видел, как плакали два крестьянина из ополчения. Их ранили в ноги душманы, и старухи напрочирили, что теперь ноги придется отнимать. Уже и приготовили все необходимое. Но знающие люди связались с советским воин-

ским подразделением — и немедленно в воздух поднялся вертолет. А селение было в горах, а в горах могли быть бандиты. Ополченцев привезли, сделали уколы, перевязали, дали «загадочные» лекарства — и они расплакались. Не от боли, конечно...

Много раз было так, что советские солдаты делились последним: одеждой в наши холодные ночи, хлебом. Все это люди видят и понимают, что так поступать могут только искренние друзья. В то же время люди знают, чем стараются наши враги привлечь на свою сторону: самыми грязными посулами. Они готовы платить за подлость, за убийства. У них в Пакистане есть такие особые кассы...

Например, банда получает задание убить стольких-то, ранить стольких-то, упнать стольких-то, поставить столько-то мин. И вот если, например, мину обнаружили и обезвредили — высчитывают из «зарплаты». Такая гнусность. И многие простые люди знают об этом и начинают ненавидеть врагов. Значит, ранили твоего друга, убили ребенка, угнали в Пакистан жену — за все это еще и платят тому бандиту, кто это сделал. За каждое злодеяние. А не ранил он, не убил, не угнал — не вышло! — тогда вычитают... Значит, платят за дядьев моих, за товарищей, за Шарбату...

В Москву я приехал осенью 1984 года. Ехал учиться, а попал в госпиталь... В аэропорту мы, афганцы, которые собирались на учебу в Советский Союз, ожидали самолет. Рядом со многими были женщины, дети. И вдруг раздался страшный звук взрыв — враги подложили в зале ожидания портфель, набитый взрывчаткой. Кто бы мог подумать, что самую серьезную рану я получу не в бою! Мне везло, можно сказать. Один раз пуля отскочила от пистолета, который висел у меня на боку, другой раз я подорвался на мине — думали, что уж не поднимусь, в третий больше десяти дробинок прошло прямо сквозь меня, не задев ни одного жизненно важного центра, в четвертый раз ударили из миномета, рядом подкосило троих моих товарищей, меня ранило в живот...

Я жив. И это обязывает меня до последней капли крови, до последнего вздоха защищать революцию, борясь с теми, кто за поганые доллары совершает надругательство над моим народом. За последние годы я получил три внеочередных воинских звания. Горжусь тем, что мне вручили орден «Красного флага» — высшую награду моей родины. Но, клянусь памятью о погибших товарищах моих, я всегда буду считать, что главные дела мои еще впереди. Горжусь, что здесь, в академии, учусь рядом с такими людьми, как Виктор Микулич, Владимир Крохин, Сергей Циркуло, такими, как Герой Советского Союза капитан Игорь Плосконос. Мне даже не верится до сих пор, что это мои соотечественники.

Советский Союз давно не кажется мне далеким. Пятеро моих племянников учатся в вашей стране — трое в Душанбе, в политехническом институте, один в Киеве и один в Москве. Я очень рад, что они осваивают мирные профессии. И как хочу я, чтобы моя военная профессия моей стране нужна была все меньше!

Записал
Игорь ДЬЯКОВ.

ВОСПИТАНИЕ НА ВЫРОСТ

Читал много, запоминаю только то, что очень понравилось или возмутило. Фамилии авторов, за редким исключением, сразу забываю. Вашу, товарищ Жуховицкий, запомнила.

Потом прочитала Вашу отповедь молодежи, которая поделилась с Вами своими сомнениями и соображениями. На их месте я бы этого не делала: Вы злоупотребили их доверием, высмеяли, но ни одной проблемы не решили.

Я не ставлю себе задачи вскрыть корни инфантлизма. Это мне не по силам. Но позволю себе прикоснуться к этой проблеме, потому что тревожусь и болею ею.

Я — рядовой учитель, больше того — мать инфантального сына. Так что опыт кой-какой у меня есть. К сыну ходят много товарищей, я наблюдаю их в школе, и дома, и на улице.

Все они, от 17 до 27 лет, здоровые и красивые, умные и дерзкие, больные и застенчивые, женатые и холостые, страдают этим самым пресловутым инфантлизмом. Разные семьи, разное воспитание, разное образование, а болезнь одна. Кто же ее выдумал?

Ищи женщину, как говорят французы. Она бездесуща, она рядом от пеленок и до зрелых лет, она хлопочет, боится всякого проявления независимости, думает за тебя, пугается резких поворотов, выбирает тебе друзей, защищает от несуществующих опасностей, опутывает сетью всевозможных «нельзя», стрекоживает и лишает воли к действию.

Идешь в поход — ах! Садишься на мотоцикл — ох! Едешь в колхоз — мясо с продуктами, играешь в футбол — не поломай ногу и т. д.

Мужчины, как правило, остаются в стороне. И постепенно у детей возникает отчуждение, отрицание всего, что исходит от женщины, даже если это вполне разумные доводы и дальние предложения. Ни в коем случае не хочу уменьшить роль матери, но до определенных пределов и определенного возраста. Наступает момент, когда и мужчинам нужно сказать свое слово, а они, как правило, к этому не готовы, ведь нынешние отцы тоже воспитаны женской, они привыкли к ее авторитету в вопросах воспитания и вполне смирились с этим. Говорю это с полной ответственностью, так как являюсь классным руководителем — на собрания приходят практически одни мамы.

Вот и получается, что к семнадцати годам зацелованый, засахаренный, напуганный маминими слезами и мольбами юноша не проявляет никакой инициативы, катится по утрамбованной дорожке, с которой убрани все препятствия — конечно, это об инфанталах. И другой вариант не лучше: те, кто пытается освободиться от опеки, бросаются в другую крайность и совершают много ошибок, подчас непоправимых. Так возникают «трудные» дети.

Только сейчас, прожив довольно долгую жизнь, я понимаю, что между мужчиной и женщиной лежит психологическая пропасть. И было бы прискорбно, если бы они поменялись местами. Не надо ломать мужчину, подстраивать под себя, укорять — пусть остается внутренне свободным (это у него в крови), пусть не всегда утен, удобен, предсказуем. Главное, чтобы охранял ваш дом. А если он будет вязать носки по вечерам и плакать над горячими котлетами, смело кладите его у входа и вытирайте о него ноги.

Сыновьями должны заниматься отцы — дома, в школе, в спорте, в кружках. Вопрос этот стоит очень остро, если мы хотим вырастить поколение мужчин, отвечающих своему предназначению.

Читал много, запоминаю только то, что очень понравилось или возмутило. Фамилии авторов, за редким исключением, сразу забываю. Вашу, товарищ Жуховицкий, запомнила.

Но есть и другие органы, ответственные за воспитание детей. Школа, например. Увы, здесь опять-таки женщины, но уже несколько в иной роли. Намаявшись дома со своим потомством, они пытаются в школе быть последовательными. Они требуют повиновения. И все-таки у них получается, но до седьмого класса. А дальше начинается поединок. Только с одной стороны — ты, а с другой — весь класс.

Ты ходила с ними в походы, читала стихи, учила добру и справедливости, трудолюбию и боевитости — и вдруг бунт. И ты понимаешь, что долгие годы работала не так, навязывала им свою волю, подавляя индивидуальность, проводила формальные мероприятия, которые больше вредили, чем учили, развила самоуправление, но только так, как тебе было выгодно, боялась их каверзных вопросов. У тебя была власть в руках: педагоги, родительская общественность, оценки по поведению, и ты искусно всем этим манипулировала. И вот теперь они сидят перед тобой, бескрылые, безвольные, пресыщенные твоими дарами. Они съты по уши твоим энтузиазмом, благими намерениями и обещаниями райской жизни в будущем. Они не хотят идти за тобой, но не знают, что с собой делать. Это о благополучных детях. А «трудные» уже отались от рук и ведут свою опасную самостоятельную жизнь на стороне, принося с собой запах свободы, независимости, риска, столь милые сердцу каждого нормального мальчишки.

Школа в нынешнем ее виде является мощным аппаратом нивелировки личности. Единственным оправданием учителей является их зависимость от приказов и циркуляров, часто не продуманных и не отвечающих требованиям реальной действительности. Так множится и растет армия инфантолов.

К вопросу о «вещизме», якобы свойственном инфантам.

Не открою секрета, если скажу, что вешизм возникает там, где нет вещей. Были книги — их покупали по вкусу. Не стало — требуют все подряд. В общем-то не так уж много молодежи надо: одеться в духе времени — джинсы, кроссовки, куртки, свитера.

Но в магазинах ничего этого нет. Те, в чьих руках ключ к решению проблем, наверное, покупают все это не в магазине и не торопятся облегчить нашу участь.

Как трудно объяснить, почему у нас ширпотреб хуже, чем у «них», какой урон несет государство в плане национального достоинства! Совершать гигантские преобразования и терять так много на мелочах...

Вот приносит мой инфантальный сын домой кроссовки, которые ему кто-то предложил, уступил, отдал и просит их купить. У кроссовок — твердая резиновая цена. Я полна гнева, я не покупаю с рук, у меня нет шальных денег, я тщетно предлагаю ему туфли из магазина. И начинается осада. Кроссовки стоят день, два, неделю. Я начинаю привыкать к их виду. Сын демонстративно ходит в рваных туфлях. Но я не сдаюсь. И вот в какой-то день прихожу домой, у сына гости, в прихожей сплошные кроссовки, а среди них рваные туфли моего сына. Все! Крепость пала.

Вот так происходит обработка неразумных родителей. Вот так возникает «вещизм» при отсутствии вещей.

Теперь несколько слов о трудовом воспитании.

Ребята могут, хотят и должны работать по мере своих сил, хотя бы с

четырнадцати лет. Для этого нужны объявления: «Требуются подростки...» И сколько бы мы ни говорили: «Пойди заработай сам», — все это звучит как пожелание здоровья самому себе.

Еще проблема: далеко не везде у нас есть спортивные залы. А ведь спорт таит в себе невиданный воспитательный потенциал. Но для этого его нужно сделать поистине массовым, престижным, неизбежным для каждого. Чтобы одна школа перед другой похвасталась своими спортивными достижениями. Чтобы девушка брезговала поцеловать парня, который не занимается спортом. Чтобы было видно: вот идет молодой человек, он ладно скроен и крепко сбит. Он в совершенстве владеет своим телом. Он знает цену времени, ему некогда заниматься тряпками и выпивкой. Он гармоничен и прекрасен, и девушки смотрят ему вслед, и люди улыбаются на встречу, гордясь своим потомством. Красиво, не правда ли? Но все это из области фантастики.

А пока я смотрю и вижу своих инфантолов (реальных). Это ребята со двора, из моего класса (9-й), из класса сына (10-й). Они сидят на ломаной скамейке (и никогда ее не покинут), щелкают семечки, курят, изредка обмениваясь словами. Вот они бросили обидное замечание вслед проходящей девушке, посмеялись над упавшим ребенком. Вот сели играть в домино, посплаши магнитофонные записи. Люди с опаской обходят их стороной. Пока они безобидны. Пока. Но разве можно поручиться за их будущее? Кто за них в ответе, товарищ писатель? Чей это брак? Кто их не заметил, проглядел, забыл? Я с себя ответственности не снимаю. А вы, писатели, разве ни при чем? Кто из вас сказал заветное, живительное слово?

Идешь с ними в поход — ни одной песни не знают, кроме надрывных песен наших эстрадных звезд. Попросишь нарисовать праздничную газету — скопируют открытку. Нужно написать статью в стендгазету — спишут из календаря. Всюду вторичность, подделка, фальшивь.

Вот так вырастает поколение, которому ничего не нужно, которое ничего не умеет и не ценит. Эти инфантлы не глупы, но невежественны, здоровы, но не тренированы; деятельны, но не честолюбивы. У них есть взгляды, но нет убеждений, есть интересы, но нет идеалов, есть желания, но нет принципов. Они толпятся на одном месте, и этот страшный, безликий, бесстрастный танец повергает меня в отчаяние. Но помочь им уже нельзя. Они вне предела досягаемости. Их будет только и беспощадно учить сама жизнь.

Я назвала лишь некоторые причины инфантализма: женская монополия в семье, школьный диктат, отсутствие правильного трудового воспитания, слабое развитие спорта. И в этом все мы, товарищи, повинны. Зачем перекладывать с большой головы на здоровую? Дети выплекаются из того теста, которое мы с вами замесили.

А где выход? Выход, вероятно, есть. Но это уже тема для другого разговора. А сегодня мне просто захотелось сказать несколько слов в защиту подрастающего поколения и бросить несколько обвинений в адрес их воспитателей (свой в том числе).

Буду рада, если хоть что-нибудь из моих наблюдений покажется Вам заслуживающим внимания.

Другой вопрос, стоит ли об этом сейчас говорить. Готово ли общество что-либо изменить?

И. ЛЕБЕДИНСКАЯ.
Новороссийск

Леонид ЖУХОВИЦКИЙ

Итак, прочитал я Ваше «открытое письмо» и теперь пытаюсь понять, почему же мы с Вами противники?

Я писал о ненормальностях нашей семьи, о том, что отцы лишиены реальной возможности воспитывать детей, о том, как страдают от этого дети, как безотцовщина при живых родителях порождает вялых, равнодушных, безынициативных мужчин. Я писал об этом, а Вы о чём? Да о том же самом! Разве что я не позволял о женских методах воспитания высказываться так резко, как Вы. Так что, похоже, тут Вы мне не противник, а яростный сторонник.

Да, об инфанталах я говорил довольно жестко. А Вы — поласковей? «Они толпятся на одном месте, и этот страшный, безликий, бесстрастный танец повергает меня в отчаяние. Но помочь им уже нельзя». Это ведь Ваши слова — не мои. Получается, и здесь Вы не просто поддерживаете меня в оценке жизненного явления, но и заходите гораздо дальше, я в отчаяние не впадал. Вот ведь странности! Два человека видят в жизни одни и те же явления, оценивают их почти одинаково — и тем не менее мои работы вызвали у Вас раздражение. Почему?

Ладно, оставим пока эмоции, попробуем поглубже разобраться в сути обеих проблем, тем более что они связаны в единий узел: воспитание детей впрямую зависит от роли мужчины в доме. Ваше письмо — лишьнее тому свидетельство.

Вы убеждены, что первая причина инфантализма — женская монополия в семье. Полностью с Вами согласен. К сожалению, и Ваша убежденность, и мое согласие — аргументы недостаточные. Мы с Вами считаем так, а другие по-другому. И вообще, чем женское воспитание отличается от мужского?

Как-то в компании психологов я услышал формулировку, поразившую меня простотой и точностью.

Оказывается, забота о потомстве как бы делится на две части: выращивание и воспитание. В выращивании традиционно лидирует женщина, и тут ей способствует природа: пока носит, рожает, кормит, учит ходить и т. д., ее интересы сосредоточены на

Фото
Евгения
МАТВЕЕВА

малыше, и она приучается почти автоматически понимать каждую его физическую потребность. А вот в воспитании всегда лидировал мужчина.

Дети наши вырастают в семье, но воспитываются для окружающего мира, ибо жить им предстоит именно в этом мире. По самой простой логике воспитание, особенно сыновей, должно быть прежде всего делом мужчин. Оно и было прежде делом мужчин — практически во все времена и во всех странах. В том числе и у нас.

Не говорю уж о трудовых семьях, где работник растял себе в помощь и на смену работника. Но и в дворянских, и даже в аристократических домах сыновей довольно рано отбирали у матери и отдавали в нелегкое учение: в лицей, в кадетский корпус, в юнкерское училище, в разнообразные закрытые школы, куда материнская ласка и материнский страх доступа практически не имели. Княжеских отпрысков, и тех не баловали.

В каком возрасте выращивание должно уступить первенство воспитанию?

Точно сказать не берусь. Но думаю, еще до школьного порога, чтобы первый класс не воспринимался ребятами как жестокий перелом в судьбе. Ведь школа — это уже окружающий мир, и готовить к нему должен мужчина, разумеется, с помощью женщины.

Я вот сказал, что уже к школьному возрасту в заботах о ребенке воспитание должно преобладать. Должно — но куда там! Всюко продолжается выращивание. И в пятнадцать, и в семнадцать, и в двадцать выращивают: здоровенному третьекурснику добывают врачебную справку, чтобы ребенка, не дай бог, не заслали в колхоз — такая болезненный год назад целую неделю чихал. Да что там — и тридцатилетних все еще выращивают: плют, кормят, одевают. Во многом это объясняется тем, что сами дети — народ неглупый и практичный, — энергично отпихиваясь от стесняющего свободу воспитания, отнюдь не возражают против затянувшегося выращивания и денежно-вещевую помощь охотно принимают в любом возрасте, не отвлекаясь на благодарность: они родители, им положено. Не знаю, кем придумана забавная модификация старой поговорки «Не учите меня жить, лучше помогите материально», но не случайно она восторженно подхвачена нашими акселератами.

ЕЩЕ РАЗ О ВЕЩАХ

Несколько слов о вещизме. Тема изрядно надоевшая, но, боюсь, в нашем разговоре ее не обойти.

Вы полагаете, что «вещизм возникает там, где нет вещей». Если бы так! Даже в самых состоятельных странах люди идут на преступление ради машины помощней или дома побогаче. По-вашему, молодежи мало надо: одеться в духе времени в спортивном стиле — джинсы, кроссовки и т. д. Не так уж давно получил я Ваше письмо, а в «духе времени» что-то переломилось: сегодня джинсы висят по всей Москве, а спортивны нынче мешковатые штаны, желательно розового цвета. Может, Вы знаете, почему розовые штаны больше соответствуют духу времени, чем синие? Я понятия не имею!

Конечно, Ваши мучения с кроссовками для сына вызывают сочувствие к Вам, но не из-за кроссовок, а из-за сына. Парень со здоровым презрением пропустил мимо ушей все Ваши воспитательные речи и хитроумно настоял на своем именно потому, что прекрасно знает: воспитывая на словах, на деле Вы его выращиваете.

Так вот, по поводу вещизма в связи с нашим разговором у меня есть два соображения.

Первое такое. Не является ли явно возросший интерес мальчишек и молодых мужчин к тряпкам косвенным результатом все того же женского лидерства в семье? Чего во все времена требовал от сына отец? Смелости, ловкости, сноровки, умения самостоятельно справиться с работой и в случае необходимости за себя постоять. А попробуй проявить все эти качества ну хотя бы в новеньких, чистеньких, выглаженных штанах. Лучшей одеждой для мальчишки всегда считалась такая, которую не нужно жалеть. Потому и существовал раньше во всех дворах один и тот же ребячий обычай: парня, появившегося в обновке, тут же дружно вываливали в пыли, а то и в грязи. После подобной «процедуры» дома могли и выдрать, зато уличная жизнь не теряла ни одной из своих радостей.

Ну, а чего требовала от ребенка мать? Какой мальчик считался хорошим с женской точки зрения? Чистый, аккуратный, вежливый, причесанный, наглашенный — такой, чтоб хоть сейчас показать гостям.

Сегодняшние мальчишки с дошкольных лет усваивают женскую школу ценностей — в том числе и женский взгляд на вещи. Уже классу к шестому они не только стремятся, но и умеют красиво одеться. Чего больше в этом стремлении и умении — плюсов или минусов? Боюсь, все-таки минусов. Слишком надеются наши сыновья на одежду, по которой встречают.

Теперь второе соображение. Не станут ли наши отношения и с вещами, и с детьми значительно проще, если перепадающие нам блага житейские мы начнем делить не столько на модные и немодные, дефицитные и общедоступные, фирменные и магазинные, сколько на заработанные и незаработанные? Лицемерно затушевывая денежный характер распределения, мы прививаем ребятам пренебрежительное отношение сразу и к рублю, и к труду. Наши инфантиты чуть не с колыбели слышат, что кто имеет да кто что достал. Но знают ли они, кто сколько заработал? И каким трудом?

Полностью согласен: подросток должен иметь не только право, но и реальную возможность зарабатывать. Там, где хочет и где может. В том числе дома или на дачном участке — хоть вязанье, хоть клубничкой. Мы привычно возмущаемся, увидев за рыночным прилавком восьмиклассницу: для ребенка ли занятие? Бабуля, согнутая в дугу, столь энергичных эмоций почему-то не вызывает.

Можно, конечно, ничего не зарабатывать и от родительского благоволения не зависеть, но не зависеть и от вещей. Решать свои личные проблемы в драных ботинках и заштопанных штанах. Идти направлением, которое наметил и выбрал, но не побираться дорогой.

Откровенно говоря, именно этот путь кажется мне самым перспективным. Не потому, что я сторонник честной бедности, нет, я сторонник честной зажиточности. И вообще сейчас мною движет неуважение к принципам, а элементарная любовь к детям. Житейский опыт множества поколений показывает: перекормленным в молодости сытая старость не светит.

МНОГО ЛИ ОН МОЖЕТ?

Итак, я предлагаю инфантита винить и соответственно на инфантита надеяться. Но реалистично ли это? Есть ли для такой надежды хоть скромные основания? Допустим, наш герой даже захочет в корне изменить свою натуру и судьбу, но сумеет ли?

Вот тут мы с Вами полностью расходимся в прогнозах. Я в этом вопросе оптимист. Сумеет.

Давайте попробуем подойти к современным инфантитам без раздражения, без предвзятости, без учительского высокомерия и родительской слепоты. Какие они? Кто они?

Мне кажется, личность подростка Вы рассматриваете несколько механистически — как некую емкость, которую взрослые наставники должны заполнить: родители по-своему, учителя по-своему, писатели с помощью «живительного слова». Заполнили — хорошо, недозаполнили — худо, ибо такой юный человек выходит в жизнь как бы некондиционным, «непод управляемым». Эти ребята для Вас педагогический брак, их проглядели, забыли, и теперь «они за бортом». Однако мне дает надежду именно то, что Вас мучает: что ребята эти — «педагогический брак».

Ведь на самом деле душа подростка вовсе не сундук, который необходимо по крышку забить знаниями, идеалами, принципами, манерами и так далее. Эта душа — живой организм, и как всякий живой организм она охотно принимает необходимое и решительно отторгает чужеродное.

Вы, опытный педагог, самокритично и очень убедительно рассказали, как именно школа в ее нынешнем виде нивелирует личность. Так чего же пугаться того, что ребята доступными им способами, от равнодушия до прямого протеста, не дают себя снивелировать? Ведь это не только естественная, это разумная и достойная реакция.

Давайте проанализируем Ваши конкретные упреки подросткам.

Вам Ваши ученики, сверстники сына, кажутся «бескрылыми, безвольными». Насчет крыльев вопрос посложней. А вот воля... Даже эпизод с кроссовками для парня говорит отнюдь не о безволии, а уж если о безвольи, то отнюдь не сына. Вы справедливо возмущаетесь, что мамы командуют выросшим сыновьями, и не замечаете, что Ваш сын уже командует Вами. Меня не восхищает поле боя, на котором он добился победы, однако же добился!

Это пример забавный, но есть и посерьезней.

«Идешь с ними в поход — ни одной песни не знают, кроме надрывных песен наших эстрадных звезд». Может, не знают, может, не хотят знать; может, знают, да не хотят петь. И опять-таки это говорит вовсе не об их бескрылости и безволии. Были бы безвольны, безропотно пели бы, что велят. А они упорно поют свое, и далеко не всегда плохое.

«Нужно написать статью в газету — спишут из календаря». Ну да, списывают и, на мой взгляд, не так уж глупо поступают. Вы говорите — нужно написать. А кому нужно? Им, что ли? Да нет, Вам.

Впрочем, скройт всего, и Вам не нужно. Просто принято, чтобы к красной дате висела на стене стендгазета, вот она и висит, почти не меняясь, с двадцати лет. Верней, здорово изменилась к худшему. Что она такое, наша школьная стендгазета сегодня? Правдивый и неподкупный голос юной общественности? Или нудная обязанность ответственного лица из учителей? Вы правы — «вторичность, подделка, фальшивь». Вот Ваши ученики и стараются в этой подделке участвовать минимально.

Даже мрачноватые подростки под Вашим окном, столь неэстетичные на ломаной скамейке — те, кто «пока безопасен», — вовсе не вызывают у меня ощущения безнадежности. Более того, чем-то они симпатичны, но, хотя бы тем, что вовсе не похожи на изображенный Вами идеал, на образцового молодого человека, который «гармоничен и прекрасен, и девушки смотрят ему вслед». Плохо, конечно, что ребята грубы, курят и дуются в домино, но уже и на том спасибо, что стопроцентно не годятся для примитивной и приторной показухи, для санкционированного взрослыми «положительного» суперменства.

Мне кажется, Вы несколько преувеличиваете роль спорта в духовном развитии молодого человека. Увы, самий мощный брюшной пресс не гарантирует даже среднего ума, идеально работающий голеностопный сустав не является признаком совести, а стабильное умение подать мяч с углового прямо на одиннадцатиметровую отметку далеко не всегда сочетается со столь же стабильными успехами вне зеленого поля. Так что, всемерно содействуя развитию физкультуры, видимо, разумней согласиться с таким положением вещей, когда девушки брезгуют поцеловать хама и неучу...

Похваляться друг перед другом спортивными достижениями, на мой взгляд, ничуть не умней, чем всяческими иными достижениями. Да и вообще мужское ли это занятие — похваляться? Нет, не дамские угодники двигают историю, не полумужчины, больше всего озабоченные тем, как они выглядят со стороны. Хромой Байрон, чахоточный Белинский, психически неустойчивый Достоевский, толстый Бальзак, тщедушный Гоголь — на кого из них в юности оглядывались девушки и кому улыбались люди навстречу, гордясь своим потомством?

А теперь вернемся к нашим инфантам на ломаной лавочке.

Почему все-таки эти ребята так плохо вписаны в нашу с Вами жизнь? Почему так равнодушны ко всем нашим «живительным словам»? Откуда в них эта странная и тревожная смесь инертности и агрессивности?

Обычные объяснения известны: ленивы, упрямые, безвольны, педагогически запущены, неуправляемы, предоставлены влиянию улицы и т. д. Ваше письмо, где все эти причины повторены с редкой убежденностью и страстью, заставило меня внимательней взглянуться в приведенный выше ряд. Спасибо Вам за это. И, знаете, к какому выводу я пришел? У всех этих причин есть нечто общее: мы ведем отсчет от себя, от своих ценностей и жизненных представлений. Это взгляд всезнающего взрослого на невоспитанного ребенка, который вполне способен совершить неразумный поступок просто по глупости или старшим назло.

А если это заблуждение? Если наши пятнадцати-, семнадцати-, двадцатилетние дети вовсе не капризные дурачки, не симпатичные юные ничтожества, без нашей опеки обреченные на страдания и гибель, а молодые, но уже взрослые люди, по меньшей мере не хуже нас понимающие тяжесть стоящих перед ними задач, ищащие, но пока, увы, не нашедшие путь для их решения? В этом случае проблема выглядит совершенно по-иному.

Научно-техническая революция и сопутствующие ей социальные перемены, существенно облегчая нашу жизнь, в чем-то ее и осложняют, делают напряженней, жестче и непредсказуемей. Особенно это ощущается в момент выбора.

Может быть, самый характерный пример — быстрое изменение престижности профессий. Отличнику без призыва, равно сведущему во всех предметах, впору зайти в турик: куда податься, к чему приложить свои пока безадресные способности? Физика и кибернетика, лидировавшие в общественном мнении, явно притормозили, а резко отстававшая экономика то ли вот-вот их обойдет, то ли уже обошла. Сфера обслуживания, которая позавчера была разве что не презираема, сегодня для множества молодых людей желанна и потому дефицитна. «Доходное место»? Для кого-то, может, и не без этого. Но для большинства важней иное: работа с людьми, богатство контактов, возможность интересных знакомств, ощущение своей нужности. Непроста задача нынешнего выпускника!

Я не социолог и исследований не проводил. Но помню, как на одной из встреч с молодежью познакомился с семнадцатилетней выпускницей ПТУ, получившей специальность швеи. Девушка приятной, но, в общем, рядовой наружности смотрелась юной королевой — не принцессой, а именно королевой, уже всту-

пившей в свои обязывающие права. Прекрасно одета (фасон платья высмотрела в заграничном журнале, усовершенствовала с учетом собственной фигуры и сшила сама), держится с естественным достоинством. Жизненные планы разнообразные и вполне реальные — в их фундаменте надежный заработка и, если понадобится, возможность надежного приработка: уже сейчас время от времени щет платья знакомым, получая удовольствие не только от результата, но и от самого процесса.

Как училась в школе? В основном на тройки: знала, что многие из наук в жизни никогда не понадобятся, и не хотела тратить время и силы на необязательное. Негативные следы такого прагматизма все же видны: недостаточная начитанность, некоторая коснозычность.

Чего больше в этой натуре и судьбе — плюсов или минусов? Жизнь покажет. Пока что девушка живет в мире с собой и действительностью, занимая в ней свое место и не завидуя чужому. И — что для меня всегда особенно важно — у нее лицо счастливого человека.

А что было бы, если бы вместо того, чтобы в четырнадцать решительно выбрать собственную дорогу, она еще пару лет провела, уткнувшись носом в неподобные учебники, борясь за аттестат хоть на сантиметр повыше троичного, за место хоть в какомнибудь институте?

Порой мне кажется, что мы, взрослые, учителя и родители, сплошь и рядом думаем не столько о детях, сколько о собственном спокойствии. Пока тележка катится по рельсам, можно не волноваться, ребенок при деле, как все, так и мой. А вот куда ведет та колея...

Да, сплошь и рядом наши дети при нас беспомощны. А без нас? Меня не раз поражало, как быстро, попав в иные, далекие от домашних обстоятельства (уехав на комсомольскую стройку, потеряв родительскую «датацию», уйдя из дома к любимому человеку), наши инфантлы приобретали и зрелость, и уверенность, и хозяйственность, и уважение к деньгам, и умение их зарабатывать. За какой-нибудь год мальчики вырастали в мужчин, а девочки становились деятельными и экономными хозяйками. Нет, в массе своей инфантлы вовсе не безнадежны.

Кроме того, у проблемы есть еще одна особенность, которую никак не обойти.

На сегодняшнего подростка Вы не надеетесь. Ну, а на кого надеетесь? Разве у Вас или у меня есть выбор?

Хорошая молодежь не тот продукт, недостаток которого можно покрыть импортом. Предстоит работать с той, что есть. Пройдет малое время, и все они — в том числе и те, кто поет «надрывные песни», и те, кто списывает с календаря заметки для ненужной стендгазеты, и те, кто сидит сейчас под Вашим окном на ломаной лавочке, — все они станут к станкам, к кульманам, сядут за рычаги, за пульты управления и даже — не пугайтесь! — за учительские столы. Они, именно они. И надеяться нам придется именно на них.

Чтобы надежды наши крепко держались на ногах, надо ставить их на прочный фундамент. На правду — жестокую, неприятную, тревожную, какую угодно, но, правда... Чтобы нынешний подросток завтра стал полноценным товарищем по труду, надо уже сегодня разговаривать с ним честно, как с товарищем по труду. Иначе ничего путного не получится.

Вы считаете, что молодым нужно не так уж много, но это немножко должно быть высокого качества. Полнотью согласен! Именно поэтому необходимо сегодняшним пятнадцатилетним доходчикам объяснять, что это немножко высокого качества ни на вербе, ни на елке не вырастет. Все это придется сделать — или не сделать — именно им. Поднажмут — выведут отечественные штаны и тапочки на мировой уровень. Поленятся — будут шастать в том, что есть. И сказать об этом надо прямо и резко, чтобы потом не упрекали нас же за сладенько вранье. Чем раньше подросток почтует свою не пристяжную, а коренную ответственность за завтрашний день, тем будет лучше и для него, и для общества.

А все-таки мне хочется понять этот парадокс. Нас с Вами проблемы волнуют одни и те же, видим жизнь если не одинаково, то схоже. Откуда же Ваше раздражение?

Вы пишете: «Сыновьями должны заниматься отцы». Золотые слова! Но что это значит — должны? Не мешало бы заняться? Или жестко — обязаны заниматься?

Сегодня это значит — не мешало бы. Ибо реальные обязанности лежат на тех, у кого реальные права. Мы все должны следить за порядком на улицах, а вот милиционер обязан, ибо имеет право потребовать документ и отвести в отделение.

Отцы неминуемо займутся воспитанием сыновей, когда получат на это права — об этом я, собственно, и писал. А чтобы им права дать, надо их у кого-то отнять. Не в этом ли сложность проблемы? Не в этом ли неосознанная причина Вашего раздражения?

Лекарство от инфантализма Вы назначаете точ-

но — да, сыновьями должны заниматься отцы. Нужно только подвести под эту обязанность правовую основу. Рано или поздно сделают это все равно придется. И лучше рано: иначе нам нелегко придется в соревновании со странами, где мужчин воспитывают мужчины.

НАУЧИТЬ НЕЛЬЗЯ!

Думаю, придется поделиться правами с еще одним воспитателем инфантала, не слишком опытным в педагогике, но прекрасно знающим объект воспитания — с самим инфантлом. Пусть сам выбирает, в какие походы ходить, какие песни петь, какие заметки писать и писать ли их вообще. Да и в песнях ли только дело? Есть вещи поважнее песен.

Знание — сила. Ученые — свет, а неученые — тьма. Какие прекрасные, бесспорные истины! В их лучезарном сиянии как-то даже неловко задавать вопрос: а почему это сегодня довольно большой процент школьников, в том числе и вполне здравомыслящих старшеклассников, учится через пень колоду? Что за причина?

Обычно мы, самокритичные взрослые люди, ищем ее в себе: не так учим, не те программы, не того уровня педагога. Все это абсолютно правильно.

Тем не менее меня не покидает вот такое сомнение: а не переоцениваем ли мы, взрослые, свои возможности? От нас зависит, конечно, многое, но не все. И вспоминается еще одна мудрая формулировка, такая мудрая, что, может, еще полезней двух, приведенных выше, ибо не столь очевидна и потому несет в себе легкий привкус открытия: научить нельзя, но научиться можно.

Научить нельзя! Мы же сплошь и рядом пытаемся научить и только научить, чуть не впрессовываем в неподатливые головы некую сумму знаний, не слишком заботясь, что будет, когда процесс ослабнет.

Разумеется, наука, в том числе и школьная, не сахар, а гранит. Она требует и труда, и терпения, и крепких зубов. Но зачем трудиться и терпеть? Во имя чего стачивать молодые зубы? К огромному сожалению, связи между сегодняшней учебой и собственной последавтрашней жизнью многие наши подростки улавливают очень неплохо. Они вовсе не отрицают, что культурным быть лучше, чем некультурным, но при этом в глубине души полагают, что без Пунических войн и закона Ома как-нибудь проживут. Ребята эти вовсе не воинственные невежды, авторитет знаний в их среде стоит высоко, но вот авторитет школьных знаний куда ниже.

Мне кажется, к тринадцати-четырнадцати наступает период, когда большую часть неотложно необходимых для жизни сведений растущий человек начинает получать не в школе, а вне ее: об отношениях между мужчиной и женщиной, о сложном, порой совсем не «книжном» функционировании общественных систем, о далеко не прямой связи между трудом, заработком и количеством реально получаемых благ и т. д. Сведения эти бессистемны, отрывочны, в силу своей отрывочности сенсационны и потому особенно привлекательны. Школа в этом процессе участвует minimally, отчего резко теряет престиж.

По моему убеждению, изменить эту ситуацию не только нужно, но и можно. Для этого надо увидеть в подростке не упорного противника, а союзника, который по крайней мере не меньше, чем мы, заинтересован в своем будущем. Но доказывать подросткам конкретную пользу предлагаемых им знаний — это лишь часть дела. Чтобы они хотели научиться, видимо, нужно умно, осторожно и постепенно предоставлять нашим школьникам выбор: часть изучаемого материала перевести в факультатив, не только создавать школы с языковым, математическим или гуманитарным уклоном, но и практиковать «уклоны» в рамках одной школы. Что касается внеклассной работы, тут, на мой взгляд, права воспитуемых должны быть гораздо больше, чем права воспитателей. По идеи это не столько работа с учащимися вне класса, сколько деятельность учащихся вне класса. Это вещь очень важная, по сути, вторая школа — школа самостоятельности, демократии, ответственности.

Большинство известных мне талантливых современных педагогов идет по этому пути: во многих важных для подростка делах предоставляет ребятам не совещательный, а решающий голос, отказывается от авторитета должности, довольствуясь авторитетом личности, который, кстати, от «бесправия» не убывает, а резко возрастает — совет равного выслушивают куда внимательней, чем приказ старшего.

Детская безответственность кончается в тот момент, когда подростки получают право распорядиться собственной судьбой. Спешить с передачей этих прав рискованно. Медлить рискованно вдвое.

Вы, уважаемый оппонент, призываите меня дать им руку, если знаю, куда вести. Ну, допустим, знаю. Ну, дам руку. А что изменится? До седьмого класса водили их за руку Вы, после седьмого начну я. Практически будет то же самое женское воспитание силами мужчины.

Мужское воспитание — это воспитание правами.

Наиль Абзолов, так зовут моего героя, оказался бывшим следователем, офицером милиции в отставке...

Мы почему-то никогда не пишем о генеалогическом древе обычновенных семей — крестьянских или рабочих, — а древо это иногда бывает ветвистым, мощным, уходящим в глубь веков. Род Абзоловых, как я узнал, — род любопытнейший. Род бунтовщиков, катаран, переселенцев, партизан и комбатовцев; род первых организаторов новой жизни, учителей, упрямых партийцев, солдат-добровольцев.

Не буду приводить подробностей. Не буду описывать, например, как погибли Абзоловы на войнах, в которых они участвовали. Это особый сюжет.

Один из Абзоловых, тот, что погиб под Сталинградом, в течение нескольких часов в одиночку держал со своей пушечной оборону на огневом рубеже. Его ранят первый раз — он стреляет по танкам прямой наводкой, его ранят второй раз — он бьет прямой наводкой; его ранят в третий раз... Об этом есть документальные свидетельства.

Другой из рода Абзоловых, тот, что погиб под Москвой, — отец нашего героя, пулеметчик. Похожая картина — крошащо склоненных фашистов и четырехжды пробитое тело...

Такое ощущение, что Абзоловых можно убить, а для верности их нужно пристрелить не один раз, а трижды, четырехжды, но пройти сквозь них, если они живы, невозможно.

Теперь, обозначив природу души моего героя, намечу контуры проблемы, которую он пытался решить.

Следователь, капитан милиции... Читатель ждет выстрелов и погонь? Нет, этого не будет, хотя в жизни Наиля Абзолова было и то, и другое. Погоня, о которой пойдет речь, не менее драматична — погоня за истиной. Как известно, в 80-е годы в стране начала проводиться огромная и серьезная работа по коренному улучшению деятельности правоохранительных органов. Определенный вклад в это дело внес и капитан Абзолов. Не «замечать» преступлений, не регистрировать их, конечно, легче, чем искать преступников или, найдя, доказывать их вину. Но легче ли от этого обществу? «Букет» определенных статистических выкладок мог, разумеется, обласкать чей-то слух и глаз — премию можно за это получить и даже награду, очередное звание, но станет ли от этого лучше наша жизнь? Капитан Абзолов (было это в начале 80-х) одним из первых задумался над этими вопросами. Ведь игра в «красивую отчетность» процветала и в отделе милиции, где он работал. Абзолов выступил на собрании, однако положение дел не изменилось, привычная игра продолжалась. Зато сразу же изменилась атмосфера: если раньше молодого следователя часто хвалили за активную работу на совещаниях и собраниях, то теперь начали поругивать. А потом и предупредили, правда, пока еще дружески: мол, не плуй против ветра. Но капитан снова выступил с критикой...

Неприятности последовали незамедлительно.

Из докладной Н. Абзолова: «Проверка моего заявления по непонятной причине затянулась. За это время руководство отдела занималось сверкой журналов, отдельные преступления, не зарегистрированные ранее, поспешно регистрировались задним числом. Полковник Дорофеенко (фамилия изменена — Д. В.), возглавивший комиссию, прибыл через месяц и сразу же стал оказывать на меня грубый нахмик. Не проверив фактов, он голословно заявил, что случаи незарегистрированных преступлений не подтверждаются, обвинил меня в клевете, всячески оскорбляя и угрожая уволить из органов. В настоящее время я фактически отстранен от работы, а руководство отдела и полковник Дорофеенко доводят расправу со мной до конца, добиваясь моего увольнения...»

Месяц капитан ходил на работу и весь рабочий день сидел за пустым столом. Зарплата ему еще шла, но от расследования он уже был отстранен. Через месяц перестала идти и зарплата. После семнадцати лет безупречной работы в органах МВД человек оказался не у дел. Формулировка в приказе об увольнении была самой неприятной: «по служебному несоответствию».

Началась долговременная, изнурительная бумажная дузль.

Из письма Абзолова в инстанции: «Я считаю, вопрос об увольнении решен предвзято и односторонне, без учета действительного положения дел...»

Из официального ответа ему: «Ваша жалоба с просьбой о восстановлении на работу получена и рассмотрена. Вы уволены правильно, в связи с чем удовлетворить Вашу просьбу не можем».

Из заявления Абзолова: «Вы даже не удосужились сами прочитать мое письмо. Вас не интересует судьба человека, отдавшего лучшие годы своей жизни работе в органах милиции. Как мог Ваш заместитель, не зная истинного положения дел...»

Ответное письмо: «Вторично сообщаем, Ваше заявление получено и рассмотрено. В просьбе Вам отказано...»

Между каждым письмом и ответом на

стенность за решение каких-то острых, болевых вопросов, выйти с ними на трибуну — упаси боже!

Человек эгоистический, слабый в этих случаях откровенно восклицает: «Где гарантия, что я добьюсь результата?» А что же заставляет крутить (иногда в одиночку) тяжелые маховики общественных колес, а порой даже ложиться под них человека типа Абзолова?

Из письма Н. Абзолова: «Нанесена непоправимая моральная травма мне и моим близким. Нанесен ущерб моему здоровью. Но это частности. Более страшный моральный вред нанесен окружающим, которые могут понять, как оборачивается и во что превращается обыкновенный честный поступок простого человека. Вот почему я не могу считать вопрос закрытым».

В инстанциях, куда обращался Абзолов, все еще продолжали штамповывать обтекаемые ответы, но в них уже зазвучали новые нотки.

Из официального письма Абзолову: «Проведенной по Вашему заявлению проверкой некоторые факты нарушения законности подтвердились. Принимаются соответствующие меры по устранению недостатков в этой работе».

И таких ответов становилось все больше и больше.

ску, для ее решения нужны кардинальные меры.

Наивно полагать, что твое выступление в защиту истины увенчается лавровым венком. Указывая на недочеты, ошибки, которые наносят урон общему делу, ты неизбежно вступаешь в борьбу с людьми, которые в этих ошибках повинны или которых эти ошибки устраивают. Вряд ли кто-то из них тут же займется самобичеванием. Напротив, будет выстроена мощная система защиты, в лицу тебе будут пущены в ход средства, порой самые неожиданные.

Одной из таких «ответных мер» на выступление Абзолова стала фальшивка, которую состряпали Дорофеенко и К. Для проверки этой фальшивки дважды приезжала бригада. Какие только средства не использовались для того, чтобы жестоко расправиться со строптивым капитаном! Но ничего не вышло.

Приступая к работе в прежней должности, Абзолов понимал, что ему, как следователю, надо действовать предельно четко, не допуская даже малейших промахов. И он работал с ювелирной точностью.

Потом его переведут все-таки из Каши в другой район. Присвоят звание майора, затем — подполковника. Быть может, он утомится, успокоится?..

Нет, важная социальная проблема — меры борьбы с преступностью — будет тревожить его вновь.

Спустя одиннадцать лет после начала событий, о которых я рассказал выше, ВТЭК признает его инвалидом. Абзолов внезапно ослепнет — многолетняя борьба действительно не прошла даром. Месяцы и годы лечения, поездки по глазным клиникам. Наверно, теперь-то уж он утихомирится? Как-никак инвалид, пусть воюют другие...

Но нет, как годы назад, этот человек снова и снова будет настойчиво и безбоязненно бить в одну точку: игра в «красивую отчетность» противоречит борьбе с преступностью в стране, с «бациллой» общественного обмана и самообмана должно быть покончено самыми решительными образом.

Листаю документы, пришедшие Абзолову из высоких инстанций:

«Поставленные Вами вопросы находятся в центре постоянного внимания». «Ваше предложение по улучшению учетно-регистрационной дисциплины рассмотрены». «Нами внесены соответствующие предложения, в том числе аналогичные Вашим».

И теперь, когда в стране действительно проводится серьезная работа по улучшению деятельности органов правопорядка, когда повысилась требовательность к ним со стороны общества, я, как гражданин, радуюсь такой перестройке и с уважением думаю о человеке, который на свой страх и риск в течение двадцати с лишним лет боролся за решение этой проблемы.

Чего же в конечном счете добился наш капитан? Что лично ему дала его борьба? Ведь он стал инвалидом, почти ослеп, парализован нога...

Я был, наверное, жесток в своих расспросах.

— Нет, ни о чем не жалею, — твердо ответил Абзолов. — Я увидел, что правда все-таки побеждает.

— А что дороже, свет в собственных глазах или же добытая такой ценой истину? — не унимался я.

Пожилой человек молча глядел как бы сквозь меня. И мне показалось, что в его темных, полуурячих глазах горел свет идеи, свет веры.

Нередко в трудные, критические минуты, а их было немало, духовной поддержкой для меня служил — да и сейчас служит — пример моего капитана. Если он выдержал, значит, и я должен выдержать. Выдержать не только ради себя, но и ради других...

К ЧИТАТЕЛЯМ. Знаете ли вы людей, похожих на капитана Абзолова? А может быть, вам самим приходилось вот так же вступать в борьбу за правду?.. Расскажите об этом. Ждем ваших писем!

nego проходил месяц, а то и полтора. И каждый день этого месяца, каждая ночь были пронизаны ожиданием, надеждой, нетерпением.

Новый ответ почти дословно повторял предыдущий: «Рассмотрением Вашего дела занимались неоднократно. Результаты проверки Вам известны. Мы не видим, что можно сделать, если Вас не удовлетворила проверка органов, которые решают вопросы, затронутые Вами».

Какого еще ответа ждал он?..

Из рассказа жены капитана: «В эти девять месяцев, когда Наиль оставался без работы, нам было, конечно, очень трудно. Вечерами и ночами он сидел за столом, писал. Я тоже не могла уснуть. Даже сейчас боюсь вспоминать эти дни. Я лаборантка в больнице, оклад у меня семьдесят пять рублей. А незадолго до этого мы как раз построили кооперативную квартиру. В большие долги влезли.

Своих детей у нас нет. Но без детей мы никогда не жили. У нас воспитывался его младший брат. Дочка его сестры жила. Моя племянница живет у нас с двух лет — отец у нее умер. Старались, чтобы дети ничего не заметили, а как от них скроешь — стол пуст. Говорю ему, скончав все твои бумаги. А он мне: нет, Аня, нельзя нам отступать, потерп. Ведь не только мы без правды останемся».

Конечно, можно было отступиться, найти другую работу, но капитан был убежден: правда, за которую он ратует, нужна людям, стране, обществу — и не считал себя вправе прекратить борьбу.

Да, проблема в жизни много. Как часто мы сетуем: то не так, это не эдак. И как часто наши сетования и вздохи имеют, так сказать, лишь кулуарно-коридорный характер. А вот взять на себя ответ-

ственности капитана, как ни были они сильны, просчитались. Они не приняли во внимание тот материал, из которого соткан этот человек. Недаром я упомянул о том, как погибли Абзоловы на войне. Их можно было прощить пулев раз, два, трижды, четырежды, но пройти сквозь них, пока они живы, было невозможно. Так мог ли капитан Абзолов при таком генетическом запасе прочности не выстоять, не выдержать?!

В течение девяти месяцев оставшийся без работы, оклеветанный, ошельмованный человек бился буквально в одиночку. Его борьба против бессмыслицы процентомани, очковтирательства, обмана и самообмана не ослабла ни на йоту. Эта борьба не дала даром, но еще раз показала: правый человек не одолим.

Медленно, но уже заметно чаша весов склонялась в его пользу. И наконец настал день, когда партийная комиссия при ГК КПСС поставила точку на этом деле и потребовала немедленного восстановления капитана Абзолова на работе.

Через девять месяцев, снова надев форму, волнуясь, капитан Абзолов пошел утром к зданию линейного отдела, переступил порог своего кабинета.

Можно было попроситься в другой отдел, собственно, этого хотело и руководство, но он настоял на возвращении на прежнее место работы.

Но борьба за истину на этом не закончилась. Завершился лишь один из ее этапов, и капитан не чувствовал себя победителем. Да и о какой победе могла идти речь? Все оставалось на своих местах, все «действующие лица» пребывали на тех же позициях. К тому же он понял, что проблема, с которой столкнулся, имеет не только местную пропи-

вспоминаю этого осмейенного человека, его чахоточный кашель, бледное лицо — куда он делился, как исчез, где закончил свое горемычное существование бродячего актера? — но вот годы спустя он снова воскрес в моих воспоминаниях, встал улыбчивый и жизнерадостный, готовый в полуумраке зала увеселять изнуренный, усталый, отвыкший от смеха и шуток грустный народ военного лихолетья.

Не многое мне довелось видеть, мои театральные воспоминания не богаты, но в них имеет свой уголок Абраам Качахакян¹, я сжался над ним и вот по-божески милостиво воскрешаю бесследно и беспамятно забытого некоего ничтожного мима — Абраама Качахакяна: «Прошу, Абраам, выйди из гробницы своей безвестности и увеселяй живущих после тебя так же».

Выступает вечно грустный и вечно веселый для вас мастер-иллюзионист, комик, поэт, сатирик Абраам Качахакян!

И вот он стоит на сцене с прядями длинных, редких волос, закрывающих пол лица, с крупными, лошадиными зубами, хриплоголосый Абраам Качахакян.

Очевидцы помнят, труппа была похожа на цыганский табор: приезжали на телегах, затевали драки, шумели, бранились между собой на виду у всей деревни; клянчили яйца по дворам — попрошайками были. Но, говорят, «Вагиф» произвел сильное впечатление, все были поражены точной игрой актеров. Многие, растревоженные думами, так и не сомкнули глаз до самого рассвета, а утром им вдруг представал такой жалкий человеческий сброд! «Вагиф» жил своей жизнью, эти своей, но в них была трагедия Вагифа, ночью они снова должны были подняться на сцену, смешить и печалить, потрясать до трепета и дрожи, а утром как ни в чем не бывало клянчить яйца, клянчить сметану, сориться и браниться между собой.

В труппе Абраама Качахакяна был гипнотизер со своей бледнолицей, тонкой, как стебель, женой. Когда она выходила на улицу, ветер гнал ее по своей прихоти куда вздумается, она прибивалась к какому-нибудь дереву и пережидала порыв ветра.

Гипнотизер выводил жену, с головы до ног затянутую в черное, на сцену. Фитили керосиновых ламп прикручивали, патефон наигрывал какую-то неизвестную мелодию, которая навевала таинственность, мистический трепет, люди на сцене теряли свои пространственные очертания, делались одномерными, как тени. Гипнотизер становился чуть поодаль от жены и, вытянувшись к ней руки, магическими движениями насыпал на нее магнетическую силу, и блеск в глазах женщины, хорошо знакомый крестьянам, не раз встречавшим вочных полях волков, постепенно затухал. Призываая внутренние силы, гипнотизер усиливал свои магнетические действия, и вдруг ноги женщины отрывались от пола, и она бесцелесо и невесомо, как пушинка, повисла в воздухе. Многих в зале в эту минуту пробирала дрожь. Потом женщина, покорная исходящим издалека силам, медленно принимала горизонтальное положение и, качнувшись на миг, точно членок на волнах, начинала плавно скользить по воздуху. Это было жутким зрелищем: с закрытыми глазами, вытянув руки вдоль тела, она

личные, они в разговоры не вступали, не принимали участия в непристойных проделках собирающихся в дорогу актеров и актрис, казалось, даже голосов их они не слышат.

Исполнителя роли Фердинанда, отца семейства, забыть невозможно. Таким отрешенным и меланхоличным мог быть гений, который волею судьбы очутился в какой-то недостойной труппе и для прокормления бедствующей семьи вынужден выступать на таких убогих сценах, как наша деревенская. Но играл он как великий актер и ни разу, поднимаясь на подмостки, не отступил, не изменил своему высокому призванию.

Три вечера подряд он играл на сцене перед деревенскими жителями и, не видя их, не замечая, потрясал всех яростными словами вечной и непримиримой борьбы любви и коварства. Люди уносили в своих душах несравненный образ Фердинанда на поля, в сады, на пастбища, сам он давно уже бывал на дальних дорогах, но дни, месяцы, а в моей памяти и десятилетия спустя он все стоит в синем костюме, темнобровый, печальноокий, благородный Фердинанд.

Все остальные актеры были мишками в сравнении с ним. Казалось, на сцене он один, он владыка сцены, между тем там были герцоги, вельможи и другие сильные мира сего, однако все они мельчали перед его вулканическими страстиами и вселенским одиночеством.

Вот таким великом был кулающим по утрам в телеге яйца всмятку этот грустный, необычайной красоты артист со своей красавицей женой и чудными детьми.

Прежних Фердинандов я не видел, но они были, их сравнили и нашли, что этот — бесподобный, этот — настоящий Фердинанд. И что самое главное — днем он также оставался Фердинандом, за что деревня особенно благоволила к нему. Мое упоминание им и стало причиной того, что память удержала его прекрасный образ. Это семейство, расположившееся в телеге, выстланной соломой, должно было вскоре покинуть нашу деревню, но осталось навсегда в моих театральных воспоминаниях. Многие относились к театру с недоверием, все им казалось надуманным, неправдоподобным, но Фердинанд потряс всех навечно.

В самом разгаре действий детей одолевал сон. Спектакль начинался поздно, люди должны были вернуться с полей, повозиться в своем хозяйстве, загнать в хлева овец и коз. Дети засыпали в зале, сон морил их, и они, как мертвые, валились прямо на пыльный пол, как будто умирали, и для них в этот миг смерть была самым сладким желанием на свете.

По окончании спектакля будили где попало свалившихся детей, оживляли их, но они продолжали пребывать в ином мире с глазами, полными сна, в голове — прерванные сновидения вперемежку с обрывками спектакля, выкрики, смертельные угрозы и предсмертные вопли. Покачиваясь, засыпая уже на ходу, они все норовили расспросить, чем же спектакль кончился.

Началась и окончилась война, тягостный туман рассеялся, ожили люди, в магазинах появились и керосин, и подсолнечное масло. Люди, напуганные темнотой, жгли, не жалея, и керосин, и масло, лишь бы было светло.

Потом провели электричество. Когда вдали замаячили первые дубовые электрические столбы, крестьяне поняли, что и они живут в большом мире, что с этой вереницей столбов входит в деревню новая, светлая, другая жизнь.

Однажды на уроке азербайджанского в класс, где училась тогда моя тетя, вошел через дверь котенок. Моя тетя, в ту пору еще маленькая девочка, побежала к котенку, взяла его на руки, погладила и принесла домой. Кошку назвали Астли⁴.

ПРЕДСТАВЛЕНИЕ

приближалась к краю сцены, проплыла над первыми рядами, удалялась и медленно, как перышко, опускалась на спинки двух стульев.

Музыка патефона заверяла, что все происходящее достоверно, и, чтобы иллюзия не развеялась, ту же пластинку, едва она кончалась, заводили снова.

Совершив еще несколько ритуальных движений, гипнотизер убирал нижний стул, и ноги женщины повисали в воздухе. Но впереди было более удивительное: убирали стул из-под ее головы, и в ту же минуту все керосиновые лампы ярко вспыхивали, и зритель убеждался, что никакого подвоха нет: женщина лежит в воздухе! Муж проводил волшебной палочкой вдоль ее тела и под ним, показывая, что никаких подпорок нет.

Потом стулья снова сдвигались, и он с какой-то особой нежностью обнимал жену, ставил ее на ноги, но глаза женщины оставались закрытыми, лицо бескровным, чувствовалось, что она все еще пребывает в гипнотическом сне. Муж легким похлопыванием по щекам будил ее, звал шепотом: Жанна, Жанна... И женщина была так слаба, что он, обняв, уводил ее со сцены.

Пробыли они у нас три дня, и три вечера подряд все в точности повторялось. Времени оказалось достаточно, чтобы убедиться, что никакой мистики нет, а бледность и слабость жены оттого, что муж часто поколачивает ее, но нашлись простаки, которые приписывали немощный вид ее длительному воздействию гипноза.

Днем женщина бродила по дворам, выпрашивая или покупая яйца. И тут она кого-то напоминала, когда, прибдняясь, склонив голову, протягивала руку — и слепому было ясно, что просит она задарма. В ней разглядели цыганку², да и муж оказался ее сородичем. Он отправлял ее побираться, а после, не то ревнуя, не то для острастки, мог влепить ей оплеуху или отгреть ремнем по спине. Труженики полей решили, что, может, так и надо, поделом ей. Супруг отводил душу, и только после этого принимались они за еду.

Фердинанд из «Коварства и любви» вспоминается в синем: на майоре был голубоватый мундир. Но была и другая синева, не помню, чем оно было. В той синеве пребывал Фердинанд, бледнолицый прекрасный молодой человек с печальными глазами. У него были жена и двое сыновей. Жена на сцене не выступала, и мне особенно запомнились сыновья: красиво и аккуратно одетые дети, они держались особняком, с деревенской ребятней не водились, как и их отец с актерской братией.

Четвертом, отстраненно, сидело это семейство в телеге. Сдержаные, безраз-

вие времена дома изнутри, как правило, не штукациились — голые стены обклеивались газетами. Клей варили из муки, и стоило погасить на ночь свет, как за газетами начиналась возня — это мыши грызли засохшее тесто, и до утра не утихало их хрумканье. За газетами тонко осыпалась земля, и этот звук в ночной тишине казался эхом далеких водопадов.

Через несколько месяцев Астли превратилась в зрелую кошку; со стола или прямо с пола она прыгала на стену и, склонив под лапой мышь, сорвав несколько газет, шумно, вздыбив пыль, свергалась вниз, чувствительно оголив стену.

На четвертый, не то пятый год Астли одичала и пропала до самой зимы. В одну холодную декабрьскую ночь дверь распахнулась, и вошла наша Астли со снегом на спине, глаза огромные, дикие, не кошка, а страшная зверюга!

Взглянули мы на нее и испугались. Это была не наша киска, огонь в ее глазах, казалось, предупреждал: не подходите, теперь я дикая кошка и сама не знаю, что могу натворить, держитесь-ка лучше подальше, я в лесу навиделась такого, что вам и не вообразить! Зверства, убийства, жуткие зрелища, ночь, лес, все выходят против всех; знаете ли вы, на что способна кошка в борьбе за свою жизнь? Теперь я хищница, не трогайте меня, я отыскала от ласки, но, как вашей прежней кошке, позовите мне полежать у этой теплой печки, пока не наступят погожие дни, а там видно будет, что мне делать дальше.

И Астли стала отходить день от дня, позволяла гладить себя, а когда гладили ее в темноте, с нее сыпались искры. Вскоре она напомнила обнаглевшим мышам, как хрустят их косточки на кошачьих зубах.

На первых порах, когда провели электричество, во многих домах лампочки не гасили на ночь и потому не могли заснуть от яркого света, а расстаться с ним было жаль. Загорелся вдруг электрический свет, и мы разглядели наши вековые дома, все дальние и темные углы вековой нашей жизни, раскрылся наш мир, точно волшебная шкатулка, и ее жаль было закрыть.

Это случилось в первую зиму возвращения нашей одичавшей кошки. Я помню ее тигриный прыжок при ночном электрическом свете и то, как страшно она ударила лбом об стенку. Мы только сомкнули глаза, и почудилось, будто ударился об стенку полный карас³, разбился, и осколки посыпались на пол. От такого удара могла уцелеть только кошка.

Позже в учебниках мы прочитали, что в отличие от человека кошка видит в секунду пятидесятикратное мерцание электрического света, так уж устроено у нее зрение. Стало быть, какой страшной мукой для нашей домашней кошки обернулась мирно висящая электрическая лампочка! В наших краях Астли

¹ Качахакян — фамилия, производная от слова «сорока» (арм.).

² «Вагиф» — историческая драма Самеда Вургуна.

³ Имеются в виду армянские цыгане — боша.

⁴ Астли — язык (азербайдж.).

⁵ Карас — большой глиняный кувшин.

Е НАЧИНАЕТСЯ

была первой кошкой, которая видела игру электрических герцлов и была за это наказана. Кошка поняла, что ее мир, полуутемный мир керосиновых ламп, стихнул, она уже не умела соизмерять свои прыжки и скачки и к следующей зиме больше не появилась и пропала навсегда.

На деревенских подмостках при электрическом свете теперь декламировал, плясал, паясничал Качахакян, и был он вроде нашей Астли: под слишком ярким светом ему изменяло чувство меры, игра его утратила привлекательность,— в бытние времена полумрак спасал его.

Явился Абраам Качахакян к нам во двор и выпрашивал лошадь нашего деда. «Но,— поставил он при этом условие,— ты должен отправиться со мной, чтобы лошадь из райцентра привести назад».

Стояли мои дядя, тети. Мой матери, тогда еще молодой снохе, полагалось высказаться последней, но ведь обращались к ее царственно горделивому свекру с подобным предложением, и она не удержалась и сказала: «В таком случае мой патрон⁶ сидит на лошадь, а ты за них топай в райцентр пешком».

На счету Качахакяна стало одной насмешкой больше, стоило ему где-нибудь появиться, как над ним начинали потешаться.

А теперь настала очередь Цацар. Как долг души, я должен воскресить ее из мертвых, кто же еще сделает это? Я, бог или никто.

Итак, встань, Цацар, пусть оживут твои останки, опавшие волосы прирастут к черепу, шевелись же, шевелись, ты жива, надень свои безыскусные платья, еще раз взгляни в зеркало — тебе ведь это так нравилось! Приосанься, вот я сжался над тобой и воскрешаю тебя, все соскучились по тебе и даже не подозревали, что так любили тебя, выщучивали твое косоглазие, изводили, многих уже нет в живых, но ты снова со всеми, я велю тебе: возьми в руки мел, подойди к доске, ты сотен просветила, а теперь снова напиши на доске литыми армянскими буквами: Ара аса сар⁷.

Зачем жизни так посмеялась над ней, зачем родители, ничтоже сумняшееся, нарекли ее именем Пайцар⁸, если с детства ей суждено было стать Цацар? Всю жизнь она ждала суженого, похожего на себя, но он так и не объявился, не нашлись похожие на нее, все поглядывали на нее свысока. У каждой девушки есть суженый, и в заветный час он является, но какая насмешка судьбы! Ему также суждено было явиться и высмеять белную Цацар. Коля Навталян.

Коле Навталяну было тогда лет двадцать — двадцать пять. Стройный, мускулистый, ослепительный юноша, слава о нем в те годы далеко разносилась. И

именно к нему должно было присохнуть сердце Цацар — наступил возраст ее любви, пробил час ее любви, ее пустующее девичье сердце было преисполнено трепета.

Выступление происходило на открытом воздухе, сельские труженики устроились кто как хотел: на склоне, на камнях, у родников. Многие не успели даже забежать домой, перекусить и теперь довольствовались едой, принесенной ребятишками из дома, благо и родниковая вода была под рукой.

Коля вбивал кулаком гвозди в толстые доски, потом зубами выдергивал их. Связывал двухрудовые гири, брал узел в зубы и швырял гири в сторону. Под конец он вынул из кармана обыкновенную зубную щетку и показал ее зрителям: культмассовая контора обязала его заодно с выступлениями проводить и здравоохранительную пропаганду, и он проводил ее.

— Стоит семнадцать копеек, за семнадцать копеек вы можете иметь здоровые зубы, если каждый день будете их чистить щеткой.

Зубами он показал еще несколько номеров. Люди спокойно жевали свой хлеб и глядели на него. Распорядитель не выдержан:

— Даже самая вкусная еда без соли несъедобна, умники.

Зритель понял, что это намек в его адрес, что под солью подразумеваются хлопки — похлопали.

Похлопали, выступление оживилось. Коля велел человек десять — двенадцать встать на снятую с петель чью-то дверь, лежащую теперь на его животе, потом жестом руки подозвал еще двоих. Похлопали и этому номеру. Коля встал, поклонился и подмигнул девице, с трудом удерживающей свои косые глаза на одной точке и потому от напряжения часто дергающей головой. Это была Цацар. Кругом все рассмеялись.

— Ничтожество, — молвила Цацар, и все снова рассмеялись.

Коля положил на свой живот огромный камень, двое начали кувалдами крошить его, а он, подложив руки под голову, лежал в свое удовольствие, то подремывал, то просыпался, не ведая, что там разбивают на его животе. Когда раскрошился последний обломок, он встал, стряхнул с рубахи, словно пыль, каменное крошево, поклонился под бурные аплодисменты публике и снова подмигнул косоглазой девице в средних рядах, почувствовав, что народу это нравится.

— Ничтожество, — снова с достоинством сказала Цацар.

На этот раз засмеялись громче: Цацар делалась частью представления.

Но она не сводила с Коли своих косых глаз, щеки ее от волнения стали пунцовыми, точно розы, за всю свою жизнь она не была так хороша, как в тот вечер. От внутреннего огня ее девичье обаяние достигло своей вершины, и она нутром чувствовала это.

⁶ Патрон — свекор(арм.).

⁷ Ара, скажи: гора. (арм.).

⁸ Пайцар — светлая, ясная, яркая.

Под конец Коля Навталян, хотя и здорово устал, взмыленный, сделал круг с автомашиной на плечах — и тут даже голодные перестали жевать, привстали с мест, — потом на глазах у обалдевшего народа он прошел еще один круг, и, остановившись, с огромным грузом на плечах, могучий, как Геркулес, Коля Навталян напрягся, поднял опущенную от невероятной тяжести голову, нашел Цацар, улыбнулся и подмигнул ей.

Цацар обмакивалась веером. Она с пренебрежением отвернулась и сказала то же самое:

— Ничтожество.

А ничтожество, заправский Геркулес, богатырь, стоящий с легковушкой на плечах, под гром аплодисментов и смеха сделал еще один круг, и тут зажглись фары, и машина засигнила.

У Цацар была привычка то и дело во время уроков доставать зеркальце и мельком взглядываться в себя, точно желая удостовериться, выровнялись ли глаза. Спустя минуту она снова доставала зеркальце, быстро подносила к лицу, может, чудо все же свершилось? Ах, сколько горя, одиночества и отчаяния выражали маленькие, как просияние зерна, косые глаза, когда они всматривались в свою обладательницу! В глазах бедной девушки плескалось разливанное море трагедии несчастного человека. В то же время Цацар не сводила глаз с окна, за которым прокатил автомобиль Коли Навталяна, прокатил и — мимо сельсовета, мимо родника — уехал все дальше и дальше, исчез из поля зрения, а когда вконец пропал, она поняла, что самые главные минуты ее жизни явились и отмелькали.

А сейчас опустим занавес: ступай, Цацар, иди, к чему тебе знать о печальных событиях, которые произошли после тебя?.. А еще были песни, песни, все твои любимые песни.

Гусан был молод, на голове высоким холмом кудрявился волосы, сам он был огромным, как скала, восседал посередине сцены и сотрясал на груди отдаленную перламутром тару⁹. Нет, это было не пение — извержение вулкана! Широкий морщинистый лоб блестел от пота, влюбленный великан с закрытыми глазами, воспламененный, часами пел, сам околованный своим пением. Сильно и нежно, как возлюбленную, прижал он к груди тару, то тихо баюкал ее и шептал песню ей на ушко, то ревниво сотрясал, точно хотел забросить на небо, то снова подхватывал и прижал к груди, но глаз не открывал, точно пребывал во сне и ему было невдомек, что внимают ему столько людей.

Других выступающих не было, а ему не давали передохнуть. Немыслимо было столько петь и все сразу! Он выбрасывал в народ свои слова, как языки пламени, не успев окончить одну песню, извергал другую, все смешалось, с гусаном не суждено было встретиться снова, его приезд был удивительным откровением, там, на сцене, обняв свою возлюбленную, он пел или плакал — разницы не было. Ему не хлопали, потому что в этом не было нужды, на сцене сотворялось нечто иное, каждое его прикосновение к струнам вызывало трепет, который неизгладимо, неизбыточно пронизывал сотни сердец.

Как пролетело время, неизвестно, может, прошла и канула целая вечность, мы этого не знали, были только песни, песни, песни... Люди менялись на глазах, хорошили, и никто никого не замечал. Господи, что он творил с нами!

Поговаривали, что одна из девушек ансамбля — возлюбленная гусана. Интересно, которая? Там были красивые и молоденькие, две чудные девочки были в тимпаны, но ни одна из них не представлялась достойной его вдохновения, его звонкого голоса, его пламенных слов, ни одна из них не могла сравниться с ним, его слово было столь возвышенным, что сам он казался неземным, невиданным созданием, случайно, по прихоти судьбы очутившимся перед этими усталыми людьми.

И все песни были любимыми песнями Цацар, а ее самой уже не было на свете, песни пелись без нее.

Лудильщики были лезгинами. Армянские цыгане также промышляли этим ремеслом, но первенство оставалось за лезгинами. Старики, в прошлом оружейных дел мастера, после запрещения их ремесла бродили по деревням со своими молодыми подручными. Быстро справившись с работой, они нигде не задерживались больше недели.

В медные котлы лезгины наливали подзоленную воду, накидывали туда тряпью, влезали в котел и до тех пор плясали лезгинку, пока, краснея, не пропадала медь.

Канатоходцы также были лезгинами. Отец был белокурый, высокий, гибкий, как все лезгины, красивый мужчина с пшеничными усами. С ним были его сыновья. Старший из них плясал на канате с кипящим самоваром на голове, а отец внизу, задрав голову, не сводил с него глаз, следил за ним, готовый моментально подхватить его, если тот отступится. В народе говорили: «Свалился самовар, обварит на месте, а все же отец остается отцом, родная кровь, эгей».

Мы всей оравой деревенских мальчишек набросились с кулаками на сыновей лезгин. Старшему было лет пятнадцать, но по своему мастерству он был зрелым мужчиной. Каждый день он выбирался на канат и легко бежал по нему в небе из конца в конец, плясал под музыку, прыгал, становился на медный поднос и с самоваром на голове двигался по канату. Каждый шаг его был игрой на грани жизни и смерти, тот, кто знал об этом, понимал — проникался уважением и любовью к этому смелому юноше.

Был он остроумен, за словом в карман не лез, к тому же такой пригожий, что я, верный своему характеру преклонялся перед всем красивым, влюбился, как девушка, в него.

Мы все, деревенские мальчишки, набросились на братьев, а их отец, занятый делом, ни разу не повернулся в нашу сторону, ни одного взгляда не бросил. Мы уважали и любили их за смелость, но они стали задаваться, в нашей собственной деревне они могли походить дать нам щечки, пихнуть и не оглянуться, точно мы пустое место, мы не люди. Может, так они нас приглашали помериться силами, но даже в самые жаркие моменты улыбка не сходила с их лиц, именно эта улыбка и свидетельствовала о том, что это не драка, это игра мальчиков. Мы против двоих дрались целой оравой, оравой же одолевали или терпели поражение, потом все вместе провожали их и не могли рассстаться с ними. Мы не могли насытиться их дружбой, да и невозможно было насытиться ею. Эти мальчики, не ведающие страха, преподали нам важные уроки бесстрашной и честной драки, в которой до конца нужно оставаться человеком. Их отец знал об этом и потому не смотрел в нашу сторону.

Церковь, не такую уж древнюю, превратили в клуб. В церковном дворе росли две шелковицы. Одна из них засохла на корню, другая жива и по сей день. Борец Бамбули пригрозил, что когда-нибудь придет и вырвет ее с корнем. Многие поверили в его грозную шутку, ждали его, ждали, а он и по сей день едет.

Их группа состояла из семи-восьми человек, цирк не цирк, но на целую неделю устроили большой спортивный праздник. Самое сильное впечатление произвел и

надолго запомнился Бамбули, затем осетин Салди Сулейман, имена остальных стерлись из памяти. Распорядителем у них был не то русский, не то грек, вылитый Александр Македонский — укротитель этих диких зверей.

В первые дни они гнули разные прутья, поднимали тяжесть, показывали акробатические трюки, а потом была борьба. Разнеслись слухи, что они между собой сговориваются, кому победить сегодня, кому — завтра, и никто не бывает обойден. Несведущим людям с непривычки казалось, что раз ты упал, то должен вскочить, устроить драку, отомстить обидчику, иначе немыслимо, чтобы здоровый ребенок смирился бы с поражением. Только Бамбули и Салди Сулейман не вступали в единоборство, должно быть, что-то всерьез не поделили. Они остегались друг друга, чтобы представление оставалось представлением.

Накануне объявляли, что в последний день будет все: и сгибание прутьев, и силовые номера, и поднятие тяжестей, будет борьба и желающие принять участие пусть готовятся.

А до этого возле родника произошло недоразумение. Сноха Хечунцева пришла за водой с кувшином на плече. Бамбули, умный, с мокрым лицом, стоял у родника. Сноха, не поднимая головы, склонила рушник с плеча и протянула ему. Затем, красивая, с тонким, нежным станом, наполнила кувшин, выпрямилась, грузин уже успел утереться, вернулся ей рушник и сказал:

— Ари кез пачем¹⁰.

Младший сын Хечунцев спрыгнул с телеги, выдернул жердину из изгороди и пошел на Бамбули. Люди кинулись, оттащили парня, с трудом отобрали жердину, усадили его на телегу и погнали волов, чтобы тот поскорее отъехал. А сын Хечунцев все не унимался, дрожал на телеге:

— Это тебе не прутья гнуть, эй! Да я так отлучшу тебя!

Грузин с улыбкой смотрел, подошел к телеге, протянул руку и сказал:

— Ари кез пачем.

Люди рассмеялись. Сказали: парень языка не понимает, что ты хочешь от этого агица?

Потом спросили Бамбули, понимает ли он значение своих слов? Он ответил: «Хорошие слова».

Накануне заключительного выступления наш зять Мухан, кузнец, настынив «Сулико», отбирал из кузнечного хлама железо для грузин.

*Долго я томи-ился и искал,
Где же ты, моя Сулико-о?*

Ночью железо поволокли и бросили с лязгом на помост.

Первый прут взял Бамбули, намотал на кисть руки, превратил в пружину, отбросил в сторону. Потом взял еще один, потолще и потяжелее, положил его на затылок и, стягивая руками за концы, также согнул, отбросил в сторону. Третий прут был выбран Муханом, никто из борцов не справился с ним, передали его Бамбули.

Бамбули, весь в поту, долго возился с прутом, железо не поддавалось. Люди ждали, вперив в него глаза, он лишь постанывал и единоборствовал с плутовством Мухана, — железо не гнулось, Бамбули позорился.

И вдруг он ка-ак зарычал! Яростно, выйдя из себя, он набросился на злополучную железяку. Казалось, сердце его не выдержит, разорвется, если он не согнет прут. И вдруг видим: борьба между человеком и железом кончилась.

И когда Бамбули отбросил согнутую в лук железяку и она несколько раз запрыгала со звоном на землю, все поняли проделку Мухана: это было топорное железо, это железо наверняка и паровоз бы не согнул, но молодец грузин, не дал маxу.

Русский, не то грек, взмолнивший, прыгнул на помост и крикнул:

— Самый сильный в мире грузин! — И театральным жестом показал на Бамбули: вот он, мол, пожалуйста, прошу любить и жаловать.

Уже после предыдущих выступлений все поклонялись Бамбули, а в тот вечер он стал настоящим героем.

Кто накануне проиграл борьбу, в этот день победил. И снова Бамбули и Салди Сулейман отказались от встречи, как на поле брали избегали друг друга Гектор и Ахиллес.

Бамбули пригласил к схватке деревенских парней. Кто ни поднялся на сцену, он всех положил на лопатки. Приятным человеком был Бамбули, любимцем публики, но что-то мешало окончательно смириться с его превосходством. Все повернулись к Мамикону.

— Мамикон, поднимись на сцену, Мамикон...

Но Бамбули был гостем Мамикона, ночевал в его доме.

— Послушай, Мамикон, мы позоримся, Мамикон...

— Отстаньте, — сказал Мамикон, — вдруг еще мать моя узнает, нет уж, увольте...

— Ты только посмотри, Мамикон, как выставляется этот грузин...

— Сказал «нет», отстаньте!

Но его силой вытолкнули на сцену, уговаривая при этом: сними штаны, сними хотя бы браху. Но он даже шапки не снял, мало того, натянул ее на самые уши, по-деревенски, прямо в трехах¹¹, шагнул в круг. Бамбули сказал: не могу, я побратался с ним, он мой друг, мы из одной миски вместе мадун ели. Люди решили, что борец, должно быть, испугался. Стали подзадоривать: «Если сумеешь — одолей, не беда, это тебе не мадун хлебать, эгей! Это ведь Мамикон — выкрикивали с мест, — спина его еще земли не касалась!»

— Да? — удивился Бамбули. — Он такой сильный? Интересно. Ничего, бывает, что и брат с братом меряются силой, кто бы из них ни одолел — удача отца.

— Молодец, — заметили с мест, — молодец, хорошо сказал.

Очевидцы рассказывали: они схватились. Бамбули держал его за пояс — так было удобнее, — поднимал в воздух, бил об землю, точно Мамикон — гвоздь и он хочет вбить его в доски помоста. Мамикон не вбивался, бьют его по голове, а ему хоть бы что.

Бамбули подкидывал его, вертел в воздухе — Мамикон был легок на тело, Бамбули же потянулся бы на центнер, — он поднимал Мамикона, бил об землю, ноги Мамикона сучили по доскам, с амвона старой церкви вздымалась пыль и сильно пахло ладаном, — Мамикон удерживался на ногах.

Бамбули применил несколько известных приемов, перекидывал его через голову, оборачивался — и что же? — Мамикон как ни в чем не бывало стоит там. Грузин набрасывался, делал через голову бросок в другую сторону — Мамикон кувыркался в воздухе и, как кошка, снова становился на ноги. Бамбули кидался к нему, захватывал его голову под мышку и скимал ее, как гранат. Мамикон выдергивал голову и, отступив, ждал, что тот еще может сделать с ним. Бамбули охватывал его за шею, крутил ее, но шея не поддавалась. Мамикон закидывал

¹⁰ Ари кез пачем — дай-ка поцелую тебя (арм.).

¹¹ Трехи — деревенские постолы из воловьей шкуры.

руку и обивал борца ногами. Александр Македонский, который был за судью, дул в свисток — мол, так нельзя, стоп! — запрещенный прием. Публика роптала: «Когда ихний хватает, то можно, а когда наш, то нельзя...»

Если по справедливости, то Бамбули устал, обессилен, в тот день это была его шестая по счету схватка, не считая сгибания железа. Все понятно, но борьба затягивалась, кто-то крикнул с места:

— Не тяни, кончай вольнику, Мамикон!

Никто не успел заметить, как все произошло. Это был прием чисто деревенского спорта: Мамикон нагнулся голову, схватил противника за плечи, нырнул под него — и тяжелый Бамбули вскинулся в воздух и грохнулся за спиной Мамикона на землю, как скала. Позже на его спине все еще синели отпечатки гвоздей помоста, их смазали водкой, ничего, мол, пустяки, заживет.

На этом и кончились состязания. Публика встала с места, победившая и довольная. В тот вечер Мамикон со стыда перед Бамбули домой не вернулся и заночевал в доме дяди. Бамбули сказал: «Напрасно, может, и я был немножко утомлен, но человек ведь одолел меня, в этом нет ничего плохого». Но, добавил он, это еще не конец, жаль только, что был последний день, я на будущий год снова приеду, мы серьезно схватимся с Мамиконом, пусть ждет».

Он обещал, что приедет, что они непременно встретятся. Но встреча не состоялась, или, кто знает, может, встретились на Западном фронте, может, был один из них без руки, другой — без ноги, и не узнали они друг друга. Мамикон с войны не вернулся, а что стало с Бамбули, я этого не знаю.

Мать Мамикона была женщиной двухметрового роста. В годы войны, когда на селе не осталось мужчин, она косила траву, понятно, что рукоять косы была ей под стать. Сама двухметровая, коса двухметровая, когда она вскидывала ее на плечо, клинок чуть ли не царапал небо. И, взглявая женщину, по дороге с поля домой, зацепив косой облака на небе и таща их за собой, шла мать Мамикона, обливаясь слезами, самая сильная и самая хрупкая женщина на селе.

Но эти воспоминания навевают грусть, оставим их. На следующий день после праздника произошло великолепное сражение. Просто накопленные силы требовали выхода. С сельскими работами было покончено, нивы вспаханы, травы скосены, сено заскирдовано, стоял месяц ноябрь, можно было немножко и поразмыться. Не последнюю роль сыграло и то, что, мол, понаехали сюда с разных сторон, силу свою показывают, гибкость, мускулы, знают приемы, что и говорить, сильны, но нам этого мало, что же, так они и уедут победителями? И многие из тех, кто постынился выйти на помост, сейчас испытывали себя, на что горазды. Начали со сгибания рук. Двое сцепились с Салди Сулейманом, чтобы согнуть ему руку, но безуспешно. Салди Сулейман пальцем подозвал к себе: давайте подходим. К тем двум прибавился еще один. Салди Сулейман подозвал еще: стало против него четверо. И вчетвером не смогли одолеть его. Борец выставил обе руки, на каждой повисло по несколько человек, но руки его не дрогнули.

Рассвирепевшая, разъяренная огромная человеческая глыба, вздымая пыль, постаявая, кряхтя, бранясь, ругаясь, катилась по крутым склонам. Так на медведя нападают волчата, каждый старается что-нибудь урвать, а медведь сраживает их с себя, отбивается, волчата снова, повизгивая, лезут, медведь ругчит и хочет убежать от них.

Это было за несколько месяцев до начала войны. Никто из них не знал, что ему уготовано судьбой. Играли сыны Кавказа, играли и пытали силу, не ведая еще, что будут подрублены, как молодые топольки, не ведая, что в мирном небе уже сгущаются тучи.

За несколько дней до войны мы были еще в том возрасте, когда, не стесняясь, голышом купались в нашей мелководной деревенской речке. Вчерашние подростки, уже привившиеся упражнениями, парни лет восемнадцати-девятнадцати прогнали нас и сами влезли в воду. Мы из укрытий подглядывали и удивлялись: вот они какими становятся, мальчики, когда подрастают! Незагорелые, белокожие, точно вата, они плавали, фыркали, брызгались водой, и эта шаловливость и ребячество так не вязалось с их налитой, зрелой мужественностью!

День был летний, вода в реке зыбилась, в садах гомонили птицы. Если б время остановилось... Несколько месяцев спустя, разрубленные, раздавленные, должны были лечь многие из этих сильных парней в далеких степях, которые им даже не снились...

А в деревне некоторые все еще верили и после войны ждали, что раз Бамбули обещал, то непременно придет и выкорчуэт церковную шелковицу. Так велико было его обаяние, что шутка была принята всерьез, поверили в нее и ждали, не жалея дерева.

Это было единственное в деревне неогороженное плодовое дерево, церковное дерево, с незапамятных времен общественное дерево.

В голодную зиму много побоев досталось на долю шелковицы. Били — да еще как били! — чем попало: камнем, посохом, ломали ветки, ягоды ссыпались на дорогу, ребятики набрасывались и прямо с землей горстями запихивали в рот, снова запускали камнем и посохом. Безнадзорным было дерево, ссыпались на него тумаки от зари до зари, но шелковица снова, как мать, кормила, питала и многих-многих поддержала, выходила.

Поначам по всей деревне тайком вбирались на деревья, рубили ветки. Топором рубить было рискованно — хозяин мог услышать, и потому бесшумно отпиливали. Утром, бывало, спохватится хозяин, а поддерева как не бывало! Иди и выясняй, чьих рук дело. Всем было дано плановое задание по разведению шелковичных коконов, задание было принудительным, раны бойцов, говорили, защищают шелковыми нитками. Детям хотелось ягод, шелкопряд — листьев, и рубили дерево.

На церковное дерево средь бела дня замахивались все, кому не лень. Поедала его детвора, шелкопряд, вся деревня покушалась на него, но на следующий год шелковица снова выбрасывала ветки, вытягивалась, исцеленная, набухала ягодами, ожившая, помолодевшая, снова расправлялась эта старая, вековая шелковица, которая жива и по сей день. Под ней проходит дорога, которую раскопали, расширили, с корней убрали землю. Уцепившись единственным корнем за землю, она все еще живет, протягивая прохожим свои ветви.

Эта шелковица воскрешается в моих воспоминаниях как аллегория, как дерево-мать, которая целую эпоху кормила своими старыми сосцами деревенских сирот, выходила их, поставила на ноги, а теперь бросает ягоды на дорогу перед сытыми сыновьями, прощая, не напоминая, не упрекая за то, что рубят ее и однажды подрут на корню.

Если бы у Карабаха был свой герб, он непременно был бы украшен листьями шелковицы.

Перевела с армянского
Вера АСЛАНЯН.

Юрий ФИЛАТКИН

Друзья приходят только раз,
Хорошие друзья.
Чтоб перекрыть удушный газ
Промозглого жития.
И ты совсем, совсем другой
И чище во сто крат.
Они, как камень дорогой,
Тебя собой гранят.

Удача ты моя иль неудача,
Звезда иль только тень звезды,
Не знаю я, но коростель заплачет,
Потянет горьким запахом воды,

И станет вдруг светло,
и чем-то белым
Закроет даль, рябью от берез,
И как я жил
и что я в жизни сделал —
Себе я в сотый раз задам вопрос.

И улыбнусь, а может быть, заплачу,
Хотя на сердце нет еще беды...
Удача ты моя иль неудача,
Звезда моя иль только тень звезды?

Когда мне вспоминается война,
Я вижу хлеб военного помола —
Смесь клевера, овса и зерен льна...
Всему нас научил в деревне голод.
Сырой и черный, словно чернозем,
Мы хлеб делали, сдабривая солью...
А то и просто липовым листом
Глушили голод, наедаясь вволю.
Но вот теперь такого не едят.
Забыты детства жалобные всхлипы.
Но снится мне, что по России липы
Ободранными ветками глядят.

Любящий блуждает без дороги,
Впрочем, у любви и нет дорог.
У любви надежды, да тревоги,
Да, как ноша, расставанья срок.

А потом одно из двух бывает:
Боль разлуки, словно грань резца,
Или сразу навсегда ломает,
Или закаляет до конца.

Поздняя осень

Качает ветер
Закат раскаленный,
Отраженный
Стеклянной росой.

И рыжее солнце
Сквозь осенние кроны
Смотрит озябшей
Лисой.

А я сапог в войну не помню.
Я помню, роскошь были сапоги,
Мы собирали по лесу шиповник
В больших лаптях,
в лаптях с чужой ноги.
И, проживая в тихой деревеньке,
Затерянной
средь горьковских лесов,
Мы драли лыко
с рябоватым Венской,
Чтоб заработать честно на кусок.
А ночью залезали на полати,
На тюфяки из овсяной лузги,
И снилось нам,
что мама в новом платье,
А под скамьеей...
отцовы сапоги.

Кокуль ДЖАМАНКУЛОВ

Тот давний свет

Мы с другом ехали на той *
По слуху рожденья сына.
Вокруг сияла красотой
Иссык-Атинская долина.

Цветла весенняя земля,
Как на ладони, были дали;
Одеты зеленою, поля,
Покачиваясь, проплывали.

Заботы, спешка, суета
Куда-то канули во мраке,
Когда открылась высота —
Предгорье, где пылали маки.

Так жарко пламенел простор,
Что сердце вздрогнуло от боли,
Пространства радостный костер —
Переливалось, рдело поле!..

Мы вышли из машины. Нас,
Не выпуская из объятий,
Несла весна. Промчался час,
Мгновенья жизни не истратив.

Как позабыть тот давний свет,
Тот алый свет любви и муки!
С тех пор прошло немало лет,
Все — как в разлуке...

Перевел с киргизского
Вячеслав ШАПОВАЛОВ.

Ночной этюд

Ночь скрывает облака
И стирает грани.
Не видны издалека
Мира очертанья.

Не увидеть зимний сад —
Тыма во взоре стылом.
Невидимка-снегопад
Реет над вилом.

Ночь не хочет уходить,
Льется черной тушью.
Никого не разбудить —
Надо ль мучить душу?..

Где вчерашняя стерня
Зябко взор томила —
Снеговая прстыня
Нежно все укрыла.

Совместное чаепитие

Ты на чай меня встречай.
Разговором красен чай.
Коли я тебе понравлюсь,
Ты взгляни хоть невзначай.

Чай покрепче завари
И со мной поговори.
Этот чай я пить согласен
С вечера и до зари.

Чинно сяду я в углу.
Протяни мне пиалу.
Пар над чайником струится.
Ты присядь скорей к столу.

Уважение — залог.
Чаепитие — предлог,
Чтоб тебя я видеть нынче
Здесь, за дастарханом, мог...

Перевел с киргизского
Владимир ШЛЕНСКИЙ.

* Той — праздник.

ТРОИЦКАЯ ГУБА, ОСТРОВ АНЗЕР. ЗДЕСЬ ЮНЫЙ МИХАИЛ БЫВАЛ ВМЕСТЕ С ОТЦОМ.

Евгений ЛЕБЕДЕВ.

Фото

Александра ЗАХАРЧЕНКО

Русский восемнадцатый век — эпоха удивительная во многих отношениях. «Столетием безумным и мудрым» назвал это время А. Н. Радищев. Жизнь огромной страны, выведенной из состояния равновесия петровскими реформами, отличалась в это время какою-то всеобщей, небывалой дотоле стремительностью. На глазах одного-двух поколений родилось новое общество, утвердилось новое отношение к человеку. Отныне не порода, не «титлы» в первую очередь, а заслуги перед страной, реальная польза, приносимая на общественный алтарь отдельной личностью, определяли ее ценность. Люди сильные, энергичные, предпримчивые выдвигались на первые роли в государстве. Стремительно рушились старые привилегии боярства и духовенства. Стремительным было возышение дворянского, «служилого» сословия. Стремительно разворачивали свою деятельность промышленники, купцы. И не менее стремительно росло недовольство крепостных, чьим трудом и оплачивался этот общегосударственный энтузиазм.

Человек, который придал России это стремительное движение, сам был весь порыв, весь движение. Уверовав в то, что страна не может жить

“Я ЗНАК БЕСС СЕБЕ ВОЗДИГНУ.”

Михайло
Ломоносов:

прежними идеалами, в прежнем ритме, Петр I торопил время. Его «революционная голова» работала над скорейшим, по возможности немедленным претворением в жизнь замыслов, которые сумасшедшей вереницей проносились в ней.

«Россия вошла в Европу», — писал Пушкин, — как спущенный корабль, при стуке топора и при громе пушек. Но войны, предпринятые Петром Великим, были благодетельны и плодотворны. Успех народного образования был следствием Полтавской битвы, и европейское просвещение причалило к берегам завоеванной Невы.

Петр не успел довершить многое,

МАКЕТ ВАСИЛЬЕВСКОЙ СТРЕЛКИ. НА ПЕРЕДНЕМ ПЛАНЕ — КУНСТКАМЕРА, ГДЕ РАЗМЕЩАЛАСЬ АКАДЕМИЯ НАУК, А РЯДОМ — ЗДАНИЯ УНИВЕРСИТЕТА И ГИМНАЗИИ, ГДЕ ЛОМОНОСОВ РАБОТАЛ КАК УЧЕНЫЙ И ПЕДАГОГ.

МЕРТИЯ

В ЭТОМ ЦИРКУЛЬНОМ ЗАЛЕ ПРОХОДИЛИ ЗАСЕДАНИЯ АКАДЕМИИ НАУК.

ПАМЯТЬ О ВЕЛИКОМ СЫНЕ ЗЕМЛИ РУССКОЙ БЕРЕЖНО ХРАНЯТ ПОТОМКИ.

начатое им. Он умер в поре мужества, во всей силе творческой своей деятельности. Он бросил на словесность взор рассеянный, но проницательный. Он возвысил Феофана, ободрил Колиевича, невзлюбил Татищева за легкомыслие и вольнодумство, угадал в бедном школьнике вечного труженика Тредьяковского. Семена были посеяны. Сын молдав-

ского господаря воспитывался в его походах; а сын холмогорского рыбака, убежав от берегов Белого моря, стучался у ворот Заиконоспасского училища. Новая словесность, плод новообразованного общества, скоро должна была родиться».

Личные судьбы людей развивались так же стремительно, как и судьба всей страны. Повороты были неожиданны, падения жестоки, взлеты захватывающие высоки.

Феофан Прокопович, сын киевского торговца, проходит вынужку сначала в Киево-Могилянской академии, затем продолжает свое образование в Польше, после чего отправляется в Рим, где в католической коллегии св. Афанасия наряду с теологией серьезно изучает философию и античную литературу, наконец, возвращается в Киев и ведет занятия в той академии, в которой когда-то начинал сам. Здесь в 1706 году на него обращает внимание Петр I и некоторое время спустя вызывает его в Петербург. Феофан становится вице-президентом Синода, правой рукой Петра, вдохновителем многих и защитником всех начинаний своего венценосного патрона.

Князь Антиох Дмитриевич Кантемир — аристократ, в жилах которого текла кровь Тимура, сын молдавского господаря Дмитрия Константиновича Кантемира, энциклопедически образованного человека, познания которого высоко ценились Петром («Онъиый господарь человек зело разумный и советах способный»), Вольтером и другими европейскими умами. В трехлетнем возрасте Антиох становится русским подданным и обретает в России настоящую свою родину. Он обучается в московской Славяно-греко-латинской академии, становится одним из виднейших русских поэтов первой трети XVIII века и одним из наиболее перспективных деятелей знаменитой «ученой дружины», в которую входили еще немногие в ту пору действительно просвещенные люди и во главе которой стоял Феофан Прокопович. Воцарение в 1730 году Анны Иоанновны обернулось для «дружины» неудачами, а для самого Антиоха Кантемира — удалением в Лондон в качестве русского дипломатического резидента при тамошнем дворе, а затем в Париж в том же качестве.

Сын астраханского священника Василий Кириллович Тредиаковский в девятнадцатилетнем возрасте отправляется из азиатской границы империи в Москву, в Славяно-греко-латинскую академию, оттуда в Гаагу, а потом в Париж. Изучив досконально античную, средневековую и новейшую западноевропейскую литературу, философию и теологию, в год воцарения Анны Иоанновны и начала бироновщины он возвращается в Петербург, мечтая возглавить просветительское движение в стране, но встречает со стороны властей глухое непонимание и открытую вражду.

которая выражалась даже в физических расправах. Униженный, осмеянный, непонятый, затаивший обиду. Традиционный, однако же, не оставляет своих замыслов и все силы отдает просвещению соотечественников...

Многих в ту головокружительную пору позывала Россия, но избранником в полном смысле слова стал лишь Михаил Васильевич Ломоносов, сын чернососного крестьянина, великий человек, «познавший Русь от темной клети до светлых княжеских палат» (А. Н. Майков), первым из деятелей новой русской культуры завоевавший мировую славу.

Стремительным было восхождение Ломоносова. Родившись в поморской семье, детство и отчество свое он провел в родной деревне неподалеку от Холмогор. Трудился, как и все его сверстники, сначала по дому, а с десяти лет стал ходить с отцом в море на рыбный промысел. Примерно в этом же возрасте начал учиться грамоте, да так скоро и споро, что уже в двенадцать лет прослыл среди односельчан грамотеем. Сохранилось предание: дьячок, который наставлял его на первых порах, пал на колени перед отцом Ломоносовым, признавшись, что ничему уже больше научить его не может. Зимой 1730 года, навсегда покинув родные места, Ломоносов уходит в Москву и поступает в Славяно-греко-латинскую академию (или Заиконоспасские школы). За пять лет он проходит двенадцатилетний курс и в числе лучших учеников отправляется для продолжения образования в университет при Петербургской Академии наук. В сентябре 1736 года его в числе трех лучших учеников посыпают в Германию изучать химию и горное дело. В июне 1741 года Ломоносов возвращается в Петербург. Некоторое время живет и работает при академии без всякого жалования. Только после прихода к власти Елизаветы Петровны (25 ноября 1741 года) Ломоносов в январе 1742 года получает наконец должность «адъюнкта физического класса». С 1745 года он профессор химии, то есть действительный член Академии наук. В 1757 году он становится членом Академической канцелярии (высшего административного органа академии), через год назначен директором Географического департамента. В апреле 1760 года Королевская шведская Академия наук избирает Ломоносова своим почетным членом. С января 1761 года он поставлен во главе Академической гимназии и Академического университета. В октябре 1761 года его избирают почетным членом Болонской Академии наук, а в апреле 1764 года — почетным членом Петербургской Академии художеств (за работы в области мозаичного искусства). Ровно год спустя, 4 апреля 1765 года, Ломоносов скончался и через три дня был погребен на кладбище Александро-Невской лавры (как свидетельствовал очевидец, «при огромном стечении народа»).

Но что стояло за этим блестательным послужным списком? Тут есть над чем поразмыслить.

В свое время Г. В. Плеханов, разбирая известные стихи Н. А. Некрасова о Ломоносове, заметил: «...архангельский мужик стал разумен и велиk не только по своей и божьей воле. Ему чрезвычайно помогло то обстоятельство, что он был именно архангельским мужиком, мужиком-поморцем, не носившим крепостного ошейника».

Целиком и полностью принимая это принципиально верное уточнение, будем все-таки помнить, что из всех мужиков, «не носивших крепостного ошейника», только Ломоносов стал для русской культуры тем, чем Леонардо да Винчи и Галилей были для итальянской, Лейбниц и Гете для немецкой, Декарт и Вольтер для французской.

У Пушкина, много размышлявшего над судьбою Ломоносова и много писавшего о нем, есть одно стихотворение — короткое, но удивительно глубокое по силе проникновения в самую суть вопроса и гениальное по простоте исполнения:

**Невод рыбак расстилал по брегу
студеного моря;
Мальчик отцу помогал.
Отрок, оставь рыбака!
Мрежи иные тебя ожидают,
иные заботы:
Будешь умы уловлять,
будешь помощник царям!**

Пушкин, который за редкими, но знаменательными исключениями был суров, даже беспощаден в оценках Ломоносова-поэта, уловил в судьбе Ломоносова-человека нечто пророческое. Надо думать, стихотворение не случайно озаглавлено «Отрок» — в старицу отроками господами называли пророков. Причем, окружая Ломоносова пророческим ореолом, Пушкин здесь не только **свой** излюбленный мотив развивает, но указывает на одно из задушевнейших убеждений **самого Ломоносова**, поэта, мыслителя, государственного деятеля, человека.

Сын «столетья безумного и мудрого», глубоко проникший в его противоречивую сущность, свидетель и участник коренного переворота в русских умах, гений созидательный, нацеленный на преодоление разрушений, сопутствующих любому перевороту, гений всеобъемлющий, умеющий прозреть в ныне разрозненных частях грядущее единство, Ломоносов, как никто из его современников, был подготовлен к воспеванию того «священного ужаса», которым, по его же слову, сопровождается постижение великих идей, определяющих судьбы народов. Образ пророка, стоящего посреди переворотившегося мира, внимающего голосу истины и потрясающего людские души ее словом — один из важнейших в его поэзии:

**О коль мечтания противны
Объемлют совокупно ум!
Доброты вижу здесь предивны!
Там — пламень, звук, и волль, и шум!
Здесь — полдень милости и лето,
Щедротой общества нагрето;
Там — смертнь хлябь разинул ад!
Но промысл мрак сей разгоняет
И волны в мыслях укрощает:
Отверзся в славе божий град.
Ефир, земля и преисподня
Зижделя со страхом ждут!
Я вижу отрока господина,
Приемлюща небесный суд.**

Впрочем, все пророческое относится к области наития, стихии. Недаром же Ф. И. Тютчев называл сон «вещей души» своей именно «пророчески-неясным». Что до Ломоносова, то он не мог удовлетвориться стихией, он должен был подчинить ее себе, а для этого ему надо было как раз **ясным** взором «хватывать совокупность всех вещей, чтобы нигде не встретилось противопоказаний». Вот почему ломоносовский пророк особый: это пророк, который всегда пытался в четких понятиях осмысливать свои смутные догадки и прозрения, дать разумное истолкование грандиозным видениям, столь часто посещавшим его. Вообще тех, кто считает гениев «детями природы», которые не имеют представления о собственной гениальности и творят, не ведая, что и ради чего творят, все написанное Ломоносовым должно разочаровать. Он знал, что он гений. Он имел ясное представление о характере и масштабах своего гения, равно как и о его задачах (литературных, научных, государственных). Кроме того, он непосредственно и спокойно, «без всяких страсти» сознавал, что он **избранник**, что он предпочтен другим, что судьба именно ему назначила совершить духовный подвиг, который был не под силу его современникам. Ни у кого из русских поэтов мотив избранничества не звучал так настойчиво (вплоть до появления Г. Р. Державина) и так благородно (вплоть до появления А. С. Пушкина), как он звучал у Ломоносова:

**Устами движет бог;
я с ним начну вещать.
Я тайности свои и небеса отверзу,
Свидения ума священного открою.
Я дело стану петь,
несведенное прежним!**

Ощущение мощи своего духа, способного объять целое, понимание самобытности того дела, которое он намерен воспеть, сознание абсолютной новизны тех истин, которые открыты ему, — вот что служило Ломоносову внутренним основанием уверенности в своем избранничестве. Во вступлении к поэме «Петр Великий» он уже и само это слово произносит:

**Хотя за знание
служил мне в том талан,
Однако скажут все:
я был судьбой избран.**

Могут возразить, что все это-де стихотворческие преувеличения, риторические фигуры и т. п. Что ж, обратимся к другим ломоносовским свидетельствам.

Сразу по возвращении из Германии тридцатилетний Ломоносов вел для себя заметки «по физике и корпускулярной философии». Так вот, в 160-й заметке читаем: «Сколь трудно полагать основания! Ведь при этом мы должны как бы одним взглядом охватывать совокупность всех вещей, чтобы нигде не встретилось противопоказаний... Я, однако, отваживаюсь на это...»

Конечно, с человеком, который ежедневно помнит о своем избранничестве, окружающим нелегко было общаться. Что касается врагов Ломоносова, так те просто считали его самонадеянным хамом, который за все хватается и все хочет подчинить себе. Но и ломоносовские доброжелатели часто недоумевали: не слишком ли, мол, широк размах-то?.. Главного своего доброжелателя, графа И. И. Шувалова, Ломоносов успокаивал: «Я всепокорнейше прошу ваше превосходительство в том быть обнадежену, что я все свои силы употреблю, чтобы те, которые мне от усердия велят быть предосторожну, были обо мне беспечальны, а те, которые обо мне из недоброхотной зависти толкуют, посрамлены бы в своем неправом мнении были и знать бы научились, что они своим аршином чужих сил мерить не должны, и помнили бы, что музы не такие девки, которых всегда изнасилынчить можно. Оне кого хотят, того и полюбят».

Рассматривая всю свою работу как краеугольный камень будущего здания новой русской культуры, Ломоносов именно с этой точки оценивал отношения с окружающими. И если даже доброжелатели (не говоря уже о гонителях) заходили слишком далеко и угрожали достоинству избранника (следовательно, и истинам, носителем которых он являлся), то доставалось и доброжелателям, как, например, в следующем письме к И. И. Шувалову, приводившем в восторг А. С. Пушкина: «И ежели, несмотря на мое усердие, будете гневаться, я полагаюсь на помощь всевышнего, который мне был в жизнь защитник и никогда не оставил, когда я пролил пред ним слезы в моей справедливости... И сие есть истинное мое мнение, кое без всяких страсти ныне вам представляю. Не токмо у стола знатных гостей или у каких земных владетелей дураком быть не хочу, но ниже у самого господа бога, который дал мне смысл, пока разве отнимет».

Нельзя не поразиться смелости Ломоносова: ведь в письме к фавориту императрицы, говоря о других «каких земных владетелях», он имел в виду не иначе как саму Елизавету, «Петрову дщерь», воспетую им в торжественных одах, и не боялся, что его слова могут быть ей переданы. Вот уж действительно, как писал А. С. Пушкин, «умел он за себя постоять и не дорожил ни покровительством своих меценатов, ни благосостоянием, когда дело шло о его чести или о торжестве его любимых идей».

Причем для самого Ломоносова и честь его, и «его любимые идеи» имели значение только в соотнесении с великой целью, которую он никогда не терял из вида. Он был Просветителем в изначальном, высоком и благородном смысле слова: «Я бы охотно молчал и жил в покое, да боюсь наказания от правосудия и всемогущего промысла, который не лишил меня дарования и прилежания в учении и ныне дозволил

случай, дал терпение и благородную упрямку и смелость к преодолению всех препятствий к распространению наук в отечестве, что мне всего в моей жизни дороже».

Поэт Е. А. Баратынский, который хотел написать книгу о Ломоносове, много размышлял над этическим смыслом таланта и пришел однажды к такому для себя выводу: «Дарование есть поручение; должно исполнить его, несмотря ни на какие препятствия». Мало в ком облагораживающее, возвышающее воздействие дара на самого носителя его, равно как и благородное чувство ответственности перед своим даром, проявлялось так «постоянно и непревратно», как в Ломоносове. Он понимал: надо быть на уровне дарованного, а не применять то, что дано свыше, к сиюминутным потребностям своим, не унижать дар до обслуживания людских прихотей, но сеяния и людей поднимать к нему.

Повторю: никто из современников Ломоносова не был так же спокойно и твердо, как он, уверен в своем высоком и грандиозном предназначении. Как уже говорилось, среди них были люди талантливые, энциклопедически образованные и честолюбивые не меньше, чем он. Но они **доказывали** (себе, монархам, друзьям, противникам) свое право на избранничество. Ломоносов же просто **знал**, что он избранник. Разница неимоверная, всех ставящая на **свои места...**

Это знание, эта спокойная уверенность Ломоносова зиждилась на том очевидном для него (а теперь и для нас) факте, что все его личные творческие устремления идеально совпадали с общегосударственными, общенациональными потребностями культурного, хозяйственного и политического развития постпетровской России.

Все его начинания и свершения в химии, физике, металлурии и горном деле, астрономии, географии, народном образовании, истории, языкоznании, ораторском искусстве и поэзии, помимо своих собственных достоинств, имели еще и выдающееся государственное значение.

«Академики,— писал Ломоносов,— не суть художники, но государственные мужи». Скажем, и открытие им «всесобщего закона природы», закона сохранения материи и движения, и введение в химию количественного метода исследования, и превращение ее из в общем кустарного ремесла в точную науку увеличивали практическую отдачу от научных химических работ, в принципе позволяли даже планировать эту отдачу. Точно так же и в географии Ломоносов мыслил государственными категориями. Руководя мероприятиями по созданию «Российского атласа», он не только организует собственно географические экспедиции по уточнению широты и долготы тех или иных мест, он еще и составляет для рассылки в губернии анкету из 30 вопросов о полезных ископаемых, о количественном, национальном и профессиональном составе населения, о ремеслах, о сельскохозяйственной продукции и т. п. Эта работа привела его в скромом времени к мысли о необходимости принятия целого комплекса мер, касающихся таких важных проблем, как увеличение народонаселения России, переустройство сельского хозяйства (при этом ставился вопрос о «помещичьих отягощениях» крестьянам), промышленности, внутренней и внешней торговли. Он собирался написать также статьи «о истреблении праздности», «о исправлении нравов и о просвещении» и даже... об «олимпийских играх». Предварительные размышления по этим вопросам он начал излагать в записке «О сохранении и размножении российского народа».

Или взять, к примеру, ломоносовские начинания, связанные с мозаичным и вообще стекольным делом. Это была грандиозная по размаху и в высшей степени впечатляющая по результатам работа, в процессе которой разносторонний гений Ломоносова одержал ослепительный ряд выдающихся твор-

ческих побед. Тут Ломоносов выступал как химик-теоретик и химик-экспериментатор, как художник и организатор производства, как поэт и историк, как физик и архитектор одновременно.

В 1746 году вице-канцлер России граф М. И. Воронцов привез из Рима образцы итальянской мозаики. Ломоносов заинтересовался ими. Явилось желание воспроизвести эти образцы. Однако итальянцы строго хранили секрет изготовления смальт (непрозрачных цветных стекол). На Руси способ их производства, заимствованный у византийских мастеров, был известен в Киеве и Новгороде, но к XVIII веку он был уже забыт. Ломоносов твердо решил разработать собственную технологию изготовления цветного стекла и в течение трех лет, начиная с 1748 года, все свое свободное время отдавал напряженнейшей работе по отысканию наиболее эффективного и практичного способа окраски стекол. Более 4000 опытов поставил он, прежде чем добился, наконец, успеха. Ему, например, удалось найти свой метод получения рубинового стекла, окрашенного соединениями золота (до Ломоносова золотые рубины умели делать древние ассирийцы еще при царе Ашшурнапале да один немецкий химик, живший в XVII веке, однако и после них не осталось никаких рецептов; на Западе только в 40-е годы XIX века вновь начали производить золотые рубины).

Параллельно со стекольным производством (Ломоносов основал в Усть-Рудице, неподалеку от Петербурга, свою стекольную фабрику) он занимается разработкой некоторых важнейших проблем оптики как в сугубо научном (теория света и цветов), так и в прикладном плане, построив более десятка принципиально новых оптических приборов.

В 1752 году Ломоносов пишет поэму «Письмо о пользе Стекла», в которой не только воспевает выгоды от использования стекла, но и описывает культурную историю человечества, прославляя разум в его борьбе с невежеством. В ряду других культурных завоеваний Ломоносов выделяет мозаичную живопись:

Искусство,
коим был прославлен Апеллес
И коим ныне Рим главу свою вознес,
Коль пользы от Стекла
приобрело велики,
Доказывают то Финифти, Мозаики,
Которы в век хранят
Геройских бодрость лиц,
Приятность нежную и красоту девиц;
Чрез множество веков
себе подобны зрятся
И ветхой древности
грызеныя не боятся.

На своей фабрике Ломоносов наряду с производством стекляруса, бисера, финифти, стеклянной посуды, подвесок для люстр наладил еще и изготовление мозаичных картин. Первые свои мозаики он выполнил от начала до конца сам. Это были «Нерукотворный образ Христа Спасителя» и «Образ Богоматери» (1752). О своей работе над последней картиной, составленной по живописному оригиналу итальянского художника Франческо Солимены, Ломоносов писал: «Всех составных кусков поставлено больше четырех тысяч, все моими руками...». Но уже портрет Петра I (1755) выполняли мозаичисты из его мастерской под его же руководством. В 1761 году художники и подмастерья ломоносовской мастерской переехали в Петербург, в специальное здание, построенное для них рядом с ломоносовским домом на набережной Мойки.

Выдающимся произведением мозаичного искусства Ломоносова стала знаменитая «Полтавская баталия» (1762—1764). Работая над этой мозаикой, Ломоносов хотел быть не только вдохновенным, но по возможности и документально точным художником. По его свидетельству, «лицо самой главной особы», то есть Петра I, было нарисовано для картины «с гипсовой головы,

отлитой с формы, снятой с самого лица блаженного памяти государя, каков есть восковой портрет в Кунсткамере». До 1925 года «Полтавская баталия» пыльлась в каком-то амбаре или сарае. Сейчас она украшает верхнюю площадку парадной лестницы входа в главное здание Академии наук СССР в Ленинграде.

Ломоносов планировал создание еще полтора десятков мозаик из жизни Петра I (причем «Азовское взятие» уже было начато набором). Он мечтал об украшении «публичных строений» мозаичными картинами на темы, связанные с ключевыми событиями русской истории. И во всех этих замыслах и свершениях творческая мысль его выступала как мысль общеполезная, государственная по преимуществу.

Подобные примеры можно продолжать до бесконечности. Так, скажем, актуальнейшая для XVIII века проблема создания единой литературной нормы русского языка, с блеском поставленная им в его гениальной теории «трех штилей», решалась в «Предисловии о пользе книг церковных в российском языке» как важнейшая национально-государственная проблема. Те же цели преследовал он в «Российской грамматике», «Кратком руководстве к красноречию» и «Древней российской истории», в патетическом вступлении к которой он, обозревая полный борьбы, лишний и побед исторический путь русского народа, показал современникам и потомкам глубоко народный характер и своего гения, органичного, жизнестойкого, всегда готового к плодотворному преодолению трудностей, будь то нерешенные научные задачи или козни врагов: «Народ российский от времен, глубокою древностию сокровенных, до нынешнего веку толь многие видел в счастии своем перемены, что ежели кто междуусобные и отвне нанесенные войны рассудит, а великое удивление придет, что по толь многих разделениях, утеснениях и нестроениях не токмо не расточился, но и на высочайший степень величества, могущества и славы достигнул. Извне угры, печенеги, половцы, татарские орды, поляки, шведы, турки, изнутри домашние несогласия не могли так утомить России, чтобы сил своих не возобновила. Каждому несчастью последовало благополучие, большее прежнего, каждому упадку высшее восстановление...»

Если вдуматься, Ломоносов был человеком **счастливым** в полном смысле слова: сильнейшая личная страсть его к отысканию Истины сама по себе уже была **общественным благом**. Его всеобъемлющая любовь к родине менее всего была платонической, ибо постоянно воплощалась в свершениях на благо и на радость родине. «Веселящаяся Россия» — так он определял высокий общественно-патриотический идеал, к которому всегда стремился сильной и любящей сыновней душою.

Между тем многое из того, что было задумано Ломоносовым, не получило да и не могло получить воплощения при его жизни: и потому что замыслы его иногда далеко опережали время, и вследствие административно-чиновничьей рутинны, и из-за явного противодействия «недоброхотов наук российских». Сохранилось свидетельство, что перед самой смертью он произнес горькие слова: «...я вижу, что должен умереть, и спокойно и равнодушно смотрю на смерть, жалею только о том, что не мог я совершить всего того, что предпринимал я для пользы отечества, для приращения наук и для славы Академии, и теперь, при конце жизни моей, должен я видеть, что все мои полезные намерения исчезнут вместе со мной». Энергичная и властная натура Ломоносова, всегда стремившаяся к исчерпывающему решению каждого вопроса, доведению до конца любого дела, не могла примириться с мыслью о том, что не он (не Ломоносов!) будет продолжать свои начинания.

«Мое единственное желание,— писал он в 1760 году,— состоит в том, чтобы

привести в вожделенное течение Гимназию и Университет, откуда могут пройти многочисленные Ломоносовы...» Воспитать как можно больше людей, которые так же, как он, были бы нравственно стойкими, свободными и смелыми, способными на самостоятельные решения,— иными словами, воспитать достойных наследников своего богатства, которые смогли бы принуждить его в дальнейшем,— только так Ломоносов мыслил себе победу над смертью, грозившей погасить то пламя, что бушевало в недрах его неистового духа. Зажечь от своего огня как можно больше искренних сердец, стать «общено душою» всех будущих подвигов во славу русской культуры, ожить хотя бы искрой в грядущих делах, направленных на пользу отечества,— только так можно было получить право на бессмертие. И только такое бессмертие— не холодное, не абстрактное, но действительное, осязаемое, живое,— только бессмертие во плоти устраивало Ломоносова. Именно в этом, с его точки зрения, заключалась высшая этический смысл самой идеи: все прочее— игра ума, самообольща.

Он не щадил себя, стараясь заложить прочные основы народного образования в России, создать крепкое ядро научных и литературных кадров. Под руководством Ломоносова воспитались многие видные деятели русской культуры: поэт и переводчик, профессор Московского университета Н. Н. Поповский, философ, переводчик и математик, также профессор Московского университета А. А. Барсов, поэт и переводчик И. С. Барков, натуралист и путешественник академик И. И. Лепехин, астроном академик П. Б. Иноходцев и многие другие. Если же к этому добавить, что и сам Московский университет был создан по проекту Ломоносова, что вся Россия в течение многих десятилетий обучалась грамоте по ломоносовской «Грамматике», усваивала основы красноречия и знакомилась с лучшими образцами мировой литературы по его «Риторике», то его влияние на образ мыслей последующих поколений окажется поистине необыкновенным.

Ломоносов завещал современникам и потомкам: «Сами свой разум употребляйте. Меня за Аристотеля, Картизия, Невтона не почитайте. Ежели вы мне их имя дадите, то знайте, что вы холопы, а моя слава падает и с вашею».

Только глубокое понимание своей страны и своего народа, внутренней логики его развития могло породить столь смелое высказывание. Действительно, надо было обладать настоящей смелостью и твердой верой в русский народ, чтобы произнести такие слова в ту пору, когда во всех творческих умах безраздельно господствовал принцип подражания непререкаемым авторитетам.

«Сами свой разум употребляйте...» Но ведь новая русская культура только начинала складываться, от плода западноевропейского просвещения едва вкусили — и вдруг такая дерзость! Казалось бы, надо сначала как следует поучиться, а уж потом... Нет, говорит Ломоносов, человек так и не выйдет из младенческого состояния, если с самого начала не будет полагаться на свои собственные духовные ресурсы,— это основа, без этого никакое учение не пойдет впрок. «Сами свой разум употребляйте...» Это будет лучшим признаком и его, Ломоносова, просветительских заслуг, ибо истинная цель просвещения не в том, чтобы сообщить людям определенную сумму сведений по различным наукам, и только, а в том, чтобы пробудить в каждом человеке творца, духовно активную личность. Только «свой разум употребляя», вы обретете собственное достоинство, и через это вам откроется, может быть, одна из поразительнейших особенностей мира: вы увидите его «в дивной разности», увидите, что все и вся существует в нем только благодаря своей незаменимости и неповторимости. Вакансии русского Аристотеля нет и не может быть вооб-

ще. Философский и научный подвиг Декарта был возможен лишь во Франции, а Ньютон неотделим от английской почвы. Каждый человек уникален: это целый мир возможностей, присущих только ему. Но они так и останутся скрытыми от внешнего мира, если человек не совершил необходимого волевого усилия. «Сами свой разум употребляйте...» и станет свободы.

Мысль о духовной свободе пронизывает все это энергичное высказывание Ломоносова. Молодая Россия несет с собою уникальные духовные ценности в сокровищницу мировой культуры. Поэтому-то Ломоносов «за то старался, за то терпел», чтобы «выучились россияне, чтобы показали свое достоинство».

«Бесспорных гениев с бесспорным «новым словом» во всей литературе нашей было всего только три: Ломоносов, Пушкин и частью Гоголь»,— писал Ф. М. Достоевский. Все многообразие творческих и человеческих устремлений Ломоносова наиболее полно отразилось в его позиции. С этой точки зрения никакая другая сфера ломоносовской деятельности не может соперничать с его поэтическим творчеством.

Самый дебют Ломоносова в поэзии был неподражаем. Просто ошеломителен. Он пришелся на 1740 год. Русские войска только что одержали победу над турками в Молдавии, взяв крепость Хотин. Патриотический подъем охватил стихотворцев, которые бросились воспевать хотинскую победу, например, в таких вот строчках:

**Чрезвычайная летит—
что то за премена!**
Слава,
носящая ветвь финика зелена;
Порфирио блещет вся,
блещет вся от золата,
Из конца мира
в конец мечется крылаты.
Восток, Запад, Север, Юг,
бреги с Океаном,
Новую слушайте весть,
что над мусулманом
Полную Российский меч,
коль храбрый, толь славный,
Викторию получил
и авантаж главный.

И вот тогда-то, зимой 1740 года, из Германии в Петербургскую Академию наук пришли стихи русского студента-химика, в литературе никому не известного:

Восторг внезапный ум пленил,
Ведет на верх горы высокой,
Где ветр в лесах шуметь забыл;
В долине тишина глубокой.
Внимая нечто, ключ молчит,
Который завсегда журчит
И с шумом вниз
с холмов стремится.

Лавровы вьются там венцы,
Там слух спешит во все концы;
Далече дым в полях курится.

Это было как гром среди ясного неба! Один из современников Ломоносова так вспоминал о первом чтении этих стихов: «Мы были очень удивлены таким еще небывалым в русском языке размером стихов... Все читали их, удивляясь новому размеру». Стихи Ломоносова мощно вел за собою, непонятный силою увлекал в высоты, от которых захватывало дух, поражал неслыханной дотоле поэтической гармонией, заставлял по-новому трепетать сердца, эстетически и нравственно отзывчивые, ибо этот стих воплощал новый образ красоты, новый образ мира, сознание нового человека.

Поззия Ломоносова показывает, как глубоко проникла в духовный мир человека новая русская литература уже при самом своем зарождении. Забота о благе родины; мучительные поиски Истины; взволнованное переживание красоты и единства Вселенной; отчаяние человека, изнемогшего в борьбе со своими врагами, преданного на бессмыслицами муками, беззащитного и одинокого; радостное чувство родства с великим народом, его историей, драматической и славной, и огромная тоска по будущему, ради которого и свершился его титанический гражданский и творческий подвиг,— все это нашло свое выражение в

стихах Ломоносова, несмотря на то, что русская поэзия только начиналась, литературный язык был недостаточно пластичен, а литературная теория осложняла поэтам и без того трудную задачу, стараясь уместить необъятный духовный мир их в прокрустово ложе рационалистических правил.

«Ломоносов стоит впереди наших поэтов, как вступление впереди книги» — эти гоголевские слова не просто остроумная фраза: за ними много существенного, насыщено необходимого для понимания всего нашего дальнейшего культурного развития. Ломоносов действительно, как в предисловии, скромно и энергично выразил основные духовные проблемы, общественно-политические, нравственные, философские, эстетические, которые впоследствии не мог обойти ни один большой писатель и которые не утратили своей остроты, по сути дела, до сего дня.

Многие стихи Ломоносова выделяются, что называется, длительную проверку временем. Вот, например, космическая тема — одна из самых популярных в нашей поэзии, как классической, так и современной. Но это потом были Г. Р. Державин, Ф. И. Глинка, Ф. И. Тютчев, Е. А. Баратынский, М. Ю. Лермонтов, А. А. Блок, В. Я. Брюсов, В. В. Маяковский, В. В. Хлебников, Н. А. Заболоцкий... А вначале был Ломоносов с его, теперь уже смело можно сказать, бессмертным:

Лице свое скрывает день,
Поля покрыла мрачна ночь;
Взошла на горы черна тень,
Лучи от нас склонились прочь.
Открылась бездна звезд полна;
Звездам числа нет, бездне дна.
Песчинка как в морских волнах,
Как мала искра в вечном льде,
Как в сильном вихре тонкий прах,
В свирепом как перо огне,

М. В. ЛОМОНОСОВ. МОЗАИЧНЫЙ ПОРТРЕТ ПЕТРА I.

ДАР РИСОВАЛЬЩИКА — ОДИН ИЗ МНОГОЧИСЛЕННЫХ ТАЛАНТОВ М. В. ЛОМОНОСОВА.

Так я в сей бездне углублен,
Теряюсь, мысльми утомлен!

Или возьмем столь актуальную ныне тему войны и мира. Основоположником ее в нашей поэзии является опять-таки Ломоносов. Вы посмотрите, в каких потрясающих стихах он выражал протест против бесчеловечия войны:

Несытая алчба имения и власти,
К какой ты крайности
род смертных привела?

Которой ты в сердцах
не возбудила страсти?
И коего на нас не устремила зла?
С тобою возросли
и зависть и коварство;
Твое исчадие кровавая война!
Которое от неё
не стонет государство?
Которая от неё
не потряслась страна?
Где были созданы
всходящи к небу храмы
И стены —
труд веков и многих тысяч пот,—
Там видны лишь
одне развалины и ямы,
При коих
тучную имеет паству скот...
Лишь только зазвучит
воenna брань трубою,
Мятутся города, и села, и леса,
Любовнического исполненные вою
И жалоб на удар жестокого часа.
Что может быть
сего несноснее на свете —
Когда двоих любовь
и радость сопрягла,
Однако в самом дней
младых прекрасном цвете
Густая жадности
мрачит их пламень мгла,

Когда родители обманчивой корысти
На жертву отдают и совесть и детей.
О небо, преклонись,
вселенную очисти
От пагубы такой,
от скверной язвы сей!

Вместе с тем Ломоносов был первым русским поэтом, который предотвратил алчущих «имения и власти» от вторжения в Россию:
Обширность наших стран измерьте,
Прочтите книги славных дел
И чувствам собственным поверте:
Не вам подвергнуть наш предел...
Российский род! коль ты ужасен
В полях против своих врагов!..

Наконец, Ломоносов был первым русским поэтом, который выразил мысль о том, что именно Россия должна принести мир всему человечеству:

Великая промолви Мать,
И повели войнам престать.
О лучших стихах Ломоносова А. С. Пушкин сказал: «Они останутся вечными памятниками русской словесности».

Сегодня все явственнее становится недопустимость объяснения тех или иных особенностей нашего литера-

ЛОМОНОСОВ РАЗРАБОТАЛ СОБСТВЕННУЮ ТЕХНОЛОГИЮ ПРОИЗВОДСТВА СМАЛЬТЫ — НЕПРОЗРАЧНОГО ЦВЕТНОГО СТЕКЛА. И В ЭТОМ ОН ТОЖЕ ОПЕРЕДИЛ СВОЕ ВРЕМЯ. КАЖЕТСЯ, ЧТО ЭТОТ СМАЛЬТОВЫЙ СТОЛИК ЕГО РАБОТЫ — СОЗДАНИЕ ХУДОЖНИКА XX ВЕКА.

зость есть предо мною!»
...Сравнительно недолгая жизнь Ломоносова (он прожил без малого пятьдесят три с половиной года) — пример удивительно цельной жизни, прожитой стремительно, до предела насыщенно, благотворно для современников и потомков. Он прожил ее так, как мечтал прожить свою один из его героев:
Какая польза тем,
что в старости глубокой
И в тьме бесславия
кончают долгий век!
Добротами всходить
на верх хвалы высокой
И славно умереть родился человек.

«ПОЛТАВСКАЯ БАТАЛІЯ». ФРАГМЕНТ.

турно-общественного развития посредством одних только объективных причин («Время было такое» и т. п.), все очевидное неотменяемость личной ответственности каждого за все свершающееся. Возвращаясь к Ломоносову, мы не имеем права ограничиваться юбилейными славословиями и повторением пройденного: умилением по поводу его ухода в Москву с обозом мерзлой трески, цитатами о «собственных Платонах и быстрых разумом Невтонах» и т. д. Умиление уводит душу от работы. Вновь вернуться к Ломоносову — это значит прежде всего (и в конце концов!) усвоить его великие нравственные уроки. Уроки достоинства и ответственности. Если мы не сделаем этого, то Ломоносов из более чем двухсотлетней давнины настигнет нас посреди наших юбилейных славословий и прилечатает, как он умел это делать при жизни: «Праздников ваших ненавидит душа моя, и кадило ваше мер-

«...ИМЕЮ Я УСЕРДНОЕ ЖЕЛАНИЕ В ХИМИЧЕСКИХ ТРУДАХ УПРАЖНЯТЬСЯ». МАКЕТ ХИМИЧЕСКОЙ ЛАБОРАТОРИИ
М. В. ЛОМОНОСОВА.

Татьяна
ГОНЧАРОВА

СОРАТНИ

Как сделать, чтобы наши уроки стали уроками жизни, не только давали глубокие знания, но и воспитывали гражданина? Уверен, что творческое, самобытное решение этой проблемы будет активно содействовать перестройке педагогического сознания учителяства в свете идей школьной реформы и задач, поставленных XXVII съездом нашей партии.

Его делегатом была народный учитель СССР Татьяна Ивановна Гончарова.

Все, о чем она пишет, рождено страстной потребностью поведать о самом главном, что обретено в более чем 30-летней учительской деятельности. Поведать честно и предельно искренне. И это не может не вызвать ответного сопереживания, соразмысливания о том, что волнует каждого избравшего педагогическое поприще: какой учитель нужен нашему обществу, чему и как учить юных, которым предстоит продолжить начатое предшествующими поколениями, стать творцами своей собственной судьбы и судьбы страны?

Написанные ярко, умно, неравнодушно, записки Т. И. Гончаровой заставляют задуматься о природе, истоках педагогического мастерства, еще раз убеждают в том, что дело учителя — это выражение его личности, его гражданской и педагогической позиции.

Отдавать может только духовно богатый. Жизнь учителя — это непрекращающееся восхождение к высотам человеческой культуры, стремление «быть с веком наравне», непрерывное самовоспитание и учение (у жизни, людей, книг, своих учеников). Все доброе, плодоносящее, прогрессивное впитывается им, становится личным достоянием и в конце концов отдается делу. Счастье учителя — в воспитании человека высокой нравственности, подлинной культуры и интеллигентности, обостренной совести и долга, человека, которому можно доверить оружие солдата, самый сложный станок, права и обязанности гражданина.

О том, как вырастить такого человека, как развить его ум и душу, и радеет

прежде всего Т. И. Гончарова. Все приемы, формы, средства деятельности на уроке и после, которые она применяет, продиктованы этой заботой и направлены на то, чтобы сделать учение сердцевиной духовной жизни школьников, а их самих — активными, заинтересованными и сознательными участниками собственного обучения и воспитания. Современная, отвечающая требованиям жизни позиция!

Огромное значение Т. И. Гончарова придает эмоциональному фону уроков и общения друг с другом, помогая каждому поверить в себя, в свои силы, увидеть перспективу своего развития. Открытость учителя, всей его жизни, искреннее внимание к внутреннему миру учеников, понимание их состояния рождают у детей ответное доверие к педагогу, желание идти за ним. При этом опора на лучшее в каждом воспитаннике, поддержка и развитие этого лучшего становятся главным средством духовного и душевного возвышения детей. Здесь хотелось бы напомнить мысль В. А. Сухомлинского: «Если мы будем стремиться к тому, чтобы все силы души ребенка были поглощены уроками, жизнь его станет невыносимой. Он должен быть не только школьником, но прежде всего человеком с многогранными интересами, запросами, стремлениями». О созидании вместе с детьми такой разнообразной, увлекательной, эмоционально богатой и яркой, наполненной идеальными чувствами, взаимообогащающей жизни и заботится Т. И. Гончарова как воспитатель.

Высокие результаты ее педагогической деятельности — лучшее доказательство плодотворности такого гуманного, ставящего в центр внимания личность ученика подхода к его обучению и воспитанию.

Юрий БАБАНСКИЙ,
действительный член Академии
педагогических наук СССР

31

год работы в школе. Много? Да. Но и теперь я с радостным ожиданием встречи с моими учениками вхожу в класс и с улыбкой говорю: «Здравствуйте, ребята!»

Я вижу милые, красивые лица дорогих мне старшеклассников, озорные, смешливые глаза моих пятиклассников. Они тоже ждут: каким будет новый урок, целых 45 минут нашей сегодняшней жизни?

Самое главное и самое сложное сейчас — преодоление стереотипов мышления, изменение педагогического сознания, освобождение от ошибочных представлений, поиск новых, отвечающих требованиям современности подходов к обучению и воспитанию подрастающих поколений.

Обучение школьников производительному труду — одно из ведущих направлений школьной реформы. Однако вот что не может не тревожить. Часто производительный труд понимается лишь как физический; при этом забывают, что производительным должен быть и умственный труд, а первоочередной задачей учителя является обеспечение напряженной, творческой и самостоятельной деятельности учеников в сфере мысли.

Устаревший подход к трудовому воспитанию объясняется инерцией традиционного мышления. Сегодня важно понять: хорошо работает тот, кто хорошо мыслит, а творческое мышление, как известно, развивается прежде всего в процессе познания.

В поэме Н. А. Некрасова «Кому на Руси жить хорошо» читаем:

И долго Гриша берегом
Бродил, волнуясь,
думая,
Покуда песней новою
Не утолил натуженной,
Горящей головы.

Вот и учитель должен радеть о том, чтобы голова его ученика стала «натуженной». А это невозможно, если ребенок не будет напрягать свой ум, преодолевая посильные трудности учения, за-

даваясь вопросами, искать ответы на них.

К сожалению, по абсолютному большинству учебных предметов подростки, юноши и девушки не задают вопросов. Не задают сегодня, на этой неделе, в этом месяце, в текущем учебном году...

Мое педагогическое сердце радуется, когда вижу пытливые лица ребят, проявления потребности познать окружающий мир, уяснить суть своего существования на земле. Но случается это далеко не на всех уроках. Чаще всего учитель задает вопросы, а ученики отвечают на них, опираясь лишь на учебник. И у них складывается превратное представление, что истины уже найдены авторами учебников и учителями. Что еще искать? Зачем искать? Истины установлены, их нужно только воспринять, запомнить и воспроизвести, не мудрствуя лукаво.

Истинный урок — это совместный поиск истины учителем и учениками, лаборатория культуры мышления. Где этого нет, там скука, мертвность, бездуховность. По моему убеждению, драматизм обучения в том, что главный труд учеников — учение — не выступает главной сферой трудового воспитания.

* * *

Необходимо постоянно возбуждать у школьников умственный голод, поддерживать и развивать у них «вопросительное» отношение к окружающему миру. Такое отношение свойственно людям неординарным, творческим, способным увлекаться. Вспомним, к примеру, В. Г. Белинского, который впадал в «лихорадку», когда «денно и нощно» бился над разрешением какого-нибудь «проклятого вопроса».

«Сомнения именно мучили его, — вспоминал И. С. Тургенев, — лишали его сна, пищи, грызли и жгли его; он не позволял себе забываться и не знал усталости... Я ослабевал... мне хотелось отдохнуть, я думал о прогулке, об обеде, сама жена Белинского умоляла и мужа и меня немножко погодить, хотя на время прервать эти прения, напомнила ему предписание врача... но

с Белинским сладить было нелегко. — Мы еще не решили вопроса о существовании бога, — сказал он мне однажды с горьким упреком, — а вы хотите есть!..»

Людям, которых судьба одарила таким счастливым даром, как «вопросительное» отношение к действительности, жизнь представляется в виде непрерывной цепи.

Ребенка называют почемучкой. И это справедливо. Василий Песков передает типичный диалог бабушки и внучки:

— Бабушка, это деревянный песочек?

— Нет, это опилки.

— Бабушка, а кто покрасил цветы?

Вопросы цепляются один за другой:

— Бабушка, а зачем лошадкакусает цветы?

Бабушке хочется отдохнуть. Она разворачивает на траве узелок, достает помидоры, хлеб, яблоки.

— Лена, Лена!

Но Лена нашла под листьями улитку:

— Бабушка, что это?

Но с годами чудесная пытливость часто идет на убыль. Причина этого печального явления заключается в неверно поставленном в некоторых учебных заведениях обучении и воспитании. Вот как сказал об этом С. Я. Маршак в одной из своих миниатюр:

Он взрослых изводил вопросом

«почему?».

Его прозвали «маленький философ».

Но только он подрос,

как начали ему

Преподносить ответы

без вопросов.

И с этих пор он

больше никому

Не досаждал вопросом

«почему?».

Учебно-воспитательный процесс, построенный на сугубо информационном, верном, даже директивном изложении материала, приводит к тому, что у человека «вопросительное» отношение к действительности, науке, искус-

ству оскудевает, высыхает, подобно колодцу, из которого долгое время не берут воду. Постепенно окружающий мир перестает быть для него источником вопросов и проблем. Человек не ищет в окружающем мире иного смысла, кроме того, который самоочевиден. Его знания становятся обыденными, почертнутыми преимущественно из повседневного житейского обихода, чаще всего некритического и наивного восприятия лежащих на поверхности явлений, из накопленных догматов. Его перестают терзать сомнения.

Можно ли развить в ученике «вопросительное» отношение к жизни? Можно. И лучшее подтверждение тому — деятельность выдающихся наставников молодежи, которые поддерживали и специально формировали у своих воспитанников такие качества, как любознательность, вдумчивость и критичность, умение мыслить нестереотипно. А. И. Герцен, блестящий пропагандист науки и искусства, говорил, что ему хотелось бы не столько сообщать молодежи те или иные сведения, давать готовые ответы на любые вопросы, сколько научить ее спрашивать. Не грех вспомнить и академию Платона, и лицей Аристотеля, где передача знаний выливалась в форму непосредственной беседы между учителем и учениками.

Обучение в собственном смысле слова существует там, где у школьников есть живой интерес к познанию окружающего мира. Интерес — ключ к духовной высоте. Чем меньше его на уроках, тем меньше наш педагогический успех.

Присутствуя на экзаменах по истории в школах, беседуя с теми, кто поступил

МОИ

НИ

на исторический факультет института или университета, всегда вижу одно и то же: высоко ценится тот школьник или абитуриент, который больше помнит, а следовательно, и знает. Верен ли этот подход? Ведь обществу нужны люди, не только знающие историю, но и чувствующие и понимающие ее, вносящие в ее изучение собственные критические мысли, находящие в истории опору для своей плодотворной деятельности.

История — форма и средство познания действительности. Но эта действительность не однозначна. Уроки истории призваны помочь школьникам пережить и осмыслить великие свершения прежних времен, использовать все положительное, что было в прошлом.

Примечательную надпись на «Истории России» С. М. Соловьева сделал поэт Ярослав Смеляков:

*История не терпит суесловья,
трудна ее народная стезя.
Ее страницы, залитые кровью,
нельзя любить безумною любовью
и не любить без памяти нельзя.*

Школьные уроки истории должны побуждать подрастающего человека ассоциативно мыслить, вызывать желание дерзать, быть душевно причастным к великим деяниям народа, находить высший смысл жизни в служении Родине, обществу. Мы, люди, — носители Прометеева огня. Нам нужно идти по следам прежних эпох, но идти не слепо, а творчески, искать то лучшее, что искали наши предки, и создавать принципиально новое. А это невероятно трудно: на отдельного человека-первопроходца и общество-первопроходца в целом порой обрушаются великие испытания. В такие периоды история может выполнить врачающую роль.

Старушка, героиня рассказа Василия Шукшина «На кладбище», говорит собеседнику о современной молодежи:

— Вот и знают много и вроде понимают все на свете, а жить не умеют. А?

Собеседник отвечает ей:

— Да где они там знают много! Там насчет знаний-то... конь не валялся.

Старушка:

— Да вон по сколь годов учатся!

Собеседник:

— Ну и что? Как учатся, так и знают. Для знаний, что ли, учатся-то?

История — в числе других предметов, особенно гуманитарных, — призвана добиваться у учеников соответствия сознания и бытия. Это самая трудная педагогическая задача, но, если она не решена, решение других не имеет смысла. Совершенно необходимо, чтобы школьники овладевали такими основополагающими понятиями истории, как закономерности развертывающихся событий, личность и массы в историческом процессе, материальный фактор на всех этапах развития человеческого общества, эволюция и революция в истории общества.

Питомцев школы, окончившие ее несколько лет назад, часто спрашивали:

— Вот вы десять лет прожили в школе. Что вы вынесли из нее?

Безмерно влияние хорошей школы на подрастающего человека. И все же можно увидеть определяющее.

«После школы я только и делаю, что прибавляю знания. И это потому, что учителя научили меня думать».

«Школа научила меня двум важным вещам: общению с людьми и умению самостоятельно добывать знания, чтобы мыслить по-своему. Все это мне крепко пригодилось в жизни».

В этих словах двух разных выпускников, один из которых работает врачом, другой — юристом, выражена суть хороших школ.

На каком-то этапе развития нашей школы возникла немотивированная боязнь — не истин, а искания истин самими учениками, случайно заданных вопросов, малейшего отступления от учебника, от объяснения учителя. Постепенно, мало-помалу из уроков вытеснились творческие поиски учеников в области всех наук, но особенно гуманитарных.

Как преодолеть этот недостаток, особенно нетерпимый в условиях реформы школы? Ведь именно реформа ориентирует нас на резкое повышение уровня общеобразовательной подготовки, на творческое, активное и самостоятельное овладение основами наук.

Реформа потребовала скорейшего исключения такого порока, как процентомания. Решать поставленную задачу нужно неторопливо и мудро. Тяжелый и ответственный труд учения не может быть построен лишь на том, что вызывает удовольствие и что непосредственно ведет к профессии. Мотивация учения — вот главное, на что мы призваны направить наши педагогические поиски. Настало время придать исключительное значение пестованию — здесь я не могу подобрать более точного слова! — в школниках духовной потребности в познании человека, общества и природы. Тогда естественно возникнут на уроках творческие, эмоциональные состояния, о которых мечтает каждый настоящий учитель.

Скажу сразу: для меня ученик — всегда Человек с большой буквы. Потенциально он неисчерпаемо богат. Ему нужно лишь внушить это и создать условия для проявления высоких человеческих качеств.

Ключевой общепедагогической и частнометодической проблемой, от успешного решения которой в значительной мере зависит судьба многих и многих других, была и остается проблема увлеченности учением. В. И. Ленин в «Философских тетрадях» подчеркивает единство двух сторон духовного освоения мира — рациональной и эмоциональной: «Идея есть познание и стремление (хотение) /человека/...». В ленинском наследии содержится мысль о том, что через чувства выявляется сущность действительности: «...без человеческих эмоций никогда не бывало, нет и быть не может человеческого искания истины».

Посещая ежегодно десятки и сотни уроков, неизменно задаю ребятам вопрос: «Случается ли вам быть соавтором урока истории, то есть вместе с учителем определять тему урока и его замысел, планировать содержание и организацию, а также вопросами, репликами, рассказами ставить учителя перед необходимостью перестраиваться по ходу урока? Чаше всего слышу ответ: «Нет, не случается».

За этим вопросом следует второй: «Чем вы любите заниматься на уроках истории?» Почти все отвечают: «Слушать учителя». Это замечательно, что многие учителя являются мастерами рассказывания и мастерами художественного чтения: слово у подлинного учителя — золото. Но где же труд самих учеников? Почему они не любят участвовать в беседах и диспутах, семинарах и конференциях, самостоятельно работать с учебником, изучать первоисточники, выполнять творческие письменные работы, готовить сообщения и доклады, устанавливать связи истории с другими науками и искусством?

Слушать и самостоятельно решать задачи, требующие мышления в собственном смысле слова, не одно и то же. Высыпь школьника подымает лично с трудом найденные ответы на сложнейшие вопросы. А в психологически комфортных условиях из урока в урок слушать учителя — это значит потребительски относиться к усвоению начал духовной культуры.

У многих школьников нет стремления выполнять основное дело этого периода жизни — учиться возможно лучше, возможно честнее, возможно требовательнее. Часто наблюдаешь не познавательный труд, а просто баловство. Результаты этого нулевые. А мучительного стыда от сознания «До чего плохо усваиваю науки! До чего мое учение ненастяще!» нет и нет! Многим неведомо состояние, когда голова начинает «кренделить» от большого напряжения. И это объяснимо: играют в учебу, не учатся! Барствуют, не трудятся! Часто преобладает труд-иллюзия. Обществу не нужны люди, способные жить не большой борьбой, а всем готовым, жаждущие не пробуждать трудом все свои потенциальные творческие силы, а наслаждаться без труда. Разговоры об этом набили оскомину, а проблема не решается, не исчезает. Значит, чего-то мы не учываем в учебно-воспитательном процессе. Укорять учеников? Винить их во всем! Это не дает эффекта. Значит, их надо учить иначе.

Пассивность — учеников — следствие ненормальных, неестественных педагогических условий: мозг школьника по большому счету находится в бездеятельном состоянии. А между тем у человека врожденная потребность в активном познании окружающего мира.

Примерно в течение 20 лет мы собираем и анализируем ответы старшеклассников на вопрос: «Какие жанры урока вы считаете наиболее интересными, поучительными, цennыми для вашего исторического образования: а) урок-беседа; б) урок-семинар; в) урок-диспут; г) урок-лекция; д) урок изучения текста учебника; е) урок анализа первоисточников; ж) урок художественного чтения историко-литературных произведений?» Картина всегда одна и та же: особо притягательными старшеклассникам представляются именно такие жанры урока, которые являются толчком к включению мышления, к самостоятельной работе, к самостоятельному рассмотрению фактов, событий, явлений. Это беседы, семинары и особенно диспуты.

Наиглавнейшая педагогическая задача сегодня — сделать нашими соратниками учеников, тех, кто погружен в стихию познавательного изживичества, не любит самостоятельного умственного труда, спокойно пользуется плодами деятельности учителей и авторов учебников. Духовых потребителей нужно настойчиво переводить в ранг творцов-работников. Здесь необозримая педагогическая целина. Ее предстоит всхапать, засеять, обработать. Для этого нам, учителям, следует преобразовать свою собственную психологию.

В ранней юности мне посчастливилось прочитать роман величайшего французского писателя Франсуа Рабле «Гаргантюа и Пантагрюэль». Особенно врезалась в память глава «О том, какой у телемитов был уклад жизни». Вот что поразило.

«Вся их жизнь была подчинена не законам, не уставам и не правилам, а их собственной доброй воле и хотению. Вставали они, когда вздумается, пили, ели, трудились, спали, когда заблагорассудится; никто не будил их, никто не неволил их пить, есть или еще что-либо делать. Такой порядок завет Гаргантюя. Их устав состоял из одного правила: делай что хочешь, ибо людей свободных, происходящих от добрых родителей, просвещенных, вращающихся в порядочном обществе, сама природа наделяет инстинктом и побудительной силой, которые постоянно наставляют их на добрые дела и отвлекают от порока, и сила эта зовется у них честью. Но когда тех же самых людей давят и гнетут подлое насилие и принуждение, они обращают благородный свой пыл, с которым они добровольно устремлялись к добродетели, на то, чтобы сбросить с себя и свергнуть ярмо рабства, ибо нас искони влечет к запретному и мы жаждем того, в чем нам отказано».

Благодаря свободе у телемитов возникло похвальное стремление делать всем то, чего, по-видимому, хотелось кому-нибудь одному.

«...Все это были люди весьма сведущие, среди них не оказалось ни одного мужчины и ни одной женщины, которые не умели бы читать, писать, играть на музыкальных инструментах, говорить на пяти или шести языках и на каждом из них сочинять и стихи, и прозу».

В этом фрагменте меня особенно поразило то, что каждый оказывался учителем и самого себя, и других. Подумалось: не в этом ли направлении нужно искать ключ к преобразованию уроков?

Мы в ответе за каждого нашего ученика. Я глубоко убеждена: надо уметь находить хорошее в любом из них, даже самом «безнадежном»; и, опираясь на это в наших воспитательных усилиях, чутко и мудро поддерживать детей в поиске самих себя, помогая определить верные жизненные ориентиры.

Познать себя — значит постичь коренные законы бытия: труд, честь, совесть, достоинство, значит увидеть и понять других людей — прошлого и настоящего, значит почувствовать ответственность за то, как ты живешь. Идя на урок истории, я с волнением жду встречи с будущим. Моим сегодняшним ученикам продолжать труд жизни. Как будут они готовы к нему, зависит от меня, их учителя.

В издательстве «Педагогика» выходит книга Т. И. Гончаровой «Уроки истории — уроки жизни».

УЧЕНИКИ

Надежда ХАЧАТУРОВА

Попытка юлега

Фото Сергея БОРИСОВА

На вопрос, где я могу найти в Таллине Иво Линна, мне ответили коротко: «В Линнахалле». Эта игра слов стала уже привычной — «Линна» в переводе с эстонского означает «город», а «Линнахалле» («Городской зал») называют новый таллинский Дворец культуры и спорта, стоящий на берегу залива. В нем проходят концерты, осуществляются записи, и, разумеется, в то время, когда полным ходом идет подготовка телевизионных новогодних программ и радиопередач, Иво Линна скорее всего можно застать в «Линнахалле». Ведь без участия одного из самых любимых в Эстонии певцов эти программы представить трудно, его популярность — это закономерность, а не веяние моды.

Начинал Иво Линна в конце 60-х. Еще не окончив средней школы, он с успехом играл на гитаре в одном из ансамблей. Как певец впервые выступил, уже участвуя в Тартуском университете на филологическом факультете. «Это, как часто бывает, было случайностью — вдруг некому оказалось петь, и пришлось мне...». Попытка оказалась удачной, вскоре певца пригласили на телевидение — в 1968 году там состоялась его первая запись. После службы в армии Иво еще

целый год совмещал выступления в концертах с работой на радио, где был редактором развлекательных программ. «Но потом одна работа стала мешать другой, и в конце 1972 года я решил, что рисковать можно и нужно. И вот рисую до сих пор...»

Пять лет он работал в известном «Апельсине», но без преувеличения можно сказать, что творческую судьбу Линна определила его встреча с ансамблем «Рок-Отель». Это сотрудничество началось с совместного выступления на телевидении и переросло в полноценное творческое содружество. «Я не представляю, что может быть лучший ансамбль. Мы поем песни типа старинного рок-н-ролла. Это и есть, так сказать, мое лицо...» Именно как исполнитель рока привлекает Иво Линна большую часть своей аудитории, и, естественно, прежде всего молодежь. Высокий музыкальный уровень певца и ансамбля, вкус, «контактная» манера исполнения — Иво общается с залом на редкость легко — побуждают слушателей открываться ему навстречу.

Но феномен Иво Линна в другом. Имея такой успех в определенном жанре, можно было бы рамками этого жанра и ограничиться. Репертуар же певца поражает не «количественными» масштабами,

а разнообразием, и важно, что в нем нет случайных (а значит, «проходных») произведений. Концерты Линна всегда художественное явление.

Иво неподражаемо, с очаровательной простотой и непосредственностью поет детские песни. В его программах много песен современных эстонских композиторов, которые для него охотно пишут. Конечно, немаловажную роль играет здесь и то обстоятельство, что в традиционных эстонских песенных конкурсах песни в исполнении Иво Линна, как правило, получают первые премии. «Я с удовольствием пою новые песни. Но, хотя наш народ очень любит петь, новых песен он поет мало. Чаще, когда люди собираются в праздники, поют песни старые...» И сам Иво — певец яркой современной манеры — тоже поет в концертах эти эстонские песни военных и послевоенных лет. Песни с красивой и сложной мелодией, песни, которые традиционно исполнялись оперными певцами, получают у него оригинальное прочтение и новое звучание. В большом концерте, посвященном 40-летию Победы, певец выступил в сложном произведении Э. Тамберга «Баллада о солдате», написанном для солиста, хора и симфонического оркестра. «Балладу» исполнял смешанный хор Эстонского

радио, оркестром дирижировал главный дирижер оперного театра Э. Клас. Их синтез с «эстрадной» трактовкой Иво Линна произвел сильнейшее впечатление. Кстати, в этом произведении Иво доказал свою высокую музыкальность — ритмически оно чрезвычайно сложное.

Ансамбль, эстрадный и симфонический оркестры. Но он может выступать и без них, просто в сопровождении гитары. И это еще одна грань его творческого облика. В сопровождении гитары и аккордеона он пел во время недавней поездки в Швецию, где имел большой успех. Конечно, такая разносторонность — одна из главных причин этой «всебющей популярности», но все-таки была права, думая, что встреча с певцом прояснит это лучше, чем факты биографии. При непосредственном общении убеждаешься в его удивительном обаянии. Есть в нем нечто трудно выражимое словами, какая-то всепроникнутость музыкой, ритмом. Кажется, что просто так завершить разговор с Линна или о Линна невозможно. Так и подыгрывает сказать, обращаясь к окружающим: «А теперь в исполнении Иво Линна послушайте...» И услышать любую песню его репертуара — она обязательно доставит неподдельную радость.

Смотрю в московском цирке «Шапито» программу «Мир, молодежь, карнавал». Номер сменяется номером. Кувыркаются медведи, и не просто, а на буме, вообще бог знает что творят, а дрессировщики Ирины и Ивана Яровых просто нет в манеже — невероятно... Антиподистка Тамара Пузанова творит нечто сказочное при помощи шеста и мяча... До упада потешают клоуны — сдобный хохотун Диаманди и длинный, как макаронина, недотепа Ермаченков... Но где же, не понимаю, следы властной руки режиссера?

Молодой человек с рыжеватой бородкой, которой безуспешно маскируется юность, спросил меня после представления, понравилось ли оно, и в частности второе отделение.

Как явствует из бесед с ним — а также с Юрием Владимировичем Никулиным, — для постановщика хлеб в цирке тяжелый. Добро, если на все про все дается пять дней — знаменитый цирковой режиссер А. Арнольд утверждал, что пролог надо ставить столько же, сколько он идет. Свои номера артисты делают сами, ты получаешь окрошку из них — то, что называется дивертисментом. Надо не только скомпоновать его,

наст, отделившись от трапеции, должен лететь вниз, подсвеченный багрянцем, словно сбитый летчик, падать в сетку. Потом она ставилась на ребро, как бы разделяя решеткой, разлучая девушку и любимого ею солдата, узников концлагеря и их матерей...

В той же программе была такая реприза — клоуны наряжены неандертальцами, один находит цветок, другой отнимает, вооружась дубиной. Тогда первый

комиссию столичного вуза, известного многотысячными конкурсами. Так некогда покоряли отечественную словесность его земляки — Багрицкий, Катаев, Олеша, Ильф и Петров, Бабель. Петр Дубинский против того, чтобы от них числить свою творческую родословную. И вообще, утверждает, современная Одесса вовсе не похожа на литературную. Давно нет в живых почтенных мудрых старцев, которых посыпали во вновь приехавший цирк жители квартила, чтобы те, возвратясь, молвили: «Это-таки да, надо смотреть». Впрочем, именно там, на морском берегу, он показал, может быть, лучшую из своих программ — дабы один из тех мудрецов не сказал соседям: «А-а, нехай это в Жмеринке смотрят».

Нет, конечно же, перед нами истый одессит —

ВЕРЮ В ЦИРК

Фото
Владимира ЧЕЙШВИЛИ

Я честно ответил, что хорошо, да мало: не успел дух перевести, как все кончилось. Молодой человек остался очень доволен: около часа длилось второе отделение, и если оно для меня пролетело, как миг, значит, скомпоновано удачно. Это был Петр Дубинский, дипломант XII Всемирного фестиваля молодежи и студентов, за участие в творческой программе фестиваля награжденный медалью «За трудовое отличие».

Он поступил в ГИТИС — на отделение режиссеров цирка — в семнадцать лет, покинув ради него техникум нефтяной и газовой промышленности. В девятнадцать осуществил первую постановку. Сейчас ему двадцать шесть, за плечами около пятидесяти работ. В последний год он успевал — почти одновременно — готовить программы в Омске и Ашхабаде да еще летать в Челябинск, руководя там работой еще более молодого коллеги.

но придать осмысленность, общую идею, учтывая притом, что потомственные цирковые, «опилочные», как они себя называют (мол, родились в опилках манежа), играть театральные роли не только хотят, да и не умеют, и неумелость надо затенить, лучшие же стороны дарования выявить, подчеркнуть.

В одесском цирке Дубинскийставил программу, посвященную 40-летию Победы. В ней был воздушный полет. И режиссер придумал, что в финале гим-

берет топор. Второй — ружье, второй — пушку... И так далее, пока дело не доходит до атомной бомбы. Взрыв, и мы видим неандертальцев, мирно нюхающих цветок, но — в противогазах.

Точные и емкие метафоры.

Исчерпав вопросы, которые придумал, я предложил Дубинскому самого себя спросить о чем-нибудь неожиданном. «Не знаю, чем меня можно огорчить», — отозвался он. Одессит, он играющи покорил в свое время приемную

с его плавной ладностью движений, уверенностью в себе, оптимизмом, находчивостью, юмором и богатым воображением. С южным солнцем в крови. Никулин о режиссуре вообще и Дубинском в частности: «Режиссер не только составляет программу, занимается музыкой и светом. Он должен быть выдумщиком. Таких мало. Петя из таких. Я у него принимал экзамен, он приглянулся мне, я взял его на стажировку. Сначала он был на побегушках, потом к нам приехали болгарские артисты, и я поручил ему ставить новогоднее представление. Мне говорили: «Смотри, как бы он не навалял». Я сказал: «Не наваляет». И все хорошо получилось. Вообще Петя Дубинский — радостное явление в советском цирке».

Станислав ТОКАРЕВ

В тот вечер кинорежиссер народный артист Киргизской ССР Болот Шамшиев в новом здании Музея имени В. И. Ленина показывал свою последнюю картину «Снайперы».

На студии я все-таки успел задать ему несколько вопросов. Он вежливо отвечал, но постоянно возвращался к фильму, посвященному памяти Алии Молдогуловой — замечательной дочери казахского народа, Герою Советского Союза.

Вечером я сидел в полупустом зале. Было обидно за талантливого режиссера, а он рассказывал, как работал над фильмом, говорил спокойно, с достоинством, словно не замечая пустых кресел. Когда зажегся свет, Шамшиев в зале не оказалось: во время просмотра ему стало худо, и его на «Скорой» увезли в больницу. Накануне я видел объявление о просмотре, висевшее в холле ЦК ЛКСМ Киргизии. Почему же «Снайперы», суровая талантливая картина, которую сейчас необходимо пропагандировать молодежи, не вызвала интереса у комсомольских работников?

Отношение к киргизскому кинематографу всегда было особым. Двадцать лет назад возникло новое киргизское кино. Картина молодого тогда режиссера Толомуша Океева и сценариста Кадыра Омуркулова (это был его дипломный сценарий) «Небо нашего детства» стала известна далеко за пределами нашей страны. Свидетельство тому — многочисленные премии на международных кинофестивалях. Примерно в то же время в полной мере раскрылся талант Чингиза Айтматова. Его проза оказала сильнейшее влияние на развитие киргизского кино. Потом были фильмы, снятые Б. Шамшиевым, «Выстрел на перевале Караж» и «Белый пароход». И вот на протяжении уже двух десятилетий Б. Шамшиев, Т. Океев, М. Убукеев создают фильмы, доходящие до всесоюзного зрителя. Остальные режиссеры, в том числе и молодые, выпускают «плановую продукцию». В последние годы интерес к киргизскому кино резко упал. И не только в стране, но и в республике тоже...

Во Фрунзе я встретился со всеми «заинтересованными лицами» и с удивлением заметил, что были выражены две полярные точки зрения на молодой киргизский кинематограф. Я встречался в кабинетах студии, Госкино Киргизии, наконец, мы собирались в Доме кино, куда пришли и выпускники актерской мастерской народного артиста СССР А. В. Баталова.

Кадыр ОМУРКУЛОВ, член Союза писателей, Союза кинематографистов, лауреат премии Ленинского комсомола Киргизии, автор сценариев многих художественных и документальных картин, заведующий корпунктом АПН по Киргизии:

— Нашим так называемым молодым сейчас по 35—40 лет. Не многовато ли для того, чтобы с трибун разных съездов бить себя в грудь и говорить «мы — молодые»? Я не хочу сравнивать, не хочу брюзжать, но наше поколение начинало порезвее. Толомуш Океев, Болот Шамшиев, Мелис Убукеев, Гена Базаров... За каждого из них есть достойные, яркие работы. А наши молодые говорят: «Дайте мне сценарий, и я поставлю фильм!» Режиссер и сценарист начинаются со своей темы, со своей идеи, которая обижает, не дает спать спокойно...

Сайт БОКОМБАЕВ, главный редактор объединения хроникальных фильмов, 36 лет, недавно окончил киноведческий факультет ВГИКа:

— Я считаю, что проблема молодых — это проблема во многом надуманная. Во-первых, тот, кто начал, тот не начинающий. Это раз. Во-вторых, не должно быть этакого снисходительного отношения к дебютантам. Мол, они еще молодые, что с них взять? Но если ты снял первую картину, то и неси за нее полную ответственность, а не ищи «объективные» причины, почему она у тебя не получилась. Мы сейчас научились оправдываться и умеем находить тысячи причин, почему план не выполнили, творческая неудача...

Чолпон АМАНАЛИЕВА, главный редактор киностудии «Киргизфильм», кандидат философских наук, работает на студии второй год:

— Я считаю, что проблема молодых — в самих молодых! Судите сами. Их у нас около десяти человек, если иметь в виду тех, кто поставил одну-две картины или на поддаче к ней. Вы знаете, у меня иногда создается впечатление, что для иных молодых магические слова «Мотор!», «Камера!» заслоняют главное в этой сложнейшей профессии, какой является кинорежиссура. Наши молодые на всех перекрестках говорят, что, мол, они без работы, им не дают снимать, что их зажимают мастьи. Но что-то я не вижу от них интересных предложений. А говорить: «дайте мне сценарий, и я его сниму», — это не позиция, это иждивенчество. Если у тебя есть идея, за нее надо бороться, добиваться ее. Студия сейчас нахо-

дится в очень тяжелом положении. Ведь спрос с «Киргизфильма» всегда был очень высок, особенно за последние двадцать лет. Но что-то я не вижу среди наших молодых способных замахнуться на высокие, дерзкие задачи... Это счастье, что на студии есть Б. Шамшиев, Т. Океев, М. Убукеев, на которых можно положиться... — Она задумалась и неожиданно добавила: — ...хотя если посмотреть, в каких условиях они работают! Вы не поверите, иногда на съемки ездят на велосипеде — в таком состоянии наш студийный транспорт. Среднее звено — ассистенты, администрация в съемочной группе, помощники режиссера — в основном малопрофессиональные люди. Павильонов своих у нас нет. Режиссеры зачастую на площадке работают и за осветителей, и за рабочих, тут уж не до творчества. Сегодня одного энтузиазма мало для того, чтобы решать серьезные задачи. А наша студия, без преувеличения можно сказать, оснащена технически хуже всех студий страны...

Мелис УБУКЕЕВ, кинорежиссер, заслуженный деятель искусств Киргизской ССР, его последний фильм «Провинциальный роман» недавно с успехом прошел по экранам страны:

— Наше поколение пришло в кинематограф в середине 60-х годов. У многих из нас было военное детство, многие знали, что такое голод. Детский опыт очень важен для самоощущения, для того, что ты делаешь в жизни. За эти двадцать лет люди стали жить гораздо лучше, но... разобщенное, что ли... Наша кинематографическая молодежь разобщена, несмотря на то, что существуют различные секции, семинары и тому подобные мероприятия. Каждый из них — сам по себе.

Болот ШАМШИЕВ, народный артист Киргизской ССР, режиссер-постановщик фильмов «Выстрел на перевале Караж», «Белый пароход», «Волчья яма», «Снайперы»:

— Мы начинали после Двадцатого съезда нашей партии. Тот съезд был переломным в истории нашей страны. Сейчас, после XXVII съезда, начался процесс обновления во всех областях нашей жизни и, конечно, в области культуры — тоже. Нынешнее поколение молодых выросло в весьма специфических условиях. С одной стороны, материальный достаток, а с другой — отсутствие инициативы, примеры социальной несправедливости, которые у некоторой части молодежи породили мысль, что такие вечные понятия, как «добро», «справедливость», «правда», — понятия растяжимые. И все же я бы не стал обвинять молодых в отсутствии инициативы, творческого поиска. Мне кажется, что в течение многих лет у них отбивали вкус к самовыражению. Это не вина, это беда некоторой части молодых...

Каридин АКМАТАЛИЕВ, выпускник ВГИКа, ученик мастерской народного артиста СССР А. Б. Столлера, снял несколько художественных фильмов, последний — «13-й внук» — получил третью категорию:

— Мне кажется, многое зависит от уровня людей, которые администрируют в кинематографе. Лично я не видел от них никакой помощи. Все у нас складывается стихийно. В этом году, например, наша студия не выполнит план, это уже точно, потому что картина «Катастрофа отменяется» сдадут намного позже срока. А представьте себе директора завода, который выполнил бы план на 50 процентов? В кино же это спокойно проходит. Я не помню случая, чтобы кто-то из руководства сказал: «Есть интересная тема, социальный заказ». Студией руководят воинственные дилетанты. А кино — искусство коллективное. Руководство наше подходит к решению проблем по-старому...

Гульнара АЛИМБАЕВА, в 1982 году окончила актерскую мастерскую А. В. Баталова во ВГИКе, снималась в картине «Потомок белого барса», сейчас работает на студии администратором в цехе подготовки съемок:

— Вот вы говорите — застой в нашем кино... А я не согласна. Может, просто сегодня нет таких ярких людей, как раньше?

Джали СОДАНБЕК, кинорежиссер, окончил ВГИК 7 лет назад:

— Двадцать лет назад не было национальных кадров в кино. И Океев и Шамшиев пришли на студию со своей темой. А когда мы после ВГИКа пришли на студию, нам стали диктовать условия, в том числе и темы. Мы пришли, студия выпускала две картины в год, и их было кому делать. Зачем в таком случае рисковать руководству? Мой фильм «Процесс» — не от хорошей жизни, поверьте, этот сценарий долго лежал, его никто не хотел брать, может, и мне не надо было, но сколько можно ходить без работы и без средств к существованию. То, что мы предлагаем, наш главный редактор отмечает с порога, а то, что лежит в портфеле редакции, снимать невозможно... У меня такое ощущение, что наш главный редактор ошиблась адресом. Она работает чуть больше года, может, и не успела освоиться, хотя с ее приходом атмосфера на студии изменилась к худшему. Сейчас недавний выпускник ВГИКа Аман Камчебеков запу-

К XX съезду ВЛКСМ.

Вячеслав ХОТУЛЕВ

Кинематограф

Кто в от

стился со сценарием Р. Хуснутдиновой «Дилетант». Он пятнадцать лет пролежал на одной из республиканских студий, и никто им не заинтересовался, Аману предложили его снимать, и он согласился, а что может получиться...

Аман КАМЧИБЕКОВ, в 1984 году окончил во ВГИКе режиссерскую мастерскую народного артиста РСФСР И. В. Таланкина и снял прелестный дипломный фильм «Лестница в доме с лифтом», исполненный мягкого народного юмора, отмеченный точными наблюдениями и емкими характерами.

Гульнара АЛИМБАЕВА:

— И вы еще чем-то недовольны! Вам предлагают работу, полнометражный фильм!.. Мне интересно, кого будет снимать Аман. Ну уж наверняка никого из нашего актерского курса не возьмет. Вы знаете (обращаясь ко мне), сейчас у наших режиссеров такая мода — брать «актеров» прямо с улицы. А мы, нас на курсе было тридцать человек, ну никому, абсолютно никому не нужны! В 1976 году у нас был всесоюзный кинофестиваль, и там решили, что нужна национальная мастерская во ВГИКе. Курс набирал Алексей Владимирович Баталов, а помогали ему Шамшиев и наш замечательный актер Сомейкул Чокморов. Какие это были годы! Какая удивительная, неповторимая атмосфера! Во ВГИКе нас снимали японцы, из ФРГ приезжали, все удивлялись, что среди киргизов есть киноактеры. Вот... Когда набирали мастерскую, нам обещали золотые горы. А пока мы учились во ВГИКе, о нас просто забыли. Правда, после окончания института нас всех прикрепили к картине Шамшиева «Волчья яма». А потом все остались не у дел. В штат студии не берут, в театры — тоже. У нас нет — представляет? — своего театра юно-

го зрителя. Зато недавно открыли роскошный салон красоты, построили ресторан «Нарын» на тысячу посадочных мест, залитый мрамором. А киностудия — за нее просто стыдно!

Я вспомнил анекдот, которым потчуют всех, кто впервые приезжает на «Киргизфильм»: «Есть две великие загадки двадцатого века — что такое тунгусский метеорит и как умудряются снимать фильмы на киностудии «Киргизфильм». Еще я вспомнил огромную каменную «юрту», в которой расположился ресторан гостиницы, погибший парк имени Панфилова...

...После наших настойчивых и бесполезных ходений по начальству заместитель директора студии по производству однажды сказал: наверное, мы ошиблись, что послали вас учиться во ВГИК. А ведь на нас потратили колоссальные деньги, пока мы учились во ВГИКе!

Усен ДАИРБЕКОВ, окончил ВГИК в 1974 году, режиссер научно-популярного кино:

«Потомке белого барса». Когда съемки закончились, я узнала, что меня уволили со студии, а я беременная, мне скоро рожать... Потом меня взяли администрации, смилистились. До этого я долго была без работы, меня уговорили пойти в гримерный цех, я там научилась изготавливать усы, потом меня снова уволили. Сейчас у меня оклад 100 рублей, а был 110. Я сейчас инвентаризирую костюмерный цех...

Марат ДЖАНТЕЛИЕВ, выпускник той же актерской мастерской:

— А я уже четыре месяца как работаю ассистентом по реквизиту, а до этого четыре года был без работы. Правда, сыграл роль в «Потомке белого барса» у Толомуша Океева. На этом все кончилось. Я до сих пор не понимаю, чья тут вина, и ведь никто в этой ситуации ни за что не отвечает!

Алтынай РЫСМЕНДИЕВА (окончила мастерскую А. В. Баталова):

— Да, все правильно, мастерская была набрана по инициативе республики. Когда в 1981 году проходил республиканский съезд кинематографистов, приезжал сюда наш мастер, Баталова тогда заверили, что мы без работы не останемся...

АКМАТАЛИЕВ: — Мы сейчас хотим организовать на общественных началах экспериментальный театр, ищем вот помещение.

ДЖАНТЕЛИЕВ: — Мы скучились по сцене! У нас дипломный спектакль был — «Под стук трамвайных колес» по фильму Акыры Курасавы. Нам не нужны золотые горы, нам нужна просто нормальная работа по профессии.

АКМАТАЛИЕВ: — Есть много музыкантов, поэтов, драматургов, талантливых ребят, которые хотят объединиться, работать. Я думаю, что это возможно, как только мы найдем крышу над головой.

ДЖАНТЕЛИЕВ: — Недавно мы смотрели передачу из Ташкента, где есть молодежная студия. Они говорили, как им плохо, сколько у них трудностей, а мы слушали и завидовали...

Сначала мне показалось, будто ребята специально сгущают краски, чтобы взбудоражить общественное мнение, но когда я спрашивал у «заинтересованных лиц» о бывшей мастерской А. В. Баталова, все подтвердили, что положение незавидное, и... дружно обвиняли молодых актеров, что, мол, они сами во всем виноваты, но вот в чем вина — я так и не понял.

Замир ЕРАЛИЕВ, ему 34 года, он окончил режиссерский факультет ВГИКа в мастерской С. А. Герасимова и Т. Ф. Макаровой. В объединении «Дебют» на «Мосфильме» семь лет назад снял картину «Ливень», дебют был признан несостоявшимся. Буквально накануне нашей встречи в Доме кино был его творческий отчет, где Замир показал, кроме диплома, свои документальные картины, исполненные ясного режиссерского мышления, любви к своим реальным героям:

— Я вот о чём подумал: допустим, что нас нет. Вообще нет! Что-нибудь изменится? Ничего не изменится. Студия будет без нас спокойно работать и выпускать плановые единицы. Да, сегодня мы не очень нужны нашей студии и нашему кинематографу, но во многом виноваты и мы сами. Мы появились после ВГИКа в 70-х годах, и оказалось, что мы социально недостаточно активны.

Как-то Сергей Аполлинаревич Герасимов на мои жалобы ответил: кончилась учеба, началась жизнь. Жизнь полна противоречий, а в нашей республике — особенно.

Мы не принесли новых тем, новых идей, мы пришли и поплыли по течению, хотя должен сказать, что и руководство студии тоже плывет по течению. Беда в том, что у нашего киноруководства нет своей твердой программы — как будет развиваться дальше киргизский кинематограф. Мне по наивности казалось, что это одна из главных задач студии и Госкино. И все же я и себя считаю виноватым. Мы хотели снимать кино вообще. И кино нас наказало. Ведь в нашей молодежной среде не появился ни один лидер. И все же виноваты не только мы, но и социальная обстановка,

АЛИМБАЕВА: — Меня пригласили сниматься в

которая сложилась в последние годы в республике. Любая попытка обратиться к острым проблемам, нестандартным темам не находила поддержки...

Герасимов учил нас: без хорошей драматургии в кино делать нечего. Я имел нахальство взяться за драматургию Айтматова. Несмотря на мой неудачный дебют, студия все-таки решила доверить мне большую работу. Я помню, как на одном из семинаров прекрасный режиссер Вадим Абдрашитов говорил, что первый фильм надо рассчитывать, как запуск ракеты, ибо малейшая ошибка может привести к катастрофе. Мне казалось, что я рассчитал все, и все же я ошибся в главном — с актерами. Я пошел на компромисс и был жестоко наказан, а надо было в сложившейся обстановке отказаться от картины. Очевидно, в тот момент у меня не хватило на то мужества. Это моя вина. Но есть и вина студии. Она просто закрыла картину, причем это произошло молниеносно, и не дала мне ни одного шанса... После того, как я несколько пришел в себя, принес на студию сценарий. Это был мой человеческий, если хотите, гражданский долг. Я хотел рассказать о своем брате, погибшем в Афганистане, где он выполнял интернациональный долг. Мне сказали, что надо согласовать в Госкино СССР. И согласовывают. Уже скоро год. А идея эта до сих пор меня жжет, и я не собираюсь от нее отступаться...

Молодые режиссеры перестали ходить в Госкино, на различные совещания. Там все разговоры проходят по одному сценарию: молодые не умеют, они неталантливы, они только требуют... А между тем многие из нас окончили ВГИК, учились у выдающихся мастеров советского кино. И вот я подумал: скажем, всем, кто нуждается, дадут квартиры. Студия станет снимать пять единиц в год (фантастика!), и здесь я в растерянности. Сможем ли мы себя проявить? Готовы ли мы нравственно? Мы за последнее время столько потеряли, не являются ли эти потери необратимыми?

На этих непростых вопросах закончился наш разговор. Но одно ясно. Надо честно сказать, хотя некоторым «заинтересованным лицам» это покажется чересчур резким: положение в молодом киргизском кино кризисное. На прошедших республиканском и всесоюзном съездах кинематографистов прозвучала мысль: у искусства (а значит, и у кино) нет возраста, нельзя делить кинематограф на возрастные категории. Очевидно, это так. Спрос со всех должен быть одинаково жестким. Бытует старая поговорка — молодость имеет один серьезный недостаток: возраст, но он с возрастом проходит. Наступит, увы, время, и наши молодые вступят в так называемый средний возраст. Какой кинематограф будет стоять у них за плечами? Что он скажет своим зрителям? Смогут ли они освободиться от инфантилизма мыслей, изъезженных сюжетных дорог, сиюминутных проблем, смогут ли они создавать то, что называется высоким словом ИСКУССТВО?

Там, где люди не задают себе вопросов, где иным кажется, что все ясно и видно, как на хорошо оборудованной автотрассе, — там ничего не возникает, кроме унылого подражательства и вторичности. И не может возникнуть. Режиссер Замир Ералиев, актриса Гульнара Алимбаева, документалист Усен Даирбеков, их товарищи озабочены не только своей судьбой, но и судьбой киргизского кинематографа, и в этом я увидел залог поисков, мучительных, долгих, очевидно, небезошибочных, из создавшегося положения. Окончательный диагноз может поставить только живое дело. Но, чтобы оно состоялось, нужно чуть больше доверия и чуть больше внимания к проблемам и нуждам молодых кинематографистов. Кончилось время пустопорожних разговоров и словесных переговоров. В кино уже давно пора перейти к спокойной деловитости.

Главный вопрос, как мне кажется, — во взаимной ответственности и взаимной честности. А для этого необходимо ускорение психологической перестройки.

Когда материал уже был написан, из Фрунзе пришли вести. На студии состоялось открытое партийное собрание. Были оглашены результаты деятельности комиссии ЦК КП Киргизии по проверке состояния дел на студии. Никто не отсиживался и не отмалчивался. Такого разговора, как свидетельствуют ветераны студии, на «Киргизфильме» еще не было...

По итогам работы комиссии весьма оперативно были принятые оргмеры. Освобождены от работы директор студии Караболов, главный редактор Аманалиева, главный инженер студии.

В начале сентября на съемках своей картины погиб Аман Камчыбеков. Дальнейшую работу над фильмом студия поручила Джали Соданбеку...

И последнее. Во Фрунзе похоронена замечательный режиссер, дочь киргизского народа Динара Асанова. Все свои картины она снимала на киностудии «Ленфильм», на родной студии ей так и не нашлось места.

Проблемы воспитания творческой молодежи

МОЛОДЫХ:

беть?

— Взять, например, наши социально-бытовые условия и сравнить их, положим, с теми, в которых живут молодые ребята в Казахстане. Там для них построили дом и во многом решили бытовые проблемы. Вы спрашиваете о примерах? Пожалуйста. Насыр Зарипов, экономист, у него пятеро детей, и Мурат Алиев, оператор с двумя детьми, — все они живут в одной двухкомнатной квартире. И таких случаев у нас полно. Ответ же один: «Нам ничего не строят, нам ничего не дают, так что терпите».

КАРАГУЛОВ, режиссер фильма «Лунная ведьма»:

— На девяти квадратных метрах мы живем впритык...

ДАИРБЕКОВ (продолжает):

— Зимой уголь не достать, уголь у нас как валюта. Можете себе представить, как жить с маленькими детьми, ведь зимы у нас бывают холодные. На студии нет даже раздевалки. Сейчас на «Киргизфильме» штат составляет около пятисот человек. На каждого творческого работника приходится человек по тридцать технического персонала. Со стороны покажется, что мы работаем в суперусловиях. Во время съемок мы не можем подняться на горный перевал, такое жуткое состояние транспорта. Вы были в нашем монтажном цехе? Вот уже сколько лет он в аварийном состоянии. Как-то на Океева часть потолка упала, чудом жив остался. А оборудование цеха? Сейчас любительские студии оснащены лучше, чем наш цех. Но зато у нас есть главный инженер, его заместитель, есть начальники цехов... Лет пятнадцать назад на студии работали две ста пятьдесят человек. Я убежден, если сократить человек триста, никто и не заметит, а на работе это отразится в лучшую сторону.

АЛИМБАЕВА: — Меня пригласили сниматься в

“ДИНАМО”/Киев

«Смена» получила много писем от футбольных болельщиков с просьбой рассказать об обладателе Кубка кубков. По традиции мы представили возможность самим читателям задать вопросы руководству команды и игрокам «Динамо» (Киев).

Футболный
клуб
Выпуск №16
Надежда

Фото Юрия СОКОЛОВА

Спидом на

«Киевское «Динамо» на протяжении многих лет регулярно поставляет отличных игроков в различные сборные команды страны. Естественно, частые отлучки «спортников» по логике вещей не прибавляют клубу сынкранности. И тем не менее слаженность действий киевского ансамбля не нарушается. За счет чего? Хорошо, если бы на этот вопрос ответил кто-либо из тренеров команды.

Игорь БУЛЫГА,
«Вентспилс».

А. ПУЗАЧ. Мы в своей тренерской работе всегда ставили цель — подготовить высококлассных футболистов, способных достойно защищать честь страны на международной арене. Мастера. А если только они действительно мастера, то разговаривают между собой на одном языке — футбольном, и временным разобщением не должно выражаться на прочности игроков связей. Сборная мира никогда дважды не играла в одном составе, выступает всегда «с листа», но одно удовольствие наблюдать, как уже в ходе встречи мастера нацелывают свою игру — классный футболист всегда поймет замысел партнера.

Накануне наивысшего сезона, правда, прописалась сттолкнуться с некоторыми трудностями, обусловленными прежде всего нехваткой времени. Судите сами, за сутки (!) до стартового матча на первенство страны наша команда, наконец, впервые за весь под руководством, собралась вместе, причем слетались ребята в Тбилиси буквально из разных частей света. Но уже на второй день мы сподобили, напряженных тренировочных поездок, одноклубникам, а на шестой, не засекая домой, уверенно обыграли в гостях венский «Рапид».

Конечно, усталость, эмоциональные спады неизбежны после длительных поездок, напряженных тренировочных циклов, ответственных матчей в составе сборной, но марку динамовского клуба мы будем стараться держать всегда, и в этом плане очень жаль, что на плане не соединяет с собой близайший результативен. Может быть, мой вопрос прозвучит несколько некорректно, но все же хотелось бы узнать у нашего футбольного лидера — быка в его жанрике минуты, когда вдруг пропадали желания выходить на поле?

«Александр Заваров долго ходил в перспективы», «подбрасывал наезды». Сменял несколько клубов. В Киевском «Динамо» нашел себя, по

существу, лишь на третьем сезоне. Как это объясняет сам футболист?

Гурам ПЕРИАШВILI,
«Самтредия».

А. ЗАВАРОВ. Почему клубы меняют? Сейчас, оглядываясь назад, думаю, что зря, конечно, с Украины уехал, ведь коренной воротиловидец. Но наша «Заря» тогда покинула высшую лигу, целая группа игроков оказалась в Ростове-на-Дону, ну и я с ними, подавшись общим настроением. Но в арmenском коллективе, по существу, так себя и не нашел.

Киевское «Динамо» — это, видимо, «моя» команда, такую вот «свою» команду должен обрасти в идеале каждый футболист. Но это не значит, что всем повезет с ней встретиться.

Пока себя искал, случалось, оступался, опирался, но уверенности в себе никогда не терял. В Киеве на первых порах немного стучался. Оно и немудрено — партнеры-то во- круг какие! Боялся, поначалу на себя игру братъ, хотя прежде выслушивал немало упреков в чрезмерном индивидуализме. Да и к нагрузкам надо было привыкнуть: они здесь не чета армянским. В общем, два года к команде притирались, а в «свою» игру никак попасть не мог, от силы 6—7 неспешных мячей за год набегало.

В прошлом сезоне состав у нас значительно обновился, помолодел, да и сам я по-иному стал действовать — атаковать из глубины, идти на мяч из самой, казалось бы, неожиданной для соперников позиции. Мы притерлись друг к другу, и игра пошла. Так мы почти всей командой и до сбранной страны добрали. На чемпионате мира выступали, всегда одни — быть, пока выступали, всегда одни — быть, когда бьют сзади? Высокое играли — ведь наш вид спорта единственный собирает такую аудиторию.

Рубеж в 200 матчей в чемпионатах мне, например, именно зрителями отредили. Мне писали письма, постоянно звонили домой — должен, мол, забыть нальти забивать перестал. Наверное, перед этим злополучными думами сорвались, и все тут. А у меня, как назло, надо не сорибираться, а, наоборот, чуть расслабляться. Тогда и одолел рулет. Чтобы еще раз на чемпионате мира выступить, тренировался как одержимый. Сборная у нас отличная подобралась — один из лучших Беларусь — жажда игры и позволяет мне день — Заваров чего стоит!

Играли в Мексике в радость. Но тот роковой матч с белорусами все перечеркнул... И заставил нас сделать

О. БЛОХИН. Игра, общение с мячом с детских лет дарили мне радость. Сколько себя помню, всегда выходил на матч «заведенный», чтобы бороться итры, не искать «праворога» до действием после ее окончания. Конечно, больший футбол — это далеко не одни сплошные праздники, за сезон было немало и горячений. По-разному складывающиеся матчи и турины порождали порой и негативные настроения, но все это быстро проходило. Наверное, такое свойство моего характера.

По-настоящему хотел все бросить после испанского чемпионата мира. Есть два наиболее подходящих, что ли, момента для ухода из спорта — в расцвете славы или в спорте глубокого спада, не столько игроком, сколько психологическом. Тогда, четыре года назад, о моей игре в Испании слышали, опидалась, но уверенности в себе никогда не терял. В Киеве на первых порах немного стучался. Оно и немудрено — партнеры-то во- круг какие! Боялся, поначалу на себя игру братъ, хотя прежде выслушивал немало упреков в чрезмерном индивидуализме. Да и к нагрузкам надо было привыкнуть: они здесь не чета армянским. В общем, два года к команде притирались, а в «свою» игру никак попасть не мог, от силы 6—7 неспешных мячей за год набегало.

В прошлом сезоне состав у нас значительно обновился, помолодел, да и сам я по-иному стал действовать — атаковать из глубины, идти на мяч из самой, казалось бы, неожиданной для соперников позиции. Мы притерлись друг к другу, и игра пошла. Так мы почти всей командой и до сбранной страны добрали. На чемпионате мира выступали, всегда одни — быть, пока выступали, всегда одни — быть, когда бьют сзади? Высокое играли — ведь наш вид спорта единственный собирает такую аудиторию.

Ну, а после повреждения, которое дико сюх поры меня не оставляет, начинается борьба за скорейшее возвращение. Уже привык, что профессор Виталий Николаевич Левенец — у него чуть не все динамомовцы разного возраста в пациентах побывали — некоторое время спустя после очредной операции скомандует: «Давай, Володя, начинай потихоньку». И раскурчиваю педали велосилометра, бегаю кроссы в парке диспансера. Тут уж подгонять меня не нужно, я ведь даже в Межсезонье, на отделье двух дней без мяча прожить не могу. Видимо, эта неутоленная по сей день жажда игры и позволяет мне вский раз возвращаться в строй.

А всплыл, на плече выпал, снова

не смей спрятать, ноги поберечь. Грош тебе тогда цена как спортумену. «Из всех наших футбольистов больше других мне запомнил Анатолий Демьяненко. И мастерством, и внешностью, и мастерской поведенкой на поле. Интересно было бы узнать: он сам прислушивалась к женщине-белельщице, о футболе?

Зинаида КОРНИЕНКО,
«Борисполь».

«Мне, например, неоднократно доводилось беседовать с белельщицами, именоюми своей, довольно просвещенными вигилью на игру. Им чужды крайности в суждениях: этот, мол, забыл, значит, он хороший игрок, а тот промахнулся — стало быть, плохой. Правда, порой они по каким-то своим женским критериям выбирают себе кумиров и с женским же упорством следят на поле только за ними.

Я вообще сторонник того, чтобы на трибунах было больше женщин, тогда мы, мужчины, наверняка будем стремиться демонстрировать более изящную игру. Да и эмоции своих женщины выражают корректнее, чем мужчины. Белельщица не придет в голову бросить в тебя с трибуны снежком во время старовых весенних матчей или выкрикнуть нечто такое, после чего и играть-то уже не хочется. Ничего, что в их настроениях порой прокальзывают субъективизм, зато болеют они, по моему убеждению, за игру.

Любой белельщик всегда хочет знать самые свежие новости. Желательно из первых рук. И женская любознательность здесь опять же преисходит мужскую: женщины интересуются не только чисто футбольные темы. Пользуясь случаем, хочу через журнальный вопрос из тех, что задают нам отважить, пожалуй, на самый популярный вопрос из тех, что задают нам в письмах, по телефону и даже в телеграммах. А именно: «Как вы проводите свое свободное время?».

Так вот, немалую часть этого самого времени я личино отмечаю на письмах, сочувствую и поздравления. И если отвечать успевай не всем, то не думайте, пожалуйста, дорогие белельщицы, что Демьяненко знался. Просто свободного времени у нас действительно очень и очень мало.

Интервью вели
Сергей ИСТОМИН.

путь, непринятые, но необходимые выводы. Жаль только, что это был мой последний чемпионат мира.

Наверное, пора уходить. Пусть не завтра, но это неизбежно. Попробую поработать с детьми. Опыта у меня немало, и передать его другим — мой долг. Да и взрослому футболу, считаю, могу быть еще полезен. Не секрет, что все тренеры внимательно прислушиваются к мнению действующих игроков, так, может, хотя бы некоторые из них внимательнее отнесутся к советам коллеги по профессии?

«На долго» киевлянки Владимира Бессонова выпало за его спортивную карьеру столько правд, что из легкой хватки бы на четверо команду. Что помогло ему всплыть раз возвращаться в страну, практикуют и гоняют своих физических и игровых кондиций?

Игорь СОКОЛОВ,
«Минск».

«На долго» киевлянки Владимира Бессонова выпало для центрового диссертации. Причем ни в юношеском футболе ни в молодежном ни разу из страны не выходит, и дил, играя себе в удовольствие. Во взрослом же в полной мере познал смысл пословицы: «Пришла белая — отвягь ворота». Пеле как-то сказал, что футболист должен быть постоянно собраным, играть всегда с высоким поднятой головой, тогда возможность трансформировать практически миражальная. Я всю жизнь старалась, пока выступала, эти условия, но как-нибудь убеждена, что уходить не могу.

В своих физических возможностях я, честно говоря, никогда не сомневалась, даже сейчас считаю, что потенциалы, многие недавние доброжелатели отвернулись. Самое время было сойти в спада, не столько игроком, сколько наверное, и сделал, но жена отговорила. Поняла, видимо, что без футбола я не могу.

В своих физических возможностях я, честно говоря, никогда не сомневалась, даже сейчас считаю, что потенциалы, многие недавние доброжелатели отвернулись. Самое время было сойти в спада, не столько игроком, сколько наверное, и сделал, но жена отговорила. Поняла, видимо, что без футбола я не могу.

Следующий

«Киевское «Динамо» на протяжении многих лет регулярно поставляет отличных игроков в различные сборные команды страны. Естественно, частые отлучки «спортников» по логике вещей не прибавляют клубу сынкранности. И тем не менее слаженность действий киевского ансамбля не нарушается. За счет чего? Хорошо, если бы на этот вопрос ответил кто-либо из тренеров команды.

Игорь БУЛЫГА,
«Вентспилс».

А. ПУЗАЧ. Мы в своей тренерской работе всегда ставили цель — подготовить высококлассных футболистов, способных достойно защищать честь страны на международной арене. Мастера. А если только они действительно мастера, то разговаривают между собой на одном языке — футбольном, и временным разобщением не должно выражаться на прочности игроков связей. Сборная мира никогда дважды не играла в одном составе, выступает всегда «с листа», но одно удовольствие наблюдать, как уже в ходе встречи мастера нацелывают свою игру — классный футболист всегда поймет замысел партнера.

Накануне наивысшего сезона, правда, прописалась сттолкнуться с некоторыми трудностями, обусловленными прежде всего нехваткой времени. Судите сами, за сутки (!) до стартового матча на первенство страны наша команда, наконец, впервые за весь под руководством, собралась вместе, причем слетались ребята в Тбилиси буквально из разных частей света. Но уже на второй день мы сподобили, напряженных тренировочных поездок, напряженных «рапидов».

Конечно, усталость, эмоциональные спады неизбежны после длительных поездок, напряженных тренировочных циклов, ответственных матчей в составе сборной, но марку динамовского клуба мы будем стараться держать всегда, и в этом плане очень жаль, что на плане не соединяет с собой близайший результативен. Может быть, мой вопрос прозвучит несколько некорректно, но все же хотелось бы узнать у нашего футбольного лидера — быка в его жанрике минуты, когда вдруг пропадали желания выходить на поле?

«Полтора десятка лет ведет свою команду вперед Олег Блохин. Несмотря на возраст, он по-прежнему энергичен, уверен в себе, результативен. Может быть, мой вопрос прозвучит несколько некорректно, но все же хотелось бы узнать у нашего футбольного лидера — быка в его жанрике минуты, когда вдруг пропадали желания выходить на поле?

«Александр Заваров долго ходил в перспективы», «подбрасывал наезды». Сменял несколько клубов. В Киевском «Динамо» нашел себя, по

Ч

уть позывавая, еще толком не проснувшись, Леня Репнин вышел в зал из боковой комнатки, где ему удалось прикорнуть часок на жестком диване. «Кажется, вахта с четырех утра на флоте называется собачьей. И правиль но...» — думал он, подтягивая галстук к расстегнутому вороту рубашки, чтобы приобрести официальный вид, подобающий таможенному инспектору.

По пути к своей стойке он глянул на барьер, туда, где у круглых столиков толпились улетающие, заполненные таможенные декларации. Его взгляд выделил группу парней в одинаковых синих куртках и серых брюках. «Спортсмены», — решил он. — Багажа много, но сумки не слишком большие... Сразу определить вид спорта не удалось. «Ничего, скоро на оформление», — лениво подумал Леня.

В это время группа спортсменов двинулась к калитке в барьер, отделяющем общий зал от зоны таможенного контроля. Они, казалось, были рады, что затянувшееся прощание с родными, наверняка начавшееся еще накануне вечером, теперь заканчивалось. Лишь один парень, обняв провожающую, не спеша шел к калитке. Леня с некоторым любопытством поглядывал в их сторону. Возле калитки они остановились, красавец атлет поставил на пол красно-синюю сумку, положил на нее длинный деревянный прямоугольный футляр, повернулся к девушке, крепко обнял ее и поцеловал в губы.

«Молодожены, что ли?» — подумал Репнин, смущенно отводя взгляд.

Наконец парень прошел калитку и стал выбирать, к какой стойке меньше очередь. Леня щелкнул тумблером, включая телеаппаратуру «просвещивания», и махнул рукой, приглашая к себе первого.

«Бутаков Виктор Васильевич», — прочел Репнин в первой строке таможенной декларации.

— Ставьте сумку сюда, — указал он Бутакову на площадку, открывшуюся под отодвинутой крышкой.

Взгляд таможенника скользил по строчкам декларации, и Леонид не сразу понял, что мешает ему оторваться от листка бумаги и глянуть на экран телевизора, где уже появились силуэты внутренностей сумки. Наконец он понял: в графе «Оружие и боеприпасы» не оказалось привычного «Нет». Там было написано: «Винтовка БИ-7-2», «Патроны 1500 шт.».

— То есть как это винтовка? — спросил Репнин.

— Как обычно, мелкая, — ответил Бутаков, удивляясь, в свою очередь, вопросу ровесника, одетого в серый костюм таможенной формы.

Репнин нажал на кнопку, вызывая помеху.

Старший по смене подошел не торопясь, словно его и не вызывали, а он сам делал обход и вот дошел через до восьмой стойки. Леонид молча ткнул пальцем в смущившие его слова в декларации, а Бутаков, не обращая внимания на задержку, повернулся в сторону зала и махнул рукой девушке, стоявшей у барьера.

— Биатлонист? — спросил старший.

— Ага, — согласился Бутаков.

— Икры сколько везете? — поинтересовался старший, глядя на экран.

— Две баночки по сто граммов.

— По сто не бывает. Они по сто двенадцать. А патроны где?

— Там, у массажиста и доктора. В коробках.

— Чего же тогда себе пишете? А винтовка где?

Бутаков открыл футляр. Словно скрипка, обернутая в желтый бархатный кусок ткани, там лежала винтовка. Ложе у нее было из дерева, светившегося под слоем лака. Белыми буквами на нем выклена фамилия: «Бутаков», и рядом: «СССР».

— Хороша, — сказал Репнин, не в силах скрыть своего восхищения. — На чемпионат летите?

— На Кубок мира.

Леонид поставил свою закорючку — подпись и штамп Шереметьевской таможни.

— Счастливо вам, чтобы все в десятку, — пожелал он, доказав, что не разбирается в биатлоне, где главное — попасть в мишень и пробежать на лыжах быстрее всех.

— К черту, к черту, — пробурчал Бутаков, постучал костяшкой среднего пальца по столу инспектора, взял сумку, футляр и пошел к стойке оформления багажа, где уже на ленту транспортера, уходящего куда-то вниз, положили два длинных синих мешка с лыжами и палками. Дежурный по сборной раздавал посадочные талоны. Виктор еще раз обернулся в зал, махнул рукой и пошел к кабинам пограничников...

Колокольчик, прикрепленный к двери, звякнул, но никто из сидевших в зале пивной «Старый Тироль» не обратил на него внимания: он не мешал беседе, а отвлекаться на всякого входящего — только портить удовольствие от хорошего пива. В конце концов колокольчик — сигнал для кельнера: готов кружку.

— Вы не скажете, где сидит мистер Грегсон с друзьями? — спросил посетитель, и выражение лица кельнера мгновенно изменилось. Теперь он посмотрел на человека в синей куртке с откинутым капюшоном уважительно. Кельнер рукой показал, где находится лестница, ведущая на нависающий над частью зала балкончик, с которого можно пройти в кабинеты.

— Вы опоздали на семь минут, — сказал крупный светловолосый мужчина, сидевший в торце стола.

— Вы же знаете, я никогда не опаздываю, если меня не задерживают, — ответил, вешая куртку на крючок, тот, чье место за столом пустовало, хотя перед пустым креслом и стояла серая кружка с уже опавшей пивной пеной.

— Надеюсь, что вас задержала не полиция, — пошутил светловолосый.

— Вообще, шеф, я люблю, когда вы шутите, но сегодня это не самый удачный экспромт.

— Ладно, Джон. Вообще я не привык, чтобы меня критиковали, но вы человек с идеями, а потому вам проще... Что вам известно о нашем друге?

— Он ответил только на вопросы по биографии, а после этого замолчал и продолжает все отрицать. Он верит, что мы его вытащим, а потому молчит. Он считает, что его молчание — золото.

— Иной раз легенды могут послужить добрую службу. Газетчики вдохли всем, что мафия может достать человека, даже если тот спрятан за тюремной решеткой. И он, естественно, боится болтать, так как за этим последует возмездие. Все верят в силу наших связей и в то, что мы можем открыть двери любой тюрьмы и вытащить любого... А что мы можем? — Светловолосый оглядел семерку сидевших за столом.

Пауза явно затягивалась. Никто пока не пил пива, все сосредоточенно смотрели на кружки, не поднимая взгляда на шефа.

— Брюс, — обратился шеф к сидевшему справа от него крепышу в ярком клетчатом пиджаке.

— Я знаю, что нужно сделать с ним, когда он выйдет из тюрьмы. Отправить в Колумбию. Но что делать, чтобы он вышел из клетки, я не знаю, мистер Бриоля.

— Стив, — Шеф повернул голову в сторону высокого круглоголового брюнета в очках.

— А может быть, мы сможем решить вопрос с ним без отправки в Колумбию. Может быть, он найдет покой в тюрьме достаточно скоро, — виновато улыбнувшись, сказал круглоголовый.

— Это слишком... Другим может стать известно, что своего человека мы не смогли вытащить и просто убрали. Да с нами после этого никто не захочет иметь дел. Так не пойдет. Постарайтесь подумать в другом направлении... А что у вас есть идея?

— У меня действительно есть идея. Нам нужно взять человека, который представлял бы ценность для властей, и предложить обмен: голову за голову.

— Жестоко, но... Что вы имеете в виду под словом «ценность»? Рокфеллер? Хант? Форд? За них дадут только деньги.

— О нет, сэр. Вы мыслите категориями цифр, а я глобально. Нам нужен русский, советский, который представляет интерес для Советов и за которого они будут трепать нервы властям. Власти не захотят ссориться с русскими, и за него отдадут нашего человека. — Джон взял кружку и сделал глоток.

— Это уже что-то, — сказал Бриоля и тоже сделал глоток. — Что вы все думаете об этой идее? Кстати, можно будет поставить условие, что мы отдадим русского, когда наш человек окажется в Колумбии.

Было очевидно, что идея пришла шефу по вкусу.

— Это хорошо, сэр. Но где взять русского? И кроме того, добровольно он не захочет иметь с нами дело.

— Хороший вопрос, — хмыкнул Бриоля. — Дипломат для этих целей не годится. Пока мы его будем скручивать, амешаются те, кто за ним следит, а потом еще кто. Ну, Джон?

— Я подумал над вариантом, сэр. Нам надо взять известного ученого или спортсмена. И делать это не в столице. Через неделю в Эймсе состоится Кубок мира по биатлону. Там будут выступать русские.

— А что такое биатлон? На что это намазывают?

На сей раз все рассмеялись шутке шефа.

— Это соревнования, в которых бегут на лыжах и стреляют. Русские любят этот спорт, и у них много чемпионов. Почти все они служат в армии. За такого парня отдадут кого угодно. Даже если власти не захотят его отдавать русским, им он и сам пригодится.

— Ну-ка, ребята, подбросьте ему еще вопросы, идея начинает мне нравиться.

Теперь уже все позволили себе отхлебнуть пива.

— Идея хорошая, но сделать все будет не просто, — вступил Брюс. — Нужны хорошие ребята, а это потребует денег.

— Хотелось бы узнать детали дела.

— Ну, что же... Идея ваша, Джон, вы и будете руководить делом. Брюс подберет ребят. Рон, передайте через ваших людей нашему парню, чтобы держался, через две недели мы его вытащим.

Хотелось бы узнать детали дела.

— Ну, что же... Идея ваша, Джон, вы и будете руководить делом. Брюс подберет ребят. Рон, передайте через ваших людей нашему парню, чтобы держался, через две недели мы его вытащим.

На нескольких перекрестках стояли указатели с надписью «Кубок мира», так что сбиться с пути было трудно.

— Ну, экономисты, — сказал переводчик, сидевший за рулем машины-фургона. — Сделали таблички один раз и используют несколько лет. На любые соревнования — пожалуйста. Потому и не написано «биатлон».

— Видно, считают копейку, — кивнул руководитель. — А может быть, так и надо... Места здесь красивые... Как у нас... А мы проведем раз в три года какие-нибудь соревнования и доволны, потом все указатели списываем да сжигаем... А они в этой дыре качают...

Руководитель команды Игорь Николаевич Старков был уже в летах, давно работал в спортивной системе, повидал на своем веку немало, начиная еще с тех пор, когда сам был неплохим пловцом. Он считал, что большой спорт при правильном подходе способен быть делом доходным, и своими выступлениями на различных совещаниях порой вызывал недовольство коллег и руководителей. Тем не менее специалистом он был знающим, и потому его терпели, хотя и не раз появлялись идеи перебросить его из комитета с Лужнецкой набережной куда-нибудь в «глубинку» или в крайнем случае в «науку», пусть, мол, на Сиреневом бульваре или на улице Казакова развивает свои идеи, пусть пишет диссертации, рекомендации... Но время шло, а Игорь Николаевич оставался на своем месте и продолжал, как мог, борьбу за организацию спорта, внедряя всякие новшества в биатлоне, где спады были короткими, а успехи — стабильными.

Машина подкатила на стоянку, где стояло еще несколько таких же фургонов. На бежевой дверце одного был наклеен белый квадрат с красным кругом посередине.

— Японцы, — кивнул в сторону разукрашенной машины переводчик.

— Пораньше нас собирались. Эх, все это наша неповоротливость. Пока соберемся, пока раскачаем-

ПОВЕСТЬ

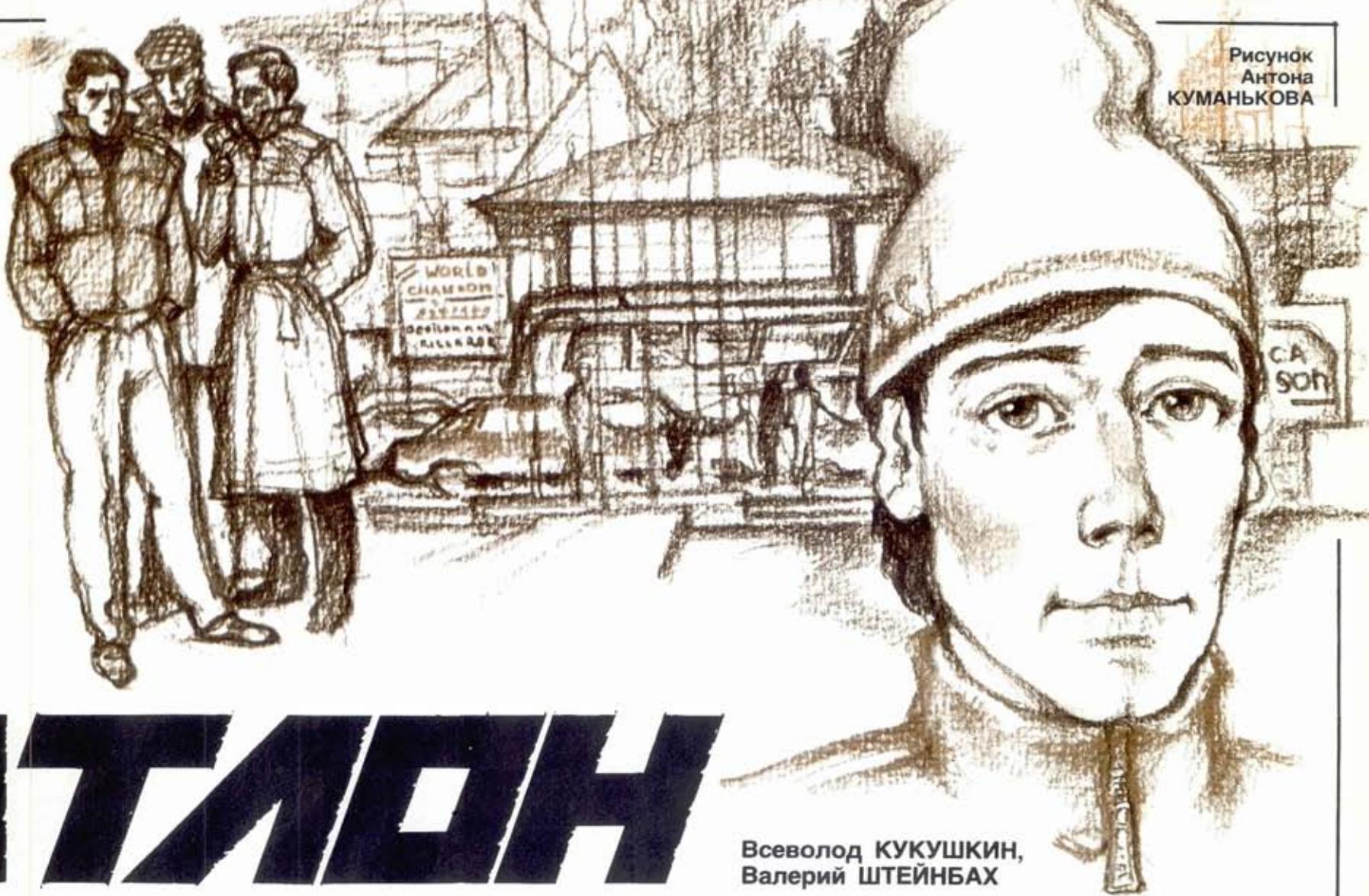
ся... Ты машину-то получше запри, все-таки с оружием...

На стрельбище тренировались человек пятнадцать. Стреляли «стоя» и отрабатывали подход к огневому рубежу. Тренер смотрел в подзорную трубу, установленную на фототативе, и корректировал очередного стрелка.

Дни, предшествующие стартам, тянулись как-то особенно напряженно. Вроде бы все идет своим чередом, все нормально, у ребят и стрельба получается и по дистанции находились вволю, но нет тренером покоя. То кажется, что Хорст Аппель из команды ГДР бежит быстрее всех, то вдруг швед Томас Нильсон «стоя» отстрелял как из автомата и все пять пуль легли точно в центр мишени. А тут еще финны, перед Кубком выступавшие в Италии, удивили рассказом о новой «звезде» — Тони Чикарелли. И решай тут, за кем следить в гонке, кого «держать», по чьему графику вести своих...

Пресс-центр, как такового, здесь не было. Просто в спорткомплексе выделили комнату, в которой полили размноженные на ксероксе копии заявок, листки с выдержками из правил соревнований, схемы трасс, приходов и уходов на стрельбище, на лыжный стадион... Пускали в эту комнату кого угодно, а потому Джону не пришлося прибегать ни к каким уловкам, чтобы взять интересовавшие его бумаги. Схемы он предназначал для своей «команды», а потому только проглядел их приличия ради, хмыкнул, что в этом непосвященному будет разобраться трудно, представил, как будет солеть Бен, разглядывая карту, затем принялся изучать составы команд.

Русские тренеры его не интересовали: с ними вряд ли удастся провернуть идею. Конечно, они люди в своем мире известные, но такого шума, как со спортсменом, с ними не будет. Список русских биатлонистов открывал Виктор Бутаков, рожденный в каком-то не известном здесь никому Барнауле, а теперь «военнослужащий из Москвы, 21 год, чемпион мира в командной гонке, обладатель Кубка мира прошлого года, лидер Кубка мира нынешнего года, чемпион СССР, холост, увлекается музыкой, владеет английским языком», — читал он сведения, частично соответствующие тому, что было на самом деле, а частично придуманные переводчиком, который не хотел морочить ребятам головы, заполняя графу «Хобби». Следующим стоял в списке Константин Мотин, родившийся в Новосибирске, выступающий за «Динамо», работающий каким-то инструктором физкультуры. Мотину уже двадцать шесть лет. Он давно

БОНД

Всеволод КУКУШКИН,
Валерий ШТЕЙНБАХ

выступал в соревнованиях, становился призером, но чемпионом мира — только в составе команды. Вагиз Мустафин родился в городе, который назывался Стерлитамак, ему 25 лет, интересуется охотой. «С такими ребятами лучше не связываться», — подумал Джон. Андрей Силинин родился в Елгаве, был в прошлом году чемпионом мира среди юниоров, студент института физкультуры, из общества «Труд». В графе «Увлечения» было написано: «Тяжелый рок и рыбалка, владеет немецким». Рыбаков Джон считал в какой-то степени ненормальными людьми, либо тратить время на выуживание какой-то крохотульки, которую потом съест кошка, он считал в высшей степени непродуктивным занятием, уделом людей, у которых нет «контролирующего и направляющего центра».

«Итак, — подытожил Джон свои изыскания, — брат надо Бутакова. Это, пожалуй, наиболее любопытная фигура. Во-первых, чемпион. Во-вторых, военный. В-третьих, говорит по-английски, в-четвертых... — задумался он, — хватит во-первых, во-вторых и в-третьих».

После двух дней тренировок, вдоволь наглядевшись на стрельбу и бег на лыжах, Джон решил обсудить со своей «бригадой», как захватывать русского. С дистанции, с соревнований — об этом не могло быть и речи. В мотеле спортсмены жили по двое в комнате, лишь руководитель занимал отдельный номер.

— Можно подождать в машине, пока кто-нибудь останется в комнате один, и взять его, — предложил Бен, здоровенные кулаки которого производили внушительное впечатление.

— Но только тихо не получится, ребята крепкие, — возразил Уэйн. — К тому же они все время из номера в номер шастают.

— А может быть, подвезти его на нашей машине и... — опять подал идею Бен. — Парень сидет, а сзади платок с этой дрянью. Через пять секунд он наш.

— А сами не надышитесь? — спросил Джон, давая понять, что в действиях подчиненных участвовать не будет.

— Это не страшно. Вот как одного русского заманить в нашу машину, когда у них своя есть?

Над ответом на этот вопрос, подброшенный меланхоличным Уэйном, пришлось задуматься.

— Знаете, как говорят французы в таких случаях, — вступил Ларри. — Они говорят «шерше ля фам» — женщина нужна. Красивая женщина кого хочешь не только в машину, а к черту в лапы затащит.

В трубке послышался голос Бриоля, и Джон уже

был готов приветствовать шефа по имени, но вовремя поправился:

- Хай, мистер Грэгсон.
— Хэллоу, мистер отдыхающий. Как отдыхается?
— Отдыхается нормально. Лучше, чем работает.
Наша идея может быть реализована. Но нам здесь очень скучно, и если вы подберете симпатичную девушку и вышлете нам, то она окажется очень кстати.
— Вы соображаете, чего требуете?
— Вполне.
— Простите, я вам могу выслать хоть дюжину. Даже в упаковке с надписью «Стерильно».
— Такие не подойдут. Оставьте их для других. Нужна одна и достаточно порядочная. А если не добра, то идея пройдет на сто процентов. Другого варианта я сегодня не вижу.
— Ладно. Мы сообщим вам, когда встречать гостью. Звоните в восемь.
— Отлично. Будем ждать хороших новостей.
Джон повесил трубку, хмыкнул и пошел к машине. Он был удовлетворен разговором, пусть шеф покрутится. Если дело отменят, то это будет идти от шефа, а если все пройдет хорошо, то можно рассчитывать на хороший «подарок» и чуть позже выйти из игры.
В восемь Бриоля сообщил, что завтра надо встретить рейсовый автобус в 11.20, приедет Линда Камерон, блондинка, снимается в эпизодических ролях на телевидении, ее гонорар должен быть выплачен, когда все «действующие лица» будут вместе, текущие расходы — за счет «фирмы».
Джон смотрел на пассажиров, выходивших из автобуса, и, когда со ступеньки спрыгнула высокая блондинка в белых полусапожках, розовых брюках и светло-сером полушибке из натурального меха, он понял, что это и есть Линда Камерон. На таких сразу же обращают внимание. Она пошла к багажному отделению, и водитель выдал ей объемистую сумку.
— Линда! — окликнул на всякий случай он девушку.
— О, привет, Джон, — повернулась она и широко улыбнулась.
«Никогда бы не поверил, что такая девушка может работать у Бриоля», — подумал он, устремляясь к Линде и подхватывая ее сумку, оказавшуюся нелегкой.
— Ты знаешь, что должна сделать? — спросил Джон, усадив девушку в машину.
— В общем, да. В меня должен влюбиться какой-то парень, и мы должны вместе уехать на неделю в горы.
«О, господи! — простонал про себя Джон, отъезжая от автобусной остановки. — Если бы все было так просто...»
- В общем, правильно. Только этот парень — русский, военный из России. И уехать с тобой на неделю в горы он не имеет никакого желания. И я не знаю, как ты будешь с ним объясняться в любви, хотя он, кажется, немного говорит по-английски.
— О, это как в фильмах Джеймса Бонда. — Линда даже подпрыгнула на сиденье. — Он что, шпион?
— Хуже. Он спортсмен, занимается биатлоном.
— Чем?
— Биатлоном. Бегает на лыжах и стреляет из винтовки.
— Как интересно! А кто нас познакомил?
— Об этом тебе придется позаботиться самой. Твой гонорар предусматривает, что ты будешь не только улыбаться и целоваться, но и думать. Расходы я оплачу. В разумных пределах, конечно.
Машина подъехала к мотелю.
— Комната для тебя заказана. Они тоже здесь живут. Я сам тебя найду, если понадобишься. Эта машина пока будет здесь, возьми себе один комплект ключей.
— Хорошо, шеф. Задание поняла, начинаю действовать, — шутливо козырнула Линда.
Продавщица, а судя по ее возрасту, она же хозяйка магазинчика, читала, сидя за прилавком. Она подняла глаза на вошедшую посетительницу, отложила газету и улыбнулась. Красивые девушки обычно покупают красивые вещи, значит, дорогие.
— Хай, — сказала Линда.
— Добрый день. Чем могу вам помочь?
— Советом. Я хочу подарить своим друзьям лыжные шапочки.
— Хороший подарок.
— Но я хочу, чтобы на них была вышита эмблема. У меня есть рисунок.
Линда достала из сумочки картонку с рисунком. Продавщица рассмотрела его и покачала головой. Заказ оказался сложным — сердечко, а на нем крест-накрест лыжи и винтовка.
— Это красиво. Но вышивать очень трудно. Лучше вырезать из картона, обтянуть нитками и пришить. — Продавщица знала толк в рукоделии. — Сколько шапочек вам надо и когда?
— Лучше всего завтра к трем часам. Мне надо, — Линда чуть замялась, прикидывая, сколько человек может быть в команде. — мне надо две с эмблемами, а всего... пятнадцать штук.
— Мы можем выбрать шапочки прямо сейчас, а когда будут готовы с эмблемами, вы возьмете всю коробку.

завтра с дистанции, во время тренировки. В крайнем случае с дистанции гонки во время эстафеты. Там есть местечко, когда они подходят к дороге. Наш парень, наверное, вырвется вперед, и когда он будет один, мы его в машину и — ходу.

— А эту куклу?

— Пусть остается. Выигрывает тот, у кого больше вариантов... Может статься, она нам еще понадобится.

В торговый центр за сувенирами решили ехать двумя заездами, сначала тренеры, потом спортсмены. Но, как всегда случается в таких ситуациях, на первую езду в «понтак» набилось слишком много народа. Виктор посмотрел-посмотрел, махнул рукой: «Я в следующий заезд», — хотя вообще сомневался, стоит ли ехать. Не лучше ли почтить или «ящик» поглядеть: какие-то мультишки идут почти все время, а приключения забавных «пещерных жителей» могут развеселить кого угодно.

«Понтак» фыркнул движком — наши водители любят удирать по газу, словно трогают с места тяжелую «Волгу», — и рванулся вперед. Виктор еще несколько мгновений смотрел ему вслед, потом нагнулся, зачерпнул снега в ладони и начал формовать крепкий снежок. Он поглядывал по сторонам, выискивая взглядом стекну или дерево, в которое стоило бы влепить этот снежный заряд.

— Хэй! — Из двери, ведущей в регистратуру, вышла улыбающаяся Линда и окликнула Виктора.

— Хэй-хэй, — махнул он ей рукой, тоже улыбнулся и теперь, когда у него была зрительница, уже сосредоточившись, бросил снежок в знак стоянки, прикрепленный к каменной стене. Белое пятно прилепилось прямо к центру круга.

— О, чемпион! — восхликала Линда и подошла к нему. — А где моя шапочка? — спросила она, показывая для понятливости на свою голову, где красовался точно такой же «петушок», какой она вчера дарила ребятам.

— В комнате, — ответил Виктор.

— А где остальные? — поинтересовалась Линда.

— Уехали. В Шоппинг-центр.

— А ты?

— Места в машине не было.

— Поехали на моей, — предложила девушка.

— Гуд, — согласился Виктор. — Подожди две минуты.

— Андрюха, вставай, — заторопил он Силинью, который лежал на большой кровати и смотрел телевизор.

— Куда спешим? — зевнув, потянулся Андрей.

— В торговый центр поедем.

— Машина уже пришла?

— Нет. Нас эта блондинка, которая вчера шапочки дарила, отвезет. Вон, слышишь, уже движок греет...

— Она дорогу-то знает? А то завезет куда-нибудь...

Андрей, не торопясь, натягивал красно-синюю нейлоновую куртку. Виктор достал из шкафа шапочку с нашитой эмблемой, глянул в зеркало.

Девушка вела машину аккуратно, но достаточно быстро.

Зеленый «понтак» разворачивался на стоянке перед однотажной кубышкой со стеклянными стенами, через которые можно было видеть, как разбрелись по залу немногочисленные покупатели. Несколько наших курток виднелось у стендов с автомобильными аксессуарами.

На стоянке было всего четыре машины.

Машина Линды двигалась наперевес «понтаку», переводчик притормозил и разглядел, что там сидят Виктор с Андреем.

— Вы хотите купить что-то определенное? — поинтересовалась Линда. — Здесь выбор деревенский, простой, для первой необходимости. За чем-нибудь специальным надо ехать на побережье. Мы можем поехать на моей машине.

— Спасибо, конечно, но мы приехали не магазины смотреть, — довольно резко ответил Виктор.

— Ты пойми, Линда, — начал разъяснять девушке Андрей, — человек, даже когда едет в машине пасса-

жиром, теряет силы, энергию. А мы хотим хорошо выступить на Кубке.

— Но вы и так уже взяли две медали. Оставьте что-нибудь другим.

— Да мы не против, — ответил Виктор. — Пусть старайтесь... Здесь для девушки какой-нибудь сувенир найдется? Косынка, например.

— На каждый день? Или для праздника?

— С видом Альп.

— А девушка красивая?

— На тебя похожа. Только волосы темные.

— Кажется, моя задача упрощается, — подумала Линда. — У него есть любимая девушка, а если я на нее похожа, он будет видеть во мне ее.

Хотя Линда и была средней актрисой, но знала основы психологии, читала книги по актерскому мастерству и частенько в жизни пользовалась элементарными приемами лицедейства. Важно было только выяснить, какой именно образ надо сыграть. Кто их знает, какие они, русские девушки? И Линда подсказывала про себя, что ничего не знает о своих ровесницах. А откуда ей было знать — не очень-то много о них пишут в газетах, не идут о них фильмы на экранах. Голливудским лентам о Советах она не верила — знала, как они делаются...

— Итак, леди и джентльмены, — начал Джон. — Наша операция приближается к кульминации. Все идет пока настолько хорошо, что я начинаю опасаться провала в решающий момент. Линда, как у тебя обстоит дело?

— Он очень милый парень... Обещал танцевать со мной после закрытия. У них там будет какой-то банкет. Думаю, что после этого он согласится прокатиться на прощание со мной на машине.

— Хорошо. Итак, ты едешь с ним кататься, затем у тебя ломается машина, и проезжающие мимо парни предлагают помочь. Твою машину им починить не удастся, и вы пересядете в нашу. Он должен сесть рядом с водителем. Ребята сзади положат ему маску со снотворным. Здесь приготовили для него место?

— Да, наверху. Там глухой чердак и выход только вниз.

— Когда он будет на месте, сторожить его остаются... Бен, у тебя кулаки впечатляющие, и Уэйн. Ты, — при этом он указал на Линду пальцем, — должна быть здесь тоже. Ларри едет вниз и явится за парнем, когда мы ему сообщим.

— И сколько времени нам придется его ждать?

— Дня два-три. Запаситесь едой дней на пять.

— Но мой контракт не предусматривал, что я буду торчать здесь надсмотрщицей.

— В случае успеха сумма будет удвоена.

— Но я должна лишь притащить парня в машину, — продолжала возражать Линда.

— Ларри, когда они с парнем сядут в машину и он будет наш, выдайте ей тысячу долларов.

— Наличными, — уточнила Линда.

— Когда Ларри приедет, забирать парня, он привезет тебе вторую тысячу. А с вами, — Джон посмотрел на каждого из своих «боевиков», — расчеты производит Бриоля. Не так ли?

— Все в порядке, шеф. Наш контракт долгосрочный, — кивнул с полуулыбкой Бен.

На небе ни облачка, и солнце к полудню уже жарило так, что с крыши начинала сыпать капель. Виктор с Андреем, возвращаясь с обеда, задержались на проходе к своему номеру, остановились, повернув лица к солнцу, закрыли глаза.

— А знаешь, весной уже пахнуть начинает, — сказал Андрей.

— Что, залых какой-то особенный чуешь?

— У дедушки с бабушкой на хуторе в конце февраля ветер такой же аромат приносит.

— А я думал, ты всю жизнь в Риге прожил.

— Нет, слава богу, не всю. Я каждое лето к ним на неделю езжу косить. А когда маленький был, то и зимой у них жил. Там и научился весну по запахам распознавать.

— А откуда такой аромат берется?

— Ветер из лесов несет. Ели, сосны под солнцем прогреваются, и смола дает запахи. А чуть поддается, воздух становится влажным и вибрирует их в себя.

— А я и не знал таких тонкостей. Только в книгах читал про запахи весны. Думал, писатели придумывают... Однажды, правда, осенью вышел из подъезда, чувствуя, арбузами пахнет. Завернулся за угол, а там

стоят контейнеры с арбузами, и несколько разбитых валяются. Тогда и понял, откуда арбузами пахнет.

Парни рассмеялись и пошли в свой номер.

— Ну вот что, бой остался последний, и, как говорят, решительный, — начал Старков. — Кубок мира мы уже выиграли, с чем я вас и поздравляю. Но осталась эстафета. Гонка престижная, и проиграть ее — слизать все впечатление. Как, ребята?

— По моей линии — все в форме, — начал доктор. — Костя рвется в гонку и готов к хорошему результату. Вагиз несколько слабее на фоне других. Андрей в норме. Виктор, конечно, устал после двух таких стартов, но психологический настрой высок...

— Хорошо. В семь надо заявку сдавать... С этим ясно. Завтра день будет сложный: эстафета, потом закрытие, а послезавтра в десять утра отъезд. Так что надо, думаю, начать собираться сегодня. А завтра попрошу всех быть пособнее, чтобы хорошая поездка, — при этих словах Игорь Николаевич поступил на дереву, — хорошо завершилась.

— Все ясно, — сказал Ржаницын.

— Вот что, мужики, — сказал, обращаясь к четверке, Пермитин, — эстафета — гонка особая. Мы эстафеты уже много лет не проигрываем, и каждая команда мечтает у нас выиграть. Сейчас не знаешь, за кем и следить, — сами видели всех соперников. И бегут хорошо, и стреляют неплохо. Предлагаю такую расстановку: на старте — Андрей, вторым — Вагиз, третьим — Костя, на финише — Виктор. Если у вас есть возражения, скажите. Если хотите решить сами, мы выйдем.

— Возражений нет, — чуть хрипловатым от волнения голосом произнес Мустафин. — Медали-то одинаковые всем дадут, независимо от этапа.

— Отработаем по-мушкетерски, — с нарочитой веселостью сказал Мотин. — Что-то я в тылах засиделся.

— Без мушкетерства, пожалуйста, — поспешил одернуть его Ржаницын.

— Я в том смысле, что один за всех и все за одного.

На стартовом поле выстроились биатлонисты — тридцать парней в разноцветных костюмах. В стороне разминались те, кому предстояло включиться в гонку на следующих этапах.

Наконец, в воздух взмыла ракета, и гонщики, энергично работая палками, рванулись вперед. Зашумела трибуна, на которой уже было довольно много зрителей. Лыжни начали сходить, и уже бежали рядом две цепочки спортсменов, взяли первый подъем и исчезли в лесу.

Первыми на стрельбище ворвались финн Яри Курри, канадец Тордон Шервен и болгарин Любомир Сандов. Андрей проиграл им всего пять секунд. Один за другим падали парни на снег, кто из специального «кармашка», приделанного к ложу винтовки, а кто из пазов ложа достал обоймы, выложил на «тарелочку» по три дополнительных патрона.

Лидеры стреляли второпях, и лишь Сандову удалось «закрыть» все пять мишней. Финн и канадец крутили по штрафному кругу, когда мимо них промчались, надевая на ходу кожаные ремешки палок, болгарин и Андрей Силинью, который тоже обошелся без дополнительных патронов.

На вторую стрельбу Андрей пришел в одиночестве, снял шапочку, чтобы остыть, плавными движениями зарядил винтовку, вскинул ее и повел стволом, отправляя пули в мишени да передергивая затвор.

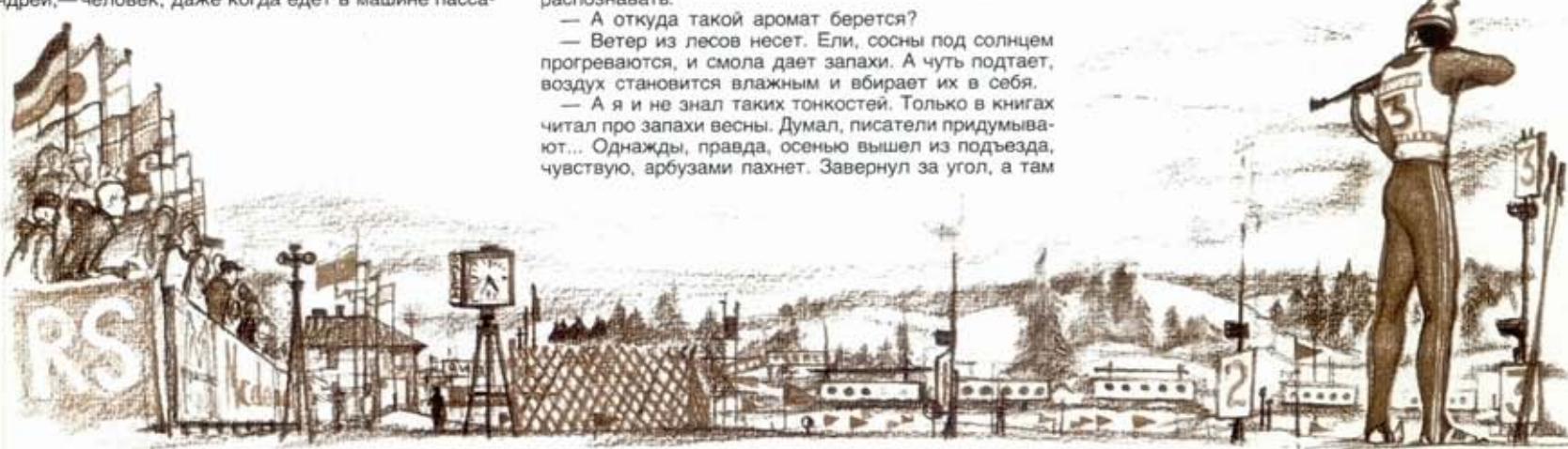
— Как из автомата, — восхитился переводчик.

— И тут Андрей промазал.

— Еще раз глязиши — прибью, — мрачно пообещал Ржаницын.

Андрей начал стрелять дополнительными патронами и опять промазал. Так одна мишень и осталась нетронутой.

— Давай, Андрюха, все равно их никого нет! — кричал из-за специальной ограды массажист команды. — Гони! Гони!

В сектор для передачи эстафеты судьи выпустили лишь Вагиза Мустафина. Кого вызывать вторым, организаторы пока еще не знали.

Андрей влетел в проход для передачи эстафеты, хлопнул по плечу уже набиравшего скорость товарища. На табло зажегся его результат на этапе. Судья с одеялом в одной руке и с пластмассовым стаканчиком с апельсиновым соком в другой подскочил к спортсмену, который, чтобы не рухнуть в изнеможении, оперся на палки, как на подпорки.

Вагиз шел по лыжне то традиционным способом, то еще не совсем освоенным «коньком». Его называли человеком без нервов или человеком со стальными нервами, и внешне он действительно производил такое впечатление — его скучающее лицо с запавшими глазами не отражало никаких эмоций. Лишь когда ему крикнули время отрыва, он кивнул головой.

Однако тренеры ГДР поставили против него своего сильнейшего гонщика Матиаса Хельма, и Алексеев — а именно он стоял на отметке «2 км» — вскоре сообщил, что разрыв тает. Хельм сумел отыграть на этом отрезке 16 секунд, и скорость у него была выше, чем у Вагиза.

«Лежку» оба отстреляли без промаха.

У Вагиза еще было некоторое преимущество, когда он уходил со стрельбища, но по тому, как тяжело набирал ход спортсмен, по тому, как работал палками, было уже ясно, что ждать от него высокой скорости нельзя. Матиас пружиной вскочил, сделал последний выстрел, вроде и не глядя на то, как белый щиток закроет черную тарелку мишени.

На стрельбу «стоя» первым прикатил Хельм, Мустафин проигрывал ему метров двадцать — тридцать.

На стрельбище, когда соперничество ведут двое, возникает борьба нервов. Пришедший вторым начинает быстро стрелять, стремясь сбить с темпа соперника, заставить его поволноваться: добытое с таким трудом преимущество может растиять. Мустафин сделал один выстрел, другой, третий... Хельм «дернулся» и промазал. Но и Вагиз не выдержал темпа: четвертая мишень осталась целой. Они стреляли наперегонки, поддавшись азарту. Хельму повезло больше: когда Вагиз уже спешил мимо него на штрафной круг — цена одного промаха, — он чуть ли не с отчаяния пальнул и... попал.

На третий этап первым ушел Холгер Тайс. Костя Мотину нужно было отыграть у него 26 секунд. И опять на стрельбище началась «дуэль». Но только теперь Костя отстрелял без промахов — пятью патронами и ушел на дистанцию рядом с Тайсом, которому пришлось сделать семь выстрелов.

— Идут рядом, как веревкой связаны, — послышалось в радио.

Судья на секторе передачи эстафеты что-то запросил по своей радиции, широко улыбнулся и позвал сразу двух участников — Виктора Бутакова и Петера Рауха.

На сей раз с мостика скатывались одновременно уже два гонщика. Костя попытался было все-таки хоть на последних пятидесяти метрах обойти соперника — благо на этом участке запрещается идти «коньком», мешая соседу. Но Холгер, услышав частое дыхание соперника, тоже прибавил, хотя и было видно по тому, как судорога свела мышцы лица, что это стоило ему последних сил. Они почти одновременно коснулись спин своих товарищей, отправляя их в гонку, и затем рухнули на снег в разные стороны.

— Съел его Виктор, — послышалось в радио, — выигрывает тринадцать секунд.

— Это кто говорит? — поинтересовался Пермитин.

— Силиньш.

— А ты что там делаешь? Давай немедленно сюда. Чтобы все были вместе.

Ох, как были напряжены у всех нервы, когда Виктор начал стрелять. Он уже лежал, и первая мишень была закрыта, когда неподалеку рухнул молодой соперник. Петер начал стрелять быстро, уловая на скорость своих действий, а Виктор щадительно «обрабатывал» каждый выстрел. Со стрельбища Бутаков уходил, выигрывая метров пять у Рауха.

— Смотри, он в моей шапочке бежит, — Линда дернула за рукав Джона.

— Гоу, рашен, гоу! — закричал со смехом Джон.

— Виктор, — завопила Линда, — гоу! Хоп, хоп...

— Этот русский — наш парень, — показал Бен.

— Хороший малый. Жилистый, — кивнул Ларри. — Я бы, правда, хотел, чтобы он стал нашим в ином смысле.

— Вряд ли на это можно надеяться.

— Знаю... Лучше бы он выиграл, тогда у нас больше шансов.

— Знаешь, Джон. — Ларри обернулся к руководителю операции. — Я тут подумал... Может, нам отказать от этого парня?

— Лучше бы ты не думал... Ты понимаешь, что дело уже запущено? Твое задание — взять парня.

— Да ты не кипятись. Конечно, мы должны сделать дело. Но зачем нам этот чемпион? Посмотрим сам: здоровяк, с ним знаешь, сколько возни будет? Может быть, упакуем кого-нибудь другого...

Тренер команды ГДР послушал свою рацию, выключил ее и пошел к Пермитину.

— Борис, поздравляю, — сказал он, протягивая руку. — Опять твои ребята выиграли.

— Спасибо. Но еще не финиш. Вдруг лыжу сломает.

— Бутаков может прибежать и без лыж.

Финишную черту Виктор пересекал, стоя в рост и потрясая палками. Ребята бросились к нему, но судьи задержали их. Сначала проверили винтовку, маркировку на лыжах и только после этого отпустили Бутакова.

Обнявшись, четверка победителей позировала фотографам и телевизионщикам. Тренеры соперников поздравляли Пермитина, Ржаницына, Алексеева.

— Доктор, все соберите, чтобы ничего не забыть, — распорядился в домике Старков. — Сейчас машина отвезет ребят и затем вернется за нами. Банкет назначен на восемь вечера. Так что вполне успеете.

Машина дернула, как бывает, когда новичок пытается тронуться с места. Мотор заглох, и на щитке вспыхнули красные лампочки. Бутаков с удивлением посмотрел на Линду. Она была растеряна, что-то бормотала. Девушка попыталась еще раз завести мотор. На сей раз стартер крутил нормально, но вспышки не было ни в одном цилиндре.

— Не хватало еще здесь засесть, — пробормотал Виктор.

Девушка смотрела на него беспомощно.

— Знаешь, как открыть? — Слово «капот» по-английски Виктор не помнил, а точнее, никогда не встречал и потому указал пальцем за стекло.

Линда, наклонившись, стала искать ручку, за которую надо дернуть, чтобы открылся доступ к мотору. Лязгнул замок, и крышка чуть подпрыгнула. Виктор открыл дверцу и вылез из машины. Он имел общее представление об устройстве автомобильных двигателей «Жигулей», знал кое-что о «волговских», но с японскими дел не имел никогда.

«Вот глупость-то, — думал Виктор, представляя, как спохватятся ребята, обнаружив его исчезновение. — Не миновать выволочки. Черт меня дернул согласиться, чтобы она подвезла. Если через час удастся вернуться, то можно будет заскочить к Зденеку и потом отговориться, что засиделся у братцев-славян».

Он захлопнул капот.

Линда вылезла из машины и смотрела на него то ли с жалостью, то ли виновато.

Они оглянулись на хлопок двери ресторочка и увидели на крыльце троих парней. Один показывал на ярко светившую полную луну и смеялся. Парни направились к большой машине, стоявшей метрах в пяти от теперь уже «мертвого» автомобилльчика Линды.

— Ребята, наша машина сломалась, — начала девушка, — вы нам не поможете?

— Парни, — обратился к своим приятелям тот, что держал в руках ключи, — кто из вас ездил на «японке»?

Они отрицательно покрутили головами.

— Может только подвезти. Вам куда?

— В Эймс.

— Садитесь... О, какая у тебя шапка! — И хозяин машины ткнул пальцем на шапку Виктора.

— А он русский, — пояснила Линда. — Это чемпион по биатлону...

— О, чемпион! — Парни закивали головами, начали похлопывать Бутакова по плечам, пожимать ему руку.

Движок этой машины завелся с пол оборота. Виктору, как чемпиону, предложили сесть на переднее сиденье.

Бутаков вздохнул с облегчением. Слава богу, через двадцать минут они будут в Эймсе — такие ребята наверняка ездят быстро. Линда сидела сзади и о чем-то оживленно говорила со своими соседями. Виктор посмотрел налево и подивился здоровенным волосатым рукам, лежавшим на руле. «Во, кулачище, — подумал он, — под таком попадешь и отдохнешь в нокауте». Он откинулся на сиденье.

Сзади послышался треск разрываемого пакета. И тут же на его лицо легла протянувшаяся сзади ладонь, в которой была тряпка, пропитанная жидкостью, истекающей из пакета.

— Источавшей резкий запах. Виктор дернулся вперед, но его левую руку у самого запястья крепко схватил водитель. Виктор пытался правой отжать от лица руку с тряпкой, но чувствовал, как не хватает дыхания, и хотя понимал, что его зачем-то хотят усыпить, а потому и старался как можно дольше не делать вдоха, все-таки не выдержал — дохнул. И тут же почувствовал, как силы покидают мышцы, как проваливается в какой-то темный бездонный колодец...

— Фу, парни, — сказала Линда, открывая окно машины. — От этой штуки такой скверный запах...

— Извините, мисс, но от парижских духов он бы так не успокоился.

Машина мчалась в ночи, выхватывая светом фар столбики с номером дороги, с указателями поворота на какие-то поселки, на другие дороги. Каждый раз, когда Виктор пытался пошевелиться, ему прикладывали к лицу платок, который держали в полиэтиленовом пакете. После почти двухчасовой поездки, вскарабкавшись на несколько сот метров по укатанному снегу, слежавшемуся на грунтовой дороге, машина остановилась возле небольшого дома. Сначала из нее вышли парни вместе с Линдой, потом они открыли дверцу и начали вытаскивать Виктора. Двое положили себе на плечи его руки и так, словно пьяного, повели Бутакова в дом. Линда захлопнула дверцу машины и, понурив голову, пошла за ними следом.

Совещание начал помощник министра.

— Джентльмены, мы являемся сейчас «горячей» группой. Два часа назад русский посол представил нам резкую ноту. После соревнований на Кубок мира по... — помощник глянул на листок — светокопию ноты, лежавшей перед ним, — биатлону пропал их чемпион, Виктор Бутаков. Мы связались с полицией графства. Там знают об этом деле, нашли машину, в которой после заключительного банкета он возвращался вместе с какой-то девицей в Эймс. Машина брошена. Никаких следов не обнаружено. Не буду скрывать, наше руководство уже связывалось с вашим агентством, — он кивнул на левую сторону стола, — и с вашим бюро, — последовал кивок направо. — Никто такой акции не планировал. Но одно дело — руководство. Может быть, это была чья-то самодеятельность? В любом случае необходимо разыскать парня, чтобы мы могли хоть что-то ответить русским.

— Наше агентство не располагает никакой информацией по этому делу, — вступил в разговор мужчина, внешность которого скорее соответствовала представителю артистического мира — у него была всплюченная шевелюра, и помощник министра про себя окрестил его прозвищем «лохматый». — У нас, разумеется, есть данные на парня. Рост, вес, цвет волос и глаз — не по нашему ведомству, но остальное... Он неплохо знает языки, я имею в виду английский, учится в военном институте физкультуры в Ленинграде, общителен, не боится контактов с иностранцами, обладает сильными волевыми качествами, к секретной информации не был допущен.

— Один из наших информаторов сообщал нам около месяца назад, что у группы, которую мы подозреваем в организации канала доставки наркотиков, появилось намерение вызволить своего человека, попавшего к нам. Представитель «бюро» был личностью малоприметной, разве что носил очки в тонкой металлической оправе да говорил тонким голосом школьника, доносящего учителя на своих проказливых товарищах. — План заключается в том, чтобы похитить иностранца и затем предложить его нам на обмен. В дальнейшем наш информатор не имел доступа к делу. До моего отъезда сюда мы не получали никаких сигналов.

— А если получите? — Помощник понял, что представитель «бюро» умышленно сказал «иностранный» вместо «русский». Эти щенки, видно, все прошлили, а теперь пытаются показать, что осведомлены, но их, мол, дело не касается. — Что вы будете делать, если вам позвонят и предложат голову за голову?

— Обычно мы вступаем в переговоры и на основании их анализа находим цепь, которую обезвреживаем.

— Но на сей раз каждая минута на учете. Вы представляете, какой шум начнется, если к пяти вечера мы не сообщим ничего в посольство?

— Русские работают до шести, — вставил, щеголнув информированностью, представитель «агентства».

— Мы поднимем наших людей в районе Эймса, добавим в группу еще пяток специалистов.

— Хорошо. Мы сообщим русским, что в «бюро» создана специальная группа, которая ведет расследование и интенсивные поиски.

— А если этот русский просто удрал с девчонкой и валяется у нее в постели? Дня через три они вылезут сами. Сообщите русским, что «бюро» занимается поисками, но мы, мол, предполагаем амурную историю. — При этом представитель «агентства» ухмыль-

нился.— Я понимаю, что забегаю вперед, но хочу сразу сообщить вам обязательные условия: как только парень будет обнаружен или обменен, с ним должны встретиться и поговорить наши люди.

— Нам бы не хотелось идти на обмен,— возразил «бесцветный».— Это создаст опасный прецедент.

— Но пока ваша цепочка приведет вас к цели, пройдет слишком много времени. Соглашайтесь на обмен, а затем...

Дежурный «бюро» не поднимал телефонной трубки. Когда раздавался звонок, он нажимал кнопку, которая включала одновременно громкоговоритель, микрофон, магнитофон и громкоговоритель у напарника, который руководил оперативной группой, находившейся наготове в двух машинах.

— У нас есть для вас важное сообщение,— послышался голос в громкоговорителе.— Русский спортсмен, которого вы ищете, находится у нас. Он спрятан в надежном месте. Мы предлагаем вам обмен...

Оперативный дежурный, сидевший за стеклянной перегородкой, уже дал сигнал телефонной службе, чтобы те определили, откуда идет звонок.

— ...Вы должны отправить самолетом в Боготу Джино Фравеци, который находится в следственной тюрьме «Эль падре». Русский будет отпущен живым и здоровым. О вашем решении мы узнаем сами.

Машина «бюро» мчалась к телефону-автомату, указанному техниками оперативному дежурному. Однако спешка оказалась бесполезной. К телефонной трубке был примотан лентой дешевенький магнитофон, в котором крутилась кассета.

В три тридцать члены «горячей» группы собирались в том же составе, в том же кабинете.

Представитель «бюро» достал из своего «кейса» dictaphon и, сообщив, что они получили ожидаемый звонок, включил пленку.

— Теперь становится ясно, что отвечать русским,— начал представитель «бюро».— Вы можете им даже отдать эту пленку.

— Я бы так не сказал,— возразил «лохматый».— Мы сможем сказать русским что-то определенное только после того, как этот спортсмен будет у нас. У меня нет сомнений, что мы получим его. Разумеется, того парня из тюрьмы надо отправить в Боготу. На это уйдет весь завтрашний день, и мы получим чемпиона в среду... Так что до среды придется морочить русским голову.

— Согласен,— резко бросил помощник министра.— Нам нельзя предстать перед миром страной, где мафия может делать, что хочет.

«Не больно-то много ты можешь»,— подумал про себя представитель «бюро». Он работал в этой организации давно, прошел много ступеней карьерной лестницы и был невысокого мнения о политиках, которые занимали правительственные посты после очередных выборов.

— Я бы хотел предупредить, что вся информация по этому делу является секретной и ничто не должно попасть в печать,— многозначительно продолжал помощник министра.

— Если русские выступят, мы дадим в печать и на телевидение нашу версию,— предложил «лохматый».— Я имею в виду «роман чемпиона с красоткой», а потом, если дело выгорит, то добавим: «выбор свободы», «отказ от службы в войсках быстрого реагирования» и тому подобное...

Первым проснулся слух. Вернее, Виктор вернулся из забытья благодаря тому, что уловил чью-то голоса, звучавшие так, словно разговаривавшие лежали на полу. Не раскрывая глаз, он прислушался— говорили по-английски, причем разобрать слова было очень трудно. Ясно было лишь, что два голоса мужские, а третий— женский.

Где он? Как попал сюда? Кто снял с него куртку и пиджак, кто набросил на него плед и кто в конце концов положил его на эту постель? Он пытался вспомнить хоть какую-то деталь, которая могла бы разъяснить происшедшее, но не мог.

Виктор сбросил плед и сел на кровати, свесив ноги вниз. Пончувствовал, как комок, образовавшийся в желудке, вдруг пришел в движение. Виктор побоялся приступа тошноты и поднялся медленно, ощущая, как дрожат он напряжения мышцы ног.

Медленно ступая, он подошел к проему, оказавшемуся выходом на деревянную лестницу. Делать нечего: по-прежнему опасаясь, что неверные ноги могут подвести, Бутаков начал спускаться вниз.

В большой комнате у камина сидели двое мужчин в клетчатых рубашках и... Катя. Только одета она была слишком «по-западному». Виктор постоял несколько мгновений на верхних ступеньках, а затем продолжил спуск. Одна из ступенек скрипнула, и трое у камина обернулись в его сторону. Лица парней ему незнакомы, а девушка... Это была Линда.

— Хеллоу,— нараспев сказала Линда и поднялась навстречу ему.— Ты как?

— Дайте пить.

— Ребята, сделайте ему что-нибудь,— попросила парней Линда.

Она взяла Виктора под руку и повела к камину.

Хотя «путешествие» в общей сложности составило метров двадцать, Бутаков остался без сил. Ему пододвинули небольшое кресло, и он рухнул в него. В стакане, переданном ему, в желтой воде плавали кубики льда. После нескольких глотков Виктор почувствовал себя лучше. Комок, застрявший в районе солнечного сплетения, скатился вниз и расплылся в желудке.

— Как я сюда попал? Где наши ребята?— спросил он, не адресуясь ни к кому конкретно.

— Послушай, парень, ты только не горячись,— начал тот, у которого рубашка была в красно-черную клетку.— Ты читал когда-нибудь о мафии? Мы из мафии, настоящие живые мафиози. Но ты не бойся, мы тебе ничего плохого не сделаем. Мы ничего против тебя не имеем. Просто ты нам очень нужен для одного дела. Как только все будет в порядке, мы тебя вывезем отсюда, куда ты захочешь. Но, конечно, не домой...

— И она тоже— мафия?

— Она? Пока она нам не помогала, она о нас и не знала. А теперь она с нами.

Повернув голову к Линде, парень велел ей принести гостю поесть.

— Мы видели тебя на чемпионате, когда ты бежал в эстафете,— вступил в разговор второй. Он был в сине-белой байковой рубахе-куртке.— Мы за тебя болели. А когда ты промазал вторым выстрелом, мы даже испугались. Но ты был хорош. Ты с этим немецем играл в кошки-мышки.

— Как я попал сюда?

— Ты поехал с ней на машине. Машина сломалась, и мы предложили вас подвезти. А чтобы ты не спорил с нами, куда ехать, мы дали тебе кое-что понюхать. Ты спал здорово...

Линда принесла большую тарелку, на которой лежали шарики картофеля, ломтики помидоров, шпинат и большой кусок мяса.

— Ого, да она в тебя влюбилась,— пошутил один из мафиози.— Нам она по столику не давала.

Время от времени Бутаков отрывал глаза от тарелки, надеясь увидеть где-нибудь оружие, схватить его и взять эту компанию на мушку. Но одно дело ковбойские фильмы...

— Может быть, что-то сделать для тебя?— поинтересовался Бен.— Многое не обещаем, но все-таки...

Виктор задумался. Доверять этим людям нельзя, но что-то они и вправду могут сделать. Он слышал, что порой «заложникам» разрешают написать письмо. Но здесь-то кому писать? И вдруг его осенило— пусть передадут письмо в советское посольство.

— Можете отправить письмо в наше посольство?

— Оно не дойдет. Его перехватят на почте.

— А позвонить можно?

— Здесь телефона нет. Да и звонить вашим— наразу засекут.

Спокойствие парня подкупало Бена. Он пришел к выводу, что держать русского проще, чем полагали.

— Ты номер телефона знаешь?— спросил Бен после некоторого молчания.

— Знаю.

Опытный Старков раздал сразу по приезде каждому по картонке с телефонами посольства, консульства, гостиницы, в которой они жили в Эймсе. И хотя ребята посмеивались над этой предосторожностью, картонки у всех были в бумажниках. Теперь Виктор полез в карман, извлек портмоне и прочел номер с картонки.

— А что сказать?

— Правду. Что вы меня похитили, что я жив и вы меня отпустите.

— Бен, сделай это,— попросила Линда.— У него дома осталась девушка, она волнуется, а ей хотя бы скажут, что он скоро вернется.

То, что сначала выглядело как развлечение, шалость, теперь прибрело совсем другой оттенок, иную окраску, и Линда вдруг осознала, что перешла опасный рубеж. Она— соучастница преступления, в котором жертвой стал ничего не подозревавший парень, спортсмен из другой страны, никому не сделавший ничего плохого.

Когда же она-то совершила ту самую ошибку, после которой перестала управлять своей судьбой? Детство... Ничего необычного: школа, книги, кино, постановки «Смешной девочки», потом обычный флирт с мальчишками из своего, а затем из параллельного класса... Ездили на пикники, веселились... Отец... Всегда смеялся над надписью на пачках сигарет— «Генеральный хирург предупреждает: курение опасно для вашего здоровья». А сам умер от рака, правда, не легких, а желудка, но что с того... Потом все пошли наперекосяк... И зачем она решила стать актрисой? Просто полюбила еще в школе раскланиваться на сцене, слышать аплодисменты одноклассников. А надо было пойти на курсы стенографисток— работала бы сейчас в фирме, может, и какого-

нибудь парня подцепила бы, жила бы своим домом... Ну, ладно, взяли в студию, значит, все-таки кое-какие способности у нее есть... Стоп!

И Линда вспомнила тот вечер, ту пятницу, когда пришла в кафе, чтобы помочь в баре,— десять monet от хозяина, да еще вдвое больше от клиентов...

Те появились втроем: старшему, наверное, лет шестьдесят, седой, элегантный, другим— лет по сорок. Заказали скромно, она с ними пошутила, старшему это понравилось. Потом слово за слово, разговорились, рассказала о себе. Лоусон, так звали старшего, попросил ее провести вечер с ними, сразу сказал, что приставать не будут, обещал— и сдержал слово— заплатить сотню. Она развлекала их историями из театральной жизни... Потом Лоусон вызывал ее почти каждую неделю, и они компанией ходили по ресторанам, иногда собирались в номере отеля, мужчины разговаривали о делах, а она готовила им коктейли, заказывала закуски в ресторане, иногда покупала билеты на самолет, встречала друзей Лоусона в аэропорту... Она вошла в роль... В какую роль? Несостоявшейся любовницы? Лоусон— человек, конечно, добрый... Добрый? Ну да, деньги платил... Обещал помочь после студии... Через кого-то добился, что ей дали ролишки на телевидении... Но в основном все-таки предпочитал, чтобы она сопровождала его... Наверное, хотел, чтобы все думали о том, что он полон сил. А сам— беспомощный... И ведь это Лоусон познакомил ее с Бриоля и сюда отправил по просьбе Бриоля... Но Бриоля обращался с Лоусоном так почтительно, словно с отцом или с большим боссом. Бриоля зачем-то понадобился этот русский, но не мог же он вызвать ее, не сообщив Лоусону, зачем она потребовалась. Грязный старикишка... А может быть... Нет, наверняка знал, что из нее сделают приманку. Мысли начали путаться, утратили стройность, последовательность...

«Что они потом со мной сделают?— с испугом подумала девушка.— Меня видели с этим русским, наверняка у кого-нибудь есть фотография, меня начнет искать полиция. И они решат меня убить, чтобы избавиться от свидетеля. Их-то не видели, не знают... Да, они меня убьют. Когда отгадают этого русского».

Линда сумела взять себя в руки, чтобы не разрыдаться. Она решила воспользоваться первым же случаем и бежать. До границы час езды на машине, а можно и автобусом. Пусть денег немного, на первое время хватит. А потом? Главное, остаться живой, тогда все как-нибудь образуется...

— Итак, джентльмены, события разворачиваются,— начал очередное совещание председатель «горячей» группы.— Я бы никогда не подумал, что гангстеры могут связаться с большевиками. Они позвонили в советское посольство и сказали, что держат парня и выпустят его, когда их человека отпустят мы. Каково?

— Мы знаем об этом звонке,— сказал представитель «агентства».— Вам передали нашу запись разговора. Задача сейчас одна— первыми заполучить парня. А найти его— дело «бюро».

— Звонок шел с побережья,— глядя на листок бумаги, лежащий перед ним, вступил в разговор человек из «бюро».— Мы проверили через свою агентуру ряд «семей». На сей раз мы имеем дело не с традиционной группой, а с новым образованием, пока еще недостаточно хорошо нам известным. Среди них есть люди из Латинской Америки, а эти особенно жесткие...

— Вы полагаете, что он на побережье?

— От Эймса до побережья три с лишним часа езды. Вряд ли, если он в районе Эймса, кто-либо поехал так далеко ради звонка. Я полагаю, что он где-то посредине.

Представитель «бюро» достал карту и начал показывать, где собственно Эймс, а где то место на побережье, откуда звонили. Дорога проходила через несколько поселков, заворачивая к небольшим городкам и одновременно огибая их.

— А как этот, из «Эль падре»?— поинтересовался помощник министра.

— Его еще раз допросили, но без результата. То, что у него нашли, позволяет дать ему год тюрьмы, но можно и отпустить за отсутствием серьезных улик, ограничившись штрафом.

— Отправьте его в Колумбию,— предложил человек из «агентства».— Нам нужен как можно скорее этот чемпион и... закрыть вопрос с русскими.

— Предлагаю передать наше мнение руководству,— сказал помощник министра.— Теперь— все силы на то, чтобы парень достался нам.

— Трое русских из консульства сегодня в десять утра уехали в Эймс. Так что теперь у нас есть на этой охоте соперники...

Бриоля взял из коробки сигару, маленькими ножничками отрезал кончик, повернулся к Джону, почтительно стоявшему перед шефом.

— За русским надо отправить Ларри. Как и в

первый раз—глубокий сон, отвезти на побережье и там оставить. Полиция его быстро распознает.

— А парни?

— Им надо уехать подальше и молчать потверже.

— Молчать они умеют. Они нам могут пригодиться позже.

— Хорошо бы обойтись без них. Ну, это так. Шутка. А что вы думаете о девушке?

— Ее видели слишком многие. Думаю, что ее ищут не меньше, чем его.

— А если найдут?

— Она знает многих.

— Это нехорошо.

— Очень нехорошо.

— Может быть, отправить ее куда-нибудь?

— В Россию, шеф, вместе с парнем.

— А серьезно?

— Серьезно? Она слишком многих знает. Честно говоря, мне ее жалко... Но вас, шеф, и себя тоже жалко. И других.

— Ларри сможет?

— Это его дело. Он знает, как это сделать чисто... Перебрала наркотиков... Бывает...

Второй день после похищения подходил к концу. По телевизору шла программа новостей, перебиваемая рекламными вставками. Наконец, «Форд» с экрана укатил и появился диктор.

— Министерство иностранных дел получило ноту от посольства Советского Союза в связи с исчезновением после соревнований на Кубок мира в Эймсе русского чемпиона Виктора Бутакова. Пока что мы не располагаем никакой информацией о нем. Правда, во время чемпионата его неоднократно видели в обществе красивой блондинки.

Диктор при этом чуть ухмыльнулся, а Бен расхохотался.

— Они, кажется, недалеки от истины. Вы действительно вместе. Послушай, Виктор, а почему бы тебе не жениться на Линде? Ты ей нравишься. Не так ли, Линда?

— Если ты согласишься жениться на мне, то нам дадут миллион,—поддержала шутку Линда.

— А когда тебе начнут предъявлять наши фотографии на опознание, мы тебя убьем,—меланхолично вступил в разговор Уэйн.

Все посмотрели на него с неприязнью. Но ведь он сказал правду...

Бен помрачнел и выключил телевизор. Некоторое время все сидели молча.

— Ладно,—примирительно сказал Уэйн,—давайте ложиться спать. Когда спишь, новый день приходит скорее. А если бог поможет, то все будет хорошо.

Виктор не спешил подниматься наверх, он решил посмотреть, как теперь разместятся его похитители, превратившиеся в сторожей.

— Тебе снотворного не требуется?—шутливо спросил Бен.

— О, нет, нет!—отрицательно закрутил головой Бутаков.—От него голова болит.

— Ладно, не бойся...

Лежа на кровати, Виктор пытался придумать какой-то выход. Он считал варианты, и ни один не сулил ему ничего хорошего.

«Попал в историю,—думал Виктор.—Что же делать? Ну, отдадут полиции, так ведь потом доказывают, что да как, объясняй, кто похитил, зачем... А ведь могут и убить, чтобы не выдал всю голкомуанию. Если способны людей похищать, то на что угодно пойдут. Говорят, сообщили в наше посольство, но толку-то что? Хорошо бы определиться по карте, где все-таки держат...»

Виктор нажал на кнопку часов и увидел на табло 10.32. Он установил будильник на пять утра и сунул часы под ухо. Но уснуть в эту ночь ему так и не удалось.

«Только бы ступеньки не скрипнули»,—думал Бутаков, спускаясь вниз. В одной руке он держал ботинки, другая скользила по перилам.

Парни спали на раскрытом диване недалеко от каминна. Пока он на цыпочках пробирался к двери в тамбур, они даже не шевельнулись. Лишь Линда—ее кушетка была ближе к двери,—когда он поравнялся с ней, подняла голову. Виктор приложил пальцы к губам, показывая—тихо. Линда смотрела на него вопрошающе.

Виктор помахал ей пальцами руки, как это делают, когда хотят сказать «До свидания». Линда ответила ему так же, добавив еще и воздушный поцелуй.

В тамбурах стояли две пары лыж с пристегнутыми к креплениям ботинками. На «мысках» одной из них висела куртка-дутник. Виктор обулся, потом взял куртку и решительно надел ее. Куда делась его куртка, он не знал, и потому считал себя вправе взять эту.

На небольшой площадке стояли две машины. Он подошел к одной и попробовал потянуть за ручку. Бесполезно—она была заперта. Зато вторая машина открылась, но ключей в замке зажигания не было.

Тем не менее Виктор сел на сиденье, огляделся, открыл крышку ящика и нашел там карту. На всякий случай сунул ее в карман, затем порылся еще и нашел нож.

Делать нечего—на машине не уехать без ключей. Уходить пешком? А кто знает, как далеко идти? И вдруг его осенило—лыжи. Он быстро вошел в тамбур и через мгновение уже пристегивал на улице крепления.

Нож оказался садовым, кончик лезвия был заточен «серпом». Виктор быстрыми ударами прорезал колеса сначала на одной, а затем на другой машине.

До настоящей дороги оказалось не так далеко—всего метров триста, но выезд на нее был с поворотом, и Виктор едва не вылетел на асфальт. Несколько секунд он стоял на дороге, прислушиваясь: может быть, появится хоть какая машина. Но в воздухе висела тишина, от которой, говорят, звенят в ушах.

Бутаков сбросил лыжи и побежал по дороге направо. У него не было ни малейшего представления, что это за дорога и куда она ведет. Метров через двести он перешел на другую сторону, сошел на снег, опять надел лыжи и заскользил. Снег был пушистым, да и лыжи—обычными, а потому пришлось идти простым переменным шагом.

Наконец, появился столбик со щитком, на котором был написан номер дороги—93, а под ним—466. На карте она была обозначена двумя тонкими красными полосками: дорога местного значения. Но опять-таки непонятно, в каком месте он находится: дорога-то длинная и никаких верстовых столбов.

Начало светать. В морозный день в лесу—а дорогу с обеих сторон обступали деревья—звук разносится далеко. И когда раздался характерный треск—пока еще вдалеке—двухтактного двигателя, Виктор насторожился. Звук шел сверху, а затем начал удаляться. Как многие лыжники, Виктор часто катался на снегоходах и у нас, и за рубежом. Он сразу понял, что кто-то выкатил на «сноубомбле».

За рулем снегохода сидел Бен, сзади Уэйн. Они скатились на дорогу и внимательно смотрели на нее, пытаясь обнаружить след беглеца. Затем Бен повернул руль налево и резко прибавил газ, Уэйну пришлось обхватить его руками, чтобы не свалиться. Они знали, что до ближайшего поселка всего три мили, а потому выжимали из мощного двигателя все, что можно.

Лишь вкатив в поселок, они сбросили скорость. Почти во всех домах еще было темно, только в одном горел свет. Снегоход остановился, и парни направились к дому. Уэйн полез за пазуху и вынул пистолет. Они не стали стучать в дверь, а, мягко ступая, подошли к окну, прислушались. В доме громко разговаривали мужчина и женщина: судя по всему, вечерний скандал подходил к логическому завершению—кто-то укладывал вещи.

Бен тихо свистнул, чтобы обратить внимание через чур увлекшегося диалогом Уэйна. Жестом он показал, что надо отсюда уходить. Не заботясь о том, что шум двигателя может перебудить весь поселок, Бен снова дал полный газ, разворачивая снегоход.

На пороге бунгало, из которого убежал Виктор, появилась Линда. В руке у нее была сумка, на сей раз не такая объемистая, как в день ее приезда в Эймс. Она посмотрела в ту сторону, откуда всходило солнце, и прошептала:

— Боже милосердный, помоги этому русскому парню... и мне тоже...

Наконец, появился зеленый транспортант, на котором белой краской было написано: «Линн Лейк-20», «Медард-34».

Виктор развернул карту и начал изучать ее, пытаясь «привязаться» к местности. А когда разобралась—чертыхнулся: надо было идти налево, чтобы выйти в какой-то «Орок». К тому же дорога кончалась в этом самом Медарде, а значит, рассчитывать на попутку не приходится. Можно, правда, идти на север через лес и попробовать выйти на «сплошную красную» под номером 15.

Он снова вышел на дорогу, пробежал метров пятьдесят—пусть преследователи думают, что его подобрали «попутка». Потом опять прищелкнул крепления и пошел в лес, который поднимался в горку.

Теперь снегоход катил не так быстро. И Бен, и Уэйн высыпали следы на снегу вдоль дороги. Наконец они добирались до поворота к хижине и двинулись дальше.

— Гляди, вон следы лыж!—крикнул Уэйн, указывая на другую сторону дороги.

— Он не знал, куда идти. Теперь мы его догоним. И снегоход рванулся вперед. У транспортанта следы лыж пропали.

— Его кто-то подвез,—сказал Бен.

— Смотри,—крикнул Уэйн, снова заметив следы лыж,—он хотел нас перехитрить!

— Классный парень,—восхитился Бен, переклады-

вая руль снегохода, чтобы вывести свою мощную машину точно на след беглеца.

Виктор знал, что рано или поздно они найдут его след. А от снегохода не уйти—слишком разные скорости у человека и машины. Спасение могло быть только в одном случае—если у снегохода кончится горючее или произойдет поломка. С первого же пригорка Виктор покатил так, чтобы в конце спуска оказался трамплин. Потом он несколько раз менял направление хода на девяносто градусов, так, чтобы преследователи, если не впишутся в поворот, влетели в дерево.

На трамплине снегоход подбросило, и Уэйн выпал в снег. Бен не заметил этого и катил дальше. Уэйн, увидев, что напарник вот-вот скроется в лесу, выхватил пистолет и выстрелил в воздух.

По хлопку выстрела Виктор понял, что преследователи милях в двух-трех. Уже близко.

Бен подкатил к отряхивавшемуся от снега Уэйну.

— Я чую шею себе не сверну.

— Извини, я не видел этой штуки.

— Ладно. Что еще придумает этот чертов русский?

Бутаков наконец нашел, что искал. Ему попалась здоровенная валежина. Он положил ее между стволами двух деревьев, стоявших метрах в двух друг от друга. Потом лыжами нагреб снега, замаскировал валежину, проложив лыжню, чтобы она не прерывалась, и не стал дожидаться, пока прикатят преследователи.

Бен выжимал из снегохода все, что возможно. Он видел, что горючего осталось минут на десять езды, и понимал, что, если они за это время не догонят беглеца, он уйдет от них. Вот почему он следил лишь за лыжней, опасаясь нового поворота—дважды они едва не влетели в дерево.

Валежины он не заметил и потому не сбросил газ. Наткнувшись передней «вилкой» на препятствие, снегоход резко остановился, и Бен по инерции полетел вперед, разбив головой ветровое стекло. Корпус занесло, и Уэйн вылетел в сторону, сильно ударившись о дерево.

Перевернувшись в снегу со спины на живот, Уэйн сел, огляделся. Увидев лежащего впереди в нескольких метрах зарывшегося головой в снега Бена, он поднялся и, пошатываясь, пошел к нему. Бен был без сознания. Уэйн повернул его на спину. По лицу Бена текла кровь. Он поднял его голову, зачерпнул в горсть снега и потер им лоб, смывая кровь и одновременно стараясь холодом ее унять. Бен открыл глаза, но было видно, что он «плывет».

— Что случилось?—сложно пьяный, еле шевеля языком, спросил он.

— Мы на что-то налетели.

Они вместе посмотрели назад на снегоход и увидели... большое бревно.

— Я знал, он что-то придумает,—сказал Бен.

— От этих русских всегда нужно чего-то ожидать.

Снегоход валялся в снегу, у него была разбита фара, раскололся пластмассовый обтекатель, а главное—было сломано крепление передней лыжи и покореженный дюралевый полоз валялся в стороне.

— Значит, он от нас уйдет.

— И попадет в полицию...

Теперь уже Виктор не хитрил. Он лишь однажды сделал остановку, съел найденную в кармане куртки шоколадку, посыпал снег и отправился дальше.

Завидев дорогу, он не поспешил к ней, а двинулся вдоль, чтобы убедиться в том, правильно ли он вышел. Время от времени по трассе проскачивали большие грузовики. Наконец, появился щит, на котором стояла цифра «15». Рядом с ним на небольшом столбике была коробка с телефоном дорожного мастера.

Виктор открыл ящик—трубка на месте, на рычаге. Он поднял ее.

— Хеллоу,—раздался сразу же голос.

— Помогите мне... Соедините с Эймсом... с мотелем Эймс...—сбивчиво заговорил по-английски Виктор.

Потом он слышал, как дорожный мастер говорил с телефонисткой. Затем чей-то голос произнес: «Мотель Эймс».

— Я хочу поговорить с кем-нибудь из русских.

Хотя Виктор и знал, что команда должна была улететь на следующий день после окончания соревнований, он все-таки надеялся, что хоть кто-то его ждет.

— Эй, мистер,— позвала телефонистка.—Тут кто-то хочет говорить с русским.

Молодой человек, сидевший у журнального столика неподалеку от каминна в регистратуре мотеля, молниеносно вскочил и подбежал к стойке.

— Вице-консул Камов слушает.

— Это Бутаков говорит.

— Виктор? Ты где?

— Я сбежал от них. Я на дороге номер пятнадцать, у телефона дорожного мастера.

— В каком месте?

— А черт его знает. На коробке написаны через три цифры — пятнадцать, восемнадцать и четыре.

— Стой там, мы едем.

В белом домике, который носил название «Сити холл», в комнате рядом с кабинетом мэра сидели двое полицейских и человек в штатском.

— Виктор Иванович, — обратился к нему Камов, едва переступив порог, — нашелся.

— Отпустили? Где он?

— Сам сбежал. Ждет на дороге.

Полицейские смотрели на них внимательно и настороженно.

— Знаешь, где это?

— Разобрался.

— Ладно. Давай за них и сразу к нам.

— Я только заправлюсь.

— Парень нашелся, — объявил Виктор Иванович. — Мистер Камов едет за ним.

Машина Камова стояла у бензоколонки, а неподалеку от нее, готовая ехать следом, пофыркивала сине-белая машина полиции.

Мимо на хорошей скорости проехал Виктор Иванович, и тотчас следом за ним рванули полицейские, решив, что их хотят обмануть, а потому Камов тянет время.

— Вот чудаки, — хмыкнул Камов. — Ни с того ни с сего дернулись... Зато мне легче будет, обойдемся без переговоров.

— Только что мне сообщили из Эймса: кто-то позвонил в мотель и по-русски разговаривал с вице-консулом, — докладывал представитель «агентства». — Сейчас нам должны перегнать запись беседы, через несколько минут мы будем иметь перевод.

— А мы держим под контролем машину русского консула.

На приставном столике зазвонил один из телефонов.

— Хеллоу, — протянул нараспев владелец кабинета и тут же передал трубку «лохматому».

— Так. Хорошо. Записываю. — Он бесцеремонно взял какой-то листок со стола помощника министра, выхватил ручку из кармана пиджака и начал черкать какие-то цифры.

— Итак, джентльмены, — повесив трубку, многозначительно произнес человек из «агентства», — этот русский чемпион звонил в Эймс и сообщил сотрудникам консульства, где находится сейчас. Они едут за ним...

— Наши люди имеют указание взять его любой ценой, — твердо произнес человек из «бюро».

Увидев столб с телефонной коробкой, Камов начал притормаживать, одновременно поглядывая в зеркальце — нет ли за ним полиции. Машина остановилась метрах в трех от телефона. Камов включил мигающие фонари аварийной остановки, вылез на дорогу, потянулся, оглядываясь по сторонам, потом пошел вокруг машины, вглядываясь в перелесок.

— Товарищ консул! — послышалось с другой стороны дороги.

Камов обернулся. Никого не было видно.

— Бутаков! — крикнул он. — Виктор, ты где?

— Сейчас.

И Камов увидел, как из-за толстой сосны появился Виктор.

Он побежал через дорогу, неся лыжи в руках.

— Замерз?

— Конечно. Вы целую вечность добирались.

— За сорок минут почти сто миль проехал, а ты — вечность... Сядь быстрей...

Аэропорт Шереметьево-2 был перегружен: в эти часы скопилось много рейсов. Репин работал в зале прилета. Не было ни одной свободной минутки, ко всем стойкам выстроились очереди, и Леня ни разу даже не присел. Работал автоматически, быстро, четко смотрел в телевизоре на внутренности чемоданов, иногда просил открыть сумку, забирал декларацию, возвращал паспорт, говорил «До свидания» и «Следующий».

И вдруг в потоке незнакомых людей — наших и иностранцев — Леонид увидел Бутакова. Тот шел напрямую прямо к его стойке. Репин застыл:

— Поздравляю с победой! А почему один?

— Все уже дома.

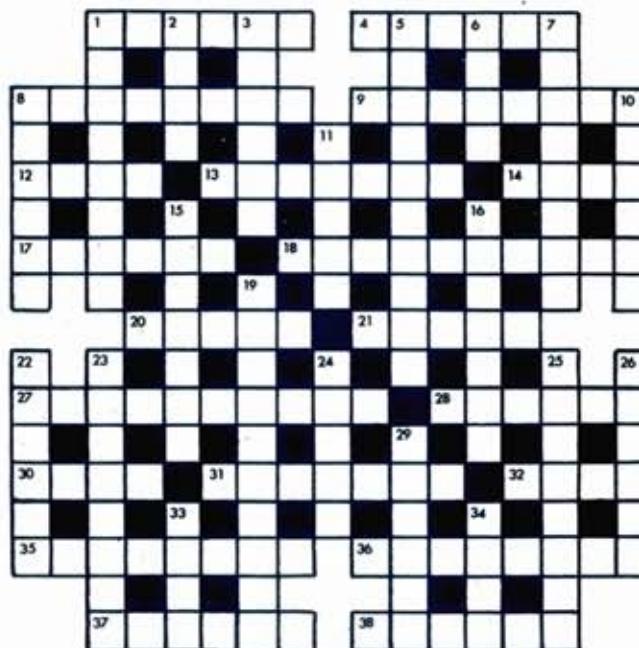
— И ведь правильно: чемпионам командировку надо продлевать, заслужили.

Бутаков внимательно посмотрел на таможенника — не издевается ли тот, но лицо Репина выражало совершенно искреннюю радость от встречи. Виктор облегченно вздохнул, улыбнулся и сказал:

— Все должны приезжать вместе. И чемпионам делать исключений не следует.

КРОССВОРД

Составил А. ЕСИПОВ, Москва

По горизонтали:

- Страна, где в 1627 году мир лишился последнего тура.
- Мерило, образец.
- Мане, Эль Греко (занятие).
- Каждый из героев в романе А. Дома о д'Артанье.
- Название войска на Руси.
- «Настоящий» отец Наташи Ростовой.
- Предмет женской одежды.
- Поэт и философ, записи и мысли которого изданы во Франции в 29 томах.
- Птичник.
- Человек, на которого и зверь бежит.
- Наука, цель которой, по мнению средневековогоченного Парацельса, «не в изготовлении золота, а в приготовлении лекарств».
- Мифический мудрец Востока, чье имя в переводе значит «владелец золотых верблодов».
- Политика устрашения.
- Красный — черный, добро — зло, ... — ночь.
- Металл, лучший проводник тока.
- Доля, судьба.
- Необходимое для стрелка качества.
- Поз, из статьи которого «Прогулка в Академию художеств».
- А. Пушкин, по мнению В. Брюсова, замысливал мысль первых стихов «Медного всадника».
- Представитель кавказского народа, о кочевом прошлом которого свидетельствует одно из названий кнута.
- Присущее И. С. Баку произведение, названное исследователем его творчества Вольфрамом «гигантом, грозящим сломить нежное тело скрипки».

По вертикали:

- Трава, другие русские названия которой берестень, житожельдь, поленок, рябь.
- «Медовое» дерево.
- Каждый сверчок знал свой ...
- Талант, ... терпение — три «т», необходимые шахматисту.
- Лучшие комнаты в гостинице.
- Пометка в тексте.
- Шахматный прием, обычный в красивой комбинации.
- Кулик, весной облетающий свою территорию с громкой песней.
- Город на Шаньдунском полуострове в Китае.
- Степень освещенности.
- Комната для занятий, работы.
- Состояние, изображаемое в медальерном искусстве в виде обелиска, украшенного пальмовой ветвью.
- Остров у берегов ГДР.
- Американский яхтсмен, в 1849 году первым в мире совершивший в одиночку морское путешествие, проплыл 13 тысяч миль.
- Русское название родонита.
- Моллюск, из которого добыта самая большая в мире жемчужина.
- Декабрист, построивший в Шушенском дом, в котором во время ссылки жил В. И. Ленин.
- Крупное скопление кораблей.
- Музикальный инструмент с колотушкой.
- Автор романа «Отверженные».

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, ОПУБЛИКОВАННЫЙ В № 21

По горизонтали:

- Гюрза.
- Рдест.
- Аллигатор.
- Термометр.
- Свердловск.
- Кукарники.
- Ерошка.
- Инженер.
- Притча.
- Химикат.
- Лимановский.
- Герат.
- Перегородка.
- Навар.
- Конгломерат.
- Явление...
- Тантал.
- Записки...
- Умышка.
- Космополит.
- Дарданеллы.
- Калорифер.
- Рокировка.
- Этвеш.
- Фауст.

По вертикали:

- Юрисдикция.
- Зрачок.
- Дымарь.
- Семинарист.
- Аллегория.
- Нонсенс.
- Рекуператор.
- Штакетник.
- Успех.
- Цыган.
- Легирование.
- Патефон.
- Морковь.
- Легар.
- Марат.
- Генералитет.
- Горностай.
- Игуанодонт.
- Терменвокс.
- Символика.
- Этика.
- Экватор.
- «Батый».
- Нобиле.
- Ядица.

УЧАСТНИКАМ КОНКУРСА КРОССВОРДИСТОВ!

Победителем второго задания конкурса стал художник Н. Васильев из Новочебоксарска Чувашской АССР, кроссворд которого мы опубликовали в № 20 журнала.

Общие итоги и имена призеров второго задания конкурса напечатаем в № 23.

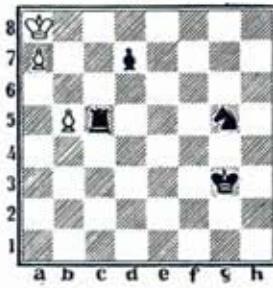
ШАХМАТЫ

Под редакцией
гроссмейстера
Виктора ЧЕПИЖНОГО

Вкус и эрудиция

Для творчества известного советского этюдиста Витольда Якимчика (1911—1977) всегда была характерна углубленная разработка сложных, масштабных тем и идей в предельно экономичной форме, при обязательной внешней простоте начальной позиции этюда. Его высокие творческие и спортивные успехи базировались на самобытном таланте, большой аналитической силе, тонком вкусе и широкой эрудиции. В его этюдах, как правило, нет статистов, все фигуры играют активную роль в финальной «сцене». Неудивительно, что миниатюра имеет большой удельный вес в творчестве В. Якимчика.

«Шахматы в СССР»
1954 г.

Ничья

1. b6 Kf7 2. b7! Kd6 3. b8C! Lb5!
4. C:d6+ Kpf3 5. Cc7! Kpe4 6. Cb6!
Lb6 — пат! 1... Ke6 2. Kpb8! Lh5 3.
a8F Lh8+ 4. Kpa7 L:ab8+ 5. Krc8
Kc5! 6. Kpb8 Kpf5 7. Krc7 Krb8 8.
b7 d5 9. b8K!, ничья. Излюбленная
автором тема слабых превращений.

«Шахматы в СССР»
1966 г.

Выигрыш

1. e6 g3! Проигрывает 1... Ca4 2.
Cf7 Cb3 из-за 3. Cg6+ 2. Cf7 Kpe3!
3. Ce8! Обходя тонкую ловушку:
3. e7 Kpf2 4. e8F Cf3! 5. Cb5!
C:g2+ 1. Cg2 — пат! 3... Kpf2 4.
Cc6 Ce2! 5. e7 Cf1 6. e8K!, и
выигрывают.

«Шахматы в СССР»
1966 г.

Ничья

1. Kh1! Проигрывает 1. Ko4?, в
чем читатель может убедиться са-
мостоятельно. 1... Krep! 2. K:e3!
Lh2+ 3. Krep! Lh1+. После 3...
K:e3 4. Cd6+ K:db — пат! 4. Kf1
Kh2. Ничья и в случае 4... Ke3 5.
Kpf2 K:f1 6. Kpg2. 5. Kpf2 L:f1+ 6.
Kpg2 L:f1 7. Ce1! Lh1 8. Ca3! — о-
ригинальная позиционная ничья.

Наш адрес: 101457, ГСП, Москва, Бумажный проезд,
14. Телефон для справок: 212-15-07. Рукописи,
фото и рисунки не возвращаются. Рукописи
объемом более одного авторского листа (24 ма-
ниципальных страницы) редакцией не рассматриваются.

Сдано в набор 03.10.86. Подписано к печати 16.10.86. А 04409. Формат 70×108^{1/8}. Глубокая печать.
Усл. печ. л. 5,60. Усл. кр.-отт. 11,55. Усл. кр.-отт. 17,50. Тираж 1150 000 экз. Изд. № 2714. Заказ № 3808.
Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография имени В. И. Ленина
издательства ЦК КПСС «Правда». 125865, ГСП, Москва, А-137, улица «Правды», 24.

Эльжбета БЯЛЕЦКА

(Интерпресс АПН — специально
для «Смены»)

Ч

уть ли не ежедневно задолго до открытия варшавского торгового центра «Юниор» у его витрин выстраивается очередь молодых людей. Приезжают даже из других городов. Знаменит «Юниор» тем, что новинки попадают на его прилавки без опозданий и, что важно, по ценам вполне доступным молодежи. А «виноваты» в этом предприимчивые работники торговли, которые несколько лет назад объединили свои усилия со швейниками и дизайнерами. Сотрудничество оказалось плодотворным, и в результате черный рынок и комиссионные магазины растеряли немалую часть своей клиентуры. Модным стало то, что покупается в «Юниоре». Особой популярностью пользуется одежда, выполненная по эскизам известного модельера Барбары Хофф.

Экономические трудности последних лет сказались, разумеется, и на швейной промышленности, и все-таки «Юниор» по-прежнему остается одним из самых интересных магазинов польской столицы.

В чем же секрет успеха? Ежегодно наша молодежная коллекция пополняется десятками и десятками новых образцов. Художники заботятся об универсальности одежды, а потому в одном комплекте можно заменить, например, брюки на юбку. Можно использовать предметы одного комплекта в сочетании с предметами из другого. Модели, как правило, разнообразны по цвету, материалу, схож только принцип их построения — многослойность.

Особое внимание польские художники одежды уделяют всевозможным дополнениям. Модны пластмассовые клипсы, а особый шик — в одном ухе, да еще невероятных цветов! Популярны и пластмассовые браслеты, заколки в волосах. Плюс к этому вязаные полосатые гетры, ремешки на голову, длинные разноцветные шарфы — все теплое, пушистое.

Вы, конечно, замечали: стоит всем прохожим на улице одеться одинаково, и мода, еще такая привлекательная вчера, сегодня уже становится навязчи-

**ТОЛЬКО
В "ЮНИОРЕ"**

вой, придается. Но польки редко расстаются с вышедшими из моды вещами. Прячут их на антресоли в ожидании, когда эти модели вновь будут достойны внимания. «Скорее доставайте из шкафов, если там еще сохранились, старые бриджи», — говорит Барbara Хофф. — Их можно носить с туфлями на плоской подошве или с короткими сапожками, либо с очень высокими сапогами. Модны бриджи с пиджаком. А под ним — рубашка типа мужской, с галстуком. Я знаю, что наши производители всегда опаздывают и еще долго не изготовят нам модные плащевые, поэтому пока мы можем носить мужские. Сейчас популярны также широкие прямые свитера типа мужских. Облегающие свитерочки придется отложить до времен, когда они вновь войдут в моду. Не забывайте: наряжаться вовсе не обязательно. Но каждый должен постараться придумать что-нибудь интересное, оригинальное, а вещи из бабушкиных сундуков помогут в этом».

